

Николай Полотнянко
БЕССТЫЖИЙ ОСТРОВ

**ББК 84(2Рос=Рус)
П.52**

Николай Полотнянко

Бесстыжий остров реально находится на Волге в пределах Ульяновска. Пока он необитаем. И автор пожаловал его в собственность крупнейшему богатею региона Козыреву, который превратил остров в непотопляемый струг имени Стеньки Разина, и ежегодно устраивает шумные игрища в честь удалого атамана всея Руси с бросанием персианской княжны в Волгу. К 70 - летию олигарха намечено затопить на острове грандиозные юбилейные торжества. Для участия в них из Англии, закончив курс обучения, возвращается Митя, сын Козырева, который за несколько дней, без всякого на то умысла, сумел своими наивными поступками простодушного умника перебалмутить весь город и вынужен был, не найдя понимания среди обитателей Бесстыжего острова, бежать в сторону туманного Альбиона.

Автор доводит до сведения читателей, что все события и персонажи романа не имеют отношения к реальным лицам, и любое сходство с кем-то и чем-то есть случайное совпадение.

БЕССТЫЖИЙ ОСТРОВ
-современный русский роман-

© Полотнянко Н.А. 2013

Ульяновск
2013

Глава первая.

-1-

Душа России

*Бурлят разломы жизни грозовые.
За век два царства пущены на слом.
И мечется во тьме душа России
Как погорелец, потерявший дом.*

*То к Западу качнётся, то – к Востоку,
Но не поддастся чуждому уму.
То в одночасье охладает к Богу,
То восплает верностью к нему.*

*То, в смуту внав, опять себя терзает,
Без милосердия всё вокруг круша.
И только вещей чёрный ворон знает,
Что ищет в бунте русская душа.*

*Она стремится к своему истоку:
Ведь только ей, вселенской голытьбе,
Господь поволил знать к нему дорогу
И крестный путь изведать на себе.*

Для меня эта история началась с телефонного звонка. Он прозвучал совершенно неожиданно и в самый неподходящий момент, когда я, расположившись на лоджии в покойном шезлонге, вознамерился выкурить первую послеобеденную сигарету. Глянув на определитель номера, я насторожился: меня вызывал Андрей Ильич, а этот господин по пустякам никогда не беспокоил.

– Тебе как советнику и тем более свояку надлежит знать, что моя семья увеличилась на одну треть. Или твоя Люба уже известила тебя об этом?

– Теряюсь в догадках, – проямлила я, показывая жестом жене, чтобы она сняла трубку спаренного телефона. – Ваши решения непредсказуемы и всегда ставят меня в затруднительное положение.

– Это как тебя понимать?

– Вы, Андрей Ильич, создаёте проблемы, а преодолевать их почти всегда приходится мне. Что я и делаю с превеликим для себя удовольствием, – с отработанными подобострастными нотками в голосе произнёс я.

– На это раз ничего трудного. Ты в курсе, что у меня есть сын?

– Слышал что-то такое от Али, но, честно говоря, не вникал. Личная жизнь патрона для меня табу, – нагло соврал я, ибо уже давно завёл тетрадь и записывал в неё всё, что только мог выведать о Козыреве, не гнушаясь даже откровенными сплетнями.

– Он приехал из Лондона и успел заскучать. Покажи парню город, присмотришь к нему, но только аккуратно, бережно. Сын – английского воспитания, а мы привыкли друг с другом не церемониться. Потом скажешь, как он тебе показался.

– Куда мне подойти, чтобы с ним встретиться?

– Он тебе позвонит.

Итак, моё более чем недельное безделье закончилось. Пора вплотную приступить к обязанностям советника и доверенного

лица президента концерна «Народная Инициатива». И для этого надо сбросить с себя лень, отягощённую почти ежедневными застольями то в гостях, то дома.

– Почему ты не спросил, как зовут сына? – сказала Люба.

– Зачем нарываться на неприятности? Лишний вопрос мог перенастроить барина на недружелюбный лад. Я сам познакомлюсь с англичанином и постараюсь ему понравиться.

– Он вовсе не англичанин, а неизвестно кто, – веско обронила жена. – Но это не твоего ума дело.

– Как это не моего? – вспыхнул я. – Перестань баловаться и выкладывай

всё начистоту. Кто, где, когда и почём толкнул тебе сплетню, которую наша рерихнутая общественность сейчас обгладывает со всех сторон.

– У Виктории Генриховны информация точная.

– Ну да, – насмешливо скривился я. – Она как жена мэра выше моих пошлых подозрений.

– Так ты будешь слушать? – обиделась Люба.

– Говори, а я пока закурю.

– Вчера вечером мэра позвонила Але и, рассыпаясь в сочувствиях, сообщила, что её пасынок вовсе не сын Андрея Ильича, а искусственник или как это правильно называется...

– Как искусственник? – поразился я. – Робот, что ли?

– Вспомнила! – воскликнула Люба. – Он из пробирки!

– Даже так, – помолчав, сказал я. – Ну да ладно. Надеюсь, он не кусается, но я на всякий случай возьму с собой газовый баллончик. Теперь я понимаю, почему свояк был так ласков.

– Почему же? – топнула ножкой Люба, поторапливая с ответом.

– Он хочет сделать из меня гувернёра для своего выродка.

– Почему выродка?

– А как его назвать? Ты и я рождены нормальным человеческим путём. А он родился по блату, да по блату! Его бы и в помине не было на белом свете, если бы за него не заплатили энную сумму.

– Он же может позвонить в любую минуту, – спохватилась Люба. – А ты не готов. Срочно ополоснись под душем, а я приготовлю тебе чистое бельё и рубашку.

Подставив голову, а затем и всё тело под тёплые струи воды, я скоро приобрёл присущее мне благодушное расположение духа. И, поразмыслив, решил, что козыревский сын, хоть и

имеет невнятное происхождение, но вряд ли он хуже и гаже тех нужных для процветания «Народной Инициативы» господ, для которых время от времени Козырев закатывал пиры. А я был при нём главной шестёркой: организовывал и претворял в жизнь эти гульбища с привлечением музыкантов и певичек на день и длинноногих подстилок на тёмное время суток.

Конечно, это занятие было не из приятных, но оставшиеся неистраченными деньги плюс нескупые чаевые от гостей примиряли меня с действительностью и существенно увеличивали доходную часть моего бюджета. А это позволяло Любе не жаться в расходах на стол и даже покупать соответствующие её миловидности и стройности современную модную одежду, обувь и прочие дамские причиндалы.

Общение с лондонским гостем не сулило мне большой выгоды, но что-то да можно было выжать и такому скромняге, как я, из общения с наследником состояния, которое, по моим прикидкам, приближалось к полмиллиарду баксов. С бескорыстной помощью пенсионеров и бюджетников, которые и дня не могли обойтись без поедания козыревской колбасы, курятины, молока и молочных продуктов, мощна свояка взбухала как на дрожжах, и среди корреспондентов банка «Народная Инициатива» появились финансисты Кипра, Каймановых островов, Лихтенштейна и даже Цюриха.

Я тоже поспособствовал этому идейкой, показавшейся плодотворной и многообещающей Козыреву, который со свойственной ему жёсткостью и наглой прямоотой воплотил её в жизнь. Воспользовавшись трепотнёй о мировом кризисе, он приказал нагружать в пакеты не по литру, а по девятьсот граммов молока и одновременно повысил цены на всю молочную продукцию не на двадцать, как все, а на семнадцать процентов. Областные СМИ, радио и телевидение с моей подачи преподнесли эту аферу как благотворительность регионального олигарха, и народ, даже не вякнув, принялся опорожнять содержимое своих кошельков на прилавки козыревских супермаркетов, которые тоже назывались «Народная Инициатива».

Сказать, что эта операция обогатила меня лично, было бы большой натяжкой, но кое-что и мне обломилось. Во-первых, я был официально зачислен на должность советника президента с окладом, который обнародывать не буду, поскольку дал начальнику службы безопасности подписку о неразглашении

коммерческой тайны. Во-вторых, я получил в бессрочное личное пользование почти новую «Тойоту» из корпоративного гаража с документами на моё имя в качестве премиального бонуса. И в благодарность за это Люба устроила ужин при свечах, но это была только волшебная прелюдия к пылкой афинской ночи, которая воспалённой занозой засела в моей памяти, чтобы остаться в ней навсегда.

«А почему, собственно, я с такой опаской отношусь к встрече с отпрыском хозяина? – спросил я себя, стоя перед зеркалом, в котором до пояса отразилась моя персона: заметно отяжелевшее брюшко, покатые плечи, длинная шея и простоватая в веснушках физиономия. – Конечно, я не ястреб, но репа у меня в порядке: и варит, и кумекает дай бог каждому. Так неужели я не обортаю козыревского выроodka, чтобы он без моей подсказки и шага не мог ступить. Козырь долго не протянет, у него хроническая одышка, два инфаркта, он уже не в состоянии отшоркать свою Алю и по вечерам развлекается порнушкой. Нет, он долго не протянет, и я обязан подумать о своём будущем, чтобы оно у меня было если не в шоколаде, то хотя бы без жалкой доли жить на одну пенсию».

Эти рассуждения меня заметно приободрили. «Жизнь прекрасна!» – повторил я трижды шёпотом мантру, навязанную телепсихотерапевтом из ящика, куда меня как-то заставила заглянуть Люба, которая была весьма продвинута во всяких околomedicalных вопросах. К её мнению прислушивались в кругу самых значительных дам нашего города, где верховодила Виктория Генриховна, которые раз в десять дней собирались на посиделки в Рериховском центре. Войти в круг избранных было очень непросто, но моей Любе это удалось не только потому, что она родная сестра супруги ведущего олигарха области, но и в силу своего провидческого дара. Я не ведаю, как она морочила головы своим приятельницам, но могу сказать определённо, что содержимое моих карманов она знала превосходно и много раз заставляла расставаться с заначкой, точно называя имевшуюся у меня сумму денег.

Я вышел из ванной комнаты и сразу присел к обеденному столу. Ненормированный рабочий день научил меня выходить из дому сытым и готовым к выполнению самых неожиданных решений, которые Козырев обычно принимал без всякой подготовки и требовал их незамедлительного исполнения. Бифштекс с картошкой, кружка чая и бутерброд с сыром и

сливочным маслом были как раз к месту.

– Ты поосторожнее с этим англичанином, – сказала Люба. – Я, пока ты мылся, раскинула на картах, и они так выпали, что я не в состоянии их истолковать.

– А что твой третий глаз? – с серьёзной миной спросил я. – Что он видит?

– Тебе всё хаханьки, – надула губы супруга. – А разве я редко угадывала твоё счастье или неудачу?

– С этим я не спорю. Извини, дорогая, я просто пошутил.

Телефонный звонок прозвенел, когда я уже засовывал рубаху в штаны. Люба подала мне трубку.

– У аппарата! – нарочно съерничал я.

– Пригласите Игоря Алексеевича, – прозвучал в трубке мягкий, но твёрдый голос.

– Он вас слушает.

– Звоню вам по поручению отца. Я возле вашего дома, у газетного киоска.

– Очень хорошо. Немедленно выхожу.

Возле подъезда на скамейке сидели старухи, которые обшарили меня взглядами бывалых оперативников-розыскников. Зайдя за кусты акации и сирени, я не отказал себе в удовольствии выслушать их компетентное суждение о своей персоне.

– Опять куда-то вырядился.

– На промысел пошёл, на промысел!

– Может, на работу?

– Какая нынче у людей работа? Один промысел! И этот где-то промышляет, пока не убьют или не посадут, прости, господи!

Их оценка моего житейского статуса была почти верна, поэтому я на соседок не обиделся и, дойдя до угла дома, осторожно выглянул, чтобы разглядеть молодого Козырева издали и составить о нём предварительное мнение. Но поначалу моё внимание привлёк автомобиль, серебристый «Форд», который взяли в тиски два здоровенных гаишника. Похоже, англичанин нуждался в моей помощи, и я поспешил ему на выручку, одновременно набирая на мобильнике номер телефона замначальника областного ГАИ, с которым у меня были прочные деловые отношения.

– Геннадьич! Свистни своим охламонам, чтобы отпали от

моего человека.

– Сунь кому-нибудь трубку!

Сержант, изображая отдание чести, махнул красной лапешей возле своего оттопыренного уха, вернул мобильник и, мигнув напарнику, отпал от «Форда». А из машины выбрался молодой мужчина и, виновато улыбаясь, сказал:

– Эти полисмены меня вчера остановили и вынудили заплатить пятьдесят долларов штрафа.

– И вы им, конечно, не сказали, кто вы такой? Забудьте про полицию. Вот вам моя визитка. С этой минуты по любому делу, которое вызывает у вас хотя бы тень сомнения, спрашивайте у меня совета, как поступить.

– Хорошо, Игорь Алексеевич, – согласился он.

– Называйте меня просто Игорь, – прикинулся я рубахой-парнем.

– А разве это можно?

– В России возможно всё, особенно для людей того круга, к которому принадлежите вы.

– Вы так думаете?.. Тогда называйте меня Митей.

– Вот и познакомились, – удовлетворённо заметил я.

– А теперь должен выполнить поручение Андрея Ильича: показать вам город, добрая часть которого является законной собственностью акционеров «Народной Инициативы».

Я сел за руль, Митя разместился не рядом со мной, а как начальник – на заднем сиденье, что сразу сделало понятной его точку зрения на наши будущие взаимоотношения: бизнес и ничего личного. Это меня вполне устраивало: душевные отношения с лицом, от которого ты зависишь, чреваты конфликтом, в котором нет справедливого решения, ведь ещё дедушка Крылов заметил, что у сильного всегда бессильный виноват.

«Ладно, посмотрим», – решил я и углубился в изучение внешнего облика своего подопечного, не забывая держать в поле зрения и дорогу.

Какой-либо видимой ущербности в нём заметно не было. Он был примерно моего роста, не без приятности в лице, которому, на мой взгляд, не шли короткие бакенбарды, но у англичан они, кажется, в обиходе обычны, да и у нас хоть и редко, но всё же встречаются у старых холостяков, которым есть время экспериментировать над своей внешностью. Одет он был в потёртые джинсы и мятую рубаху с короткими

рукавами, которую можно было принять за «секонд-хенд», но она стояла не меньше трёхсот баксов. Я это знал точно, потому что Аля недавно подарила мне точно такую же, и моя Люба долго удивлялась её затрапезному виду и несуразной, на её взгляд, цене. Я помалкивал и не вмешивался в затеянную сёстрами по такому пустяковому поводу полемику, потому что знал: высокая цена товара отделяет бедных от богатых гораздо надёжнее, чем сословные различия, воспитание и даже происхождение.

– Выбирайте, – сказал я. – Можно посмотреть на Волгу с Венца, где высота берега достигает двухсот метров, можно полюбоваться городом из Заволжья, могу показать вторую реку Свягу, которую отделяет от волжского русла всего километра три, но она течёт не в Каспийское море, а на север, в противоположном течению Волги направлении.

– Всё это, конечно, любопытно, но мне хочется начать знакомство с городского кладбища, – произнёс, выдержав паузу, мой подопечный.

– А почему с кладбища? На нём ничего нет достойного для обозрения. Чугунное и каменное поголовье секретарей обкома партии и бандюганов. Ни те, ни другие не представляют исторической и культурной ценности, обычная массовка, ширпотреб.

– И всё-таки поедem на кладбище, – мягко, но твёрдо произнёс Митя, и мне оставалось только выполнить пожелание наследного принца. К счастью, шоссе на северную окраину города было почти свободно, и мы, не обратив внимания на пост ГАИ, не снижая скорости, вырвались на загородное шоссе и через полчаса были у входа на центральное городское кладбище.

– Я здесь никогда не бывал, поэтому вряд ли могу быть вам полезен, – произнёс я, не оборачиваясь к пассажиру. – Вряд ли здесь водят экскурсии, но контора работает. Собираетесь разыскать чью-то могилу?

– Вы угадали. Мне нужно найти могилу...

Голос Мити задрожал, я обернулся к нему и убедился, что «пробирочник» испытывает вполне обычные человеческие чувства. Это открытие меня обрадовало, хотя через пару секунд я вспомнил, что собаки и коровы тоже плачут, но, тем не менее, спросил:

– Скажите, чья это могила, и я её разыщу.

– Моей мамы, – Митя всхлипнул и промокнул глаза бумажной салфеткой.

Первая супруга босса умерла, и о ней я почти ничего не знал.

– У неё была фамилия мужа? – деловито осведомился я.
– Как её звали?

– Ленста Олеговна Костина.

Вопреки слухам о беспредельном мздоимстве на наших кладбищах мне хватило всего одной сотенной купюры, чтобы расшевелить смотрителя могил. Он щёлкнул мышкой – и через минуту я получил распечатанный на принтере листок бумаги, где были установочные сведения на покойную и схема кладбища с указанием места захоронения.

Я вышел из конторы, пропустил мимо оркестр и похоронную процессию и поспешил к Мите, который, выйдя из машины, с любопытством уставился на попа в священническом облачении, следующего по своей надобности к автобусной остановке.

– Что, Митя, наши попы поцветистей будут, чем протестантские и англиканские? Запирайте машину и пройдем на кладбище.

– Я вижу, Игорь, вы действительно необходимый для меня человек.

– Какие это дела? – небрежно бросил я. – Это не дела, а делишки. То ли ещё будет...

Митя пристально на меня посмотрел и усмехнулся.

– Вы правы, Игорь, то ли ещё будет.

По мере приближения к могиле матери он опять затосковал, поник, съёжился, но не плакал. Я шёл в шаге сзади его и корил себя за то, что не догадался купить цветов.

На могиле стояла метровая мраморная плита, позолота надписи потускнела, круглая фотография под стеклом покрылась по краям ржавчиной от железного ободка. Митя опустился на колени, прикоснулся губами к надгробью и заговорил вполголоса по-английски. Язык Шекспира был для меня недоступен, я почувствовал, что он заговорил не по-русски для того, чтобы не было свидетелей его разговора с матерью, и отступил в сторону, затем быстро пошёл по дорожке к старушке, которая стояла с букетом гладиолусов под тенью густолистой берёзы. На кладбище торг неуместен, я расплатился, взял букет и медленно направился к Мите, который сидел возле могилы на низенькой лавочке, держа двумя пальцами незажжённую

сигарету.

Он благодарно на меня глянул и положил цветы на надгробие. Некоторое время мы молчали, затем Митя оглянулся по сторонам и произнёс, явно адресуясь ко мне:

– Какое тягостное место! Эти ужасные и отвратительные железные оградки вокруг могил. Вон та, видите, заперта на ржавый замок. Зачем это всё? Кто придумал? От кого всё это повелось?

Меня тоже удивляло устройство наших кладбищ, но протеста никогда не вызывало: не нами заведено, не нами кончится, поэтому я никак не отреагировал на слова моего подопечного и полез в карман за сигаретами.

– Надо будет здесь всё переделать. Вы можете мне в этом помочь?

– Нет проблем, хоть сейчас, заехать к архитектору, он уже работал на нас, и Андрей Ильич им доволен.

– Ах, Андрей Ильич! – воскликнул Митя. – А что, ему трудно угодить?

– Он требователен, но не капризен.

– То есть он всегда готов согласиться со всем, что сулит ему выгоду.

Это заявление мне пришлось не по вкусу. Оказывается, пробирочник не так прост: палец в рот ему не клади – откусит! Но не ему меня водить за нос и вывернуться мне не составило труда.

– Выгода – это такой же принцип, как и бескорыстное служение обществу. И пренебрегать ею глупо и опасно, если не хочешь прослыть придурком.

Мы пошли к выходу и в кладбищенских воротах встретили траурную процессию: двое парней в чёрной униформе, явно сотрудники похоронного агентства, несли совсем небольшой гробик, и за ними шли родители умершего младенца. Я отвернулся от чужого несчастья, встретился взглядом с Митей и прочитал в его глазах любопытство, что он тотчас подтвердил.

– Первый раз вижу похороны младенца.

Я промолчал.

– Мне кажется, смерть младенца воспринимается по-другому, чем смерть уже пожилого человека.

– Любопытное предположение, – счёл нужным заметить я.

– Смерть младенца всегда вызывает недоумение и

растерянность порочностью мироустройства, если на него смотреть с человеческой точки зрения. Смерть младенца обозначает, что наше мироздание несовершенно, что в нём есть изъяны и что в них кроется причина неизбежной гибели всего существующего.

По убеждённости, с какой прозвучала эта фраза, можно было предположить, что Митя её не вычитал в какой-нибудь книжке, а выдумал сам, причем не сейчас, а уже давно, и мысль, заключённая в этом высказывании, является одним из опорных камней, на котором основывается его понимание жизни во всех её проявлениях.

Я уже давно установил себе за правило, не ввязываться ни в какие пустопорожние споры, поэтому благоразумно промолчал, хотя мой подопечный и бросал на меня вопросительные взгляды, явно ожидая, чтобы я вякнул какую-нибудь чушь, которую бы он мигом опроверг, но я не доставил ему этого удовольствия. Сел в машину, подождал, пока Митя пристегнёт ремень безопасности, и выехал на городское шоссе.

«У пробирочника определённо есть сдвиг по фазе, – думал я. – Но совсем с другой стороны, чем можно было ожидать. Он определённо не дурак, но у него завихрения другого толка, он склонен умничать, и это неизбежно заканчивается дурью. Хотя поживём – увидим».

– А вы, Игорь, хороший человек.

– Да? Спасибо на добром слове!

– Нет, серьёзно, я почувствовал, что вы задумались над моими словами, а не отвергли их как глупость сынка богатенького буратино.

– Признаться, они меня удивили. Хотя почему? Я вас, Митя, совершенно не знаю, услышал от Андрея Ильича, что вы приехали из Англии, и вообразил вас англичанином.

Митя лукаво на меня посмотрел и расхохотался так звонко и простодушно, что этот смех меня ничуть не задел.

– Отец почти прав: меня десятилетним увезли в Англию, поместили в частную школу, затем я учился бизнесу, но недолго. У меня отсутствует тяга к стяжательству. Последние четыре года я бездельничал в Париже и Лондоне, от нечего делать, посещая тамошние университеты. Систематического образования у меня нет, но кое-что я знаю довольно хорошо, например, русскую историю и литературу. Англичанином я, увы, не стал.

– Я тоже могу сказать, что получил образование за границей, – важно произнёс я. – И неоднократно побывал в Польше, Германии, Турции, Греции, Арабских Эмиратах. Правда, в языках ни бум-бум, но научился бойко торговаться на вшивых рынках этих государств. Лет десять был челноком. Вам известно, что это такое? На всякий случай объясню: я был одним из миллионов вьючных ослов, которые втащили Россию в дикий рынок. Как идиот, мечтал, что вот ещё одна поездка – и открою своё дело. Слава богу, что не рыпнулся. Некоторые открыли свои лавочки и вылетели в трубу, а тех, кто расторгнулся, взяли под ногти бандюганы или менты.

Митя угостил меня сигаретой, дал прикурить от своей навороченной зажигалки, сочувственно на меня поглядывал и вздыхал.

– Я знаю, что в России тогда были ужасные времена, – произнёс он и пригорюнился, не подозревая, что я прощупывал его в своей обычной манере, как поступал всегда, когда передо мной стояла задача раскусить того, с кем предстояло иметь дело.

Соль моего метода состояла в том, что я не лез человеку в душу с расспросами, а старался сделать отношения с ним тёплыми и доверительными через свою откровенность, доходившую до самоуничужения. Всё, что я говорил, не было голым враньём, какая-то доля правды в моих рассказах была, но подноготная суть моего вранья заключалась в другом. Люди склонны радоваться чужому несчастью не потому, что они плохи или дурно воспитаны. Всему виной их самолюбие. Рассказав Мите о своих заморочках в бизнесе, я польстил ему тем, что указал на себя как на ещё большего неудачника, чем он сам. Теперь он был просто обязан пожалеть такого бедолагу, как я, вспылать к нему сочувствием, приняться его наставлять, учить и советовать на примере своей жизни. Теперь он сам начнёт заголяться передо мной, не подозревая, что даёт мне нужные ниточки, дёргая за которые я смогу управлять им, как марионеткой.

Забавное это занятие – дурачить человека, с удовольствием припоминая, что я когда-то точно так же повёлся на ложную откровенность Андрея Ильича и, как тетеря, выложил ему всё про себя как на блюде, но, видимо, сумел чем-то затронуть чёрствую, как ржаной сухарь, душу дельца. И Козырев простил лоху минутную слабость, приблизил к себе, стал называть

своёком, однако у меня хватило ума догадаться, что он это делает всегда понарошку.

– Куда сейчас едем?

– Ко мне, на мою квартиру, – сказал Митя. – У нас ещё будет время познакомиться с местными достопримечательностями.

Сын олигарха жил там, где положено жить победителям социализма и новым хозяевам жизни – в бывшем обкомовском доме, в квартире бывшего секретаря обкома партии. Это я понял сразу, потому что квартира была куплена вместе с мебелью. И всё в ней: шкафы, диваны в чехлах, столы, стулья, гардины, потолочная лепнина, кремлёвские дорожки на буковом паркете, обитые кожей двухстворчатые входные двери, огромная кухня, столовая, кабинет и две спальни – всё это смотрелось как декорация для съёмки телесериала из жизни советской партноменклатуры.

– Как вам удалось приобрести столь раритетное логово? – небрежно полюбопытствовал я.

– По Интернету высмотрел в объявлениях. Затем позвонил отцу.

Мы прошлись по комнатам и расположились в кабинете на диване, обтянутом самой настоящей кожей красного цвета, мягкой и эластичной, которую называют сафьяном, очень прочной и дорогой.

Я качнулся на упругих пружинах и заметил:

– Революционный диванчик?

– Скорее буржуйский, – не согласился Митя. – Кажется, на таких диванах устраивались вернисажи рукоделия, его украшали собачками, сшитыми из плюша, салфеточками, дорожками, вышитыми мулине крестом и гладью и такими же подушечками разных форм и размеров. У коммунистов их зазорные и крикливые идеи были для внешнего употребления, а внутри они были буржуями самого мелкого мещанского пошиба и трусливыми обывателями.

И опять Митя меня удивил. Обычно новые русские избегали оценочных высказываний о прежнем государственном строе, чьё наследство они сумели прикарманить. И в этом был тот резон, что вор и разбойник никогда не интересуется судьбой ограбленного им человека.

– В чём-то вы правы, но я имел в виду другое предназначение этих диванов, – сказал я, качнувшись на пружинах. – Все кожаные кресла и диваны в революцию были ободраны, и

комиссары в пыльных шлемах обрядились в сафьяновые куртки, галифе и сапоги.

Митя странновато на меня посмотрел и расхохотался.

– Вы намекаете, что и мне нужно быть готовым к сценарию, когда в мой кабинет вломятся новые революционеры и заберут диван, чтобы пошить из красной кожи себе одежду?

– Революции не будет. А вот бунт возможен. Но его легко подавить.

– Как это легко? Я был в Лондоне, когда студенты осаждали резиденцию премьер-министра. И это в Англии, а в России возможно самое ужасное.

– Чтобы подавить бунт, нужно объявить дешёвую распродажу в супермаркетах, бесплатный вход на стадионы и в кинотеатры именно на тот день, когда наиболее возможно возмущение народа. И никакой полиции, дубинок, водомётов, арестов.

Я выдержал паузу, и чёрт меня дернул соврать, хотя в этом не было никакой надобности:

– У меня на эту тему написана статейка. Андрея Ильича она не заинтересовала, поскольку не касается бизнеса. В новую революцию и бунт он не верит. Я попытался опубликовать свои рассуждения в «Новой газете», но не дождался ответа.

И тут Митя меня удивил, да так, что я решил быть с ним осторожнее и не врать без большой надобности.

– А у вас почтовая квитанция на отправленную статью сохранилась?

Но меня трудно пошатнуть: выдержав паузу, я небрежно произнёс:

– Вряд ли. Кто думал, что в газете, где есть вкладка от «Нью-Йорк Таймс», существует старорежимный советский порядок – не отвечать на письма читателей!

Я внутренне напрягся, опасаясь, что он решил разоблачить мою выдумку со статьёй во что бы то ни стало, но Митя открыл ящик стола, вынул оттуда мятые бумажки и начал их сортировать.

– Я ведь тоже статью послал. Вот квитанция из «Огонька», вот из «Московского комсомольца», а это из «Советской России». И тоже ни одного ответа. Но теперь-то я, по крайней мере, знаю, что у меня есть товарищ по несчастью, которому не повезло, как и мне.

Опасность разоблачения миновала, и я перевёл дух.

– О чём же, Митя, ваша статья?

– В двух словах не объяснить, но если совсем коротко, то о душе.

– О душе? – наивность Мити меня позабавила, и я ухмыльнулся.

– Да, о душе! – твёрдо заявил он. – В человеке это самое главное.

– Что вы такое говорите! Я назову вам десятки людей навскидку, которые о душе ни разу не вспоминали, а живут припеваючи...

– А я вам скажу, что в мире нет ни одного человека, у которого не было бы души.

На столе подал голос мобильник, причём самым натуральным образом:

– Алло! Гараж! Заложите кобылу!

Митя недовольно поморщился и взял трубку.

– Странно, что вам нужно ещё раз убедиться в серьёзности моих намерений. Я вам выплатил половину суммы в качестве аванса и уверен, что все мои пожелания будут учтены... Нет, дата остаётся без изменений. Хорошо, договорились, надеюсь, в последний раз и окончательно.

Он небрежно положил трубку на стол и весело произнёс:

– Вы, конечно, изнемогаете от любопытства, кто мне звонил?

– Я стараюсь пропускать всё, что меня не касается, мимо ушей.

– Но это разговор, вернее, его тема, касается всех, кто близко завязан на моего отца.

Я не люблю, когда кто-нибудь корчит передо мной умника и пытается играть в загадочность. И мой ответ был достаточно язвительным и небрежным.

– Эта тайна известна всем, от вице-президентов «Народной Инициативы» до мелких служащих. Но на свой день рождения Андрей Ильич делает каждому сотруднику подарок от именинника.

– У богатых свои причуды, – скривился Митя. – Надеюсь, он не одаривает своих братьев по разуму зубными щётками, одноразовыми бритвами и одеколоном, а преподносит что-нибудь из разряда так называемых вечных ценностей, например, религиозную литературу. Или подарки – это тоже корпоративная тайна, как и зарплата руководства?

– Нет, какая тайна, когда их одобряет совет трудового коллектива. В этом году, в связи с семидесятилетием президента, решено преподнести каждому акции «Народной Инициативы» в зависимости от стажа работы, за каждый год – по пять акций.

– Да, у вас действительно народная корпорация! – воскликнул Митя. – Какая бодрая инициатива масс! Какое яростное слияние труда и капитала!

Тут я, каюсь, хохотнул, и Митя не пропустил это мимо себя.

– Ставлю тысячу баксов против тысячи деревянных, что вы, Игорь, являетесь автором этой хитроумной затеи.

– Даже не знаю, что и сказать, – прикинулся я сиротой. – Идея витала в воздухе. Осталось лишь облечь её в форму проекта, который Андрей Ильич благословил к исполнению.

– Не возьму с вас выигранную мной тысячу, только скажите: сколько вы получили за свой проект?

– Итоги юбилея будут подведены позже, вместе с итогами второго квартала, и, возможно, мой премиальный бонус будет увеличен.

– В этом я не сомневаюсь! – весело провозгласил Митя. – Счастливые и довольные труженики «Народной Инициативы» прикупят в два раза больше акций, чем получили. Затем уговорят своих друзей и знакомых сделать то же самое, уверяя их, с вашей подачи, что эти бумажки будут стоить к Новому году не пять рублей за штуку, как сейчас, а все десять, и все эти олухи будут чувствовать себя капиталистами. Однако мы отошли от темы. Юбилея такого масштаба, как мой отец, наверно, завалят подарками, и я теряюсь, что мне подарить ему такое, чтобы его семидесятилетие в истории этого города было запечатлено крупными буквами. Может, подарить ему слона?

– Все полученные подарки Андрей Ильич передает в подшефные детский сад и школу, – заметил я. – Не представляю, как слона можно использовать в педагогических целях. Юбилей через три дня, а слона надо везти из Индии вместе с погонщиком. Но пожалейте меня: этим слонем придётся заниматься мне.

– Всё равно без подарка я юбиляра не оставлю, – сказал Митя. – И, конечно, позабочусь о сюрпризе, и надеюсь, что он придётся по вкусу любителям неожиданностей. А то, что это будет нечто острое и пикантное, я гарантирую.

– Не сомневаюсь, что подарок на загляденье. Однако пора нам и перекусить.

– У меня в доме по части еды шаром покати, – сказал Митя.

– Но неподалёку есть приличный ресторанчик, где вкусно кормят. Мы его посетим, а затем пройдемся по городу, но таким образом, чтобы в восемнадцать часов быть на улице Академика Сахарова, дом тринадцать- четырнадцать. Вам знаком этот адрес?

«Это ещё что за выкидон? – насторожился я. – Видимо, старик недаром поручил мне своего пробирочного отпрыска, с ним действительно не соскучишься».

– На этой улице в каждом доме что-то да есть. А что находится по этому адресу?

Митя оживил дремавший на столе ноутбук и перелистывал страницы какого-то сайта.

– Сегодня утром в обзоре местной прессы я нашёл любопытную статейку о том, что главного русского вопроса «Что делать?» больше не существует. И подивился тому, что в здешней глухомани находятся люди, чтобы про это писать и читать.

– В Греции всё есть, а в России тем более. И что, эта статейка имеет отношение к озвученному вами адресу?

– Самое прямое. Автор, некий Синюгин, приглашает всех желающих на обсуждение заявленных в статье идей в дискуссионный клуб, который находится на улице Академика Сахарова.

– В этой статье действительно имеются идеи, достойные обсуждения? – пряча усмешку, поинтересовался я, потому что твёрдо знал, что сейчас в России усердно воплощается в жизнь, почти по триаде Гегеля, только одно: стырить, затырить и свалить за бугор.

– Для меня важна не сама статья, а то, что в этом городе есть место, где собираются думающие люди.

– И вы решили к ним присоединиться?

– Там видно будет. Однако нам пора.

-2-

Мы вышли на улицу, которая встретила нас сильным ветром со стороны Волги, что всегда предвещало близкую

непогоду. И действительно, на краю неба уже взгромоздилась, погромыхая, большая тёмно-синяя туча, в которой скопились все испарения от гигантского водохранилища, и теперь эта громада надвигалась на город, чтобы опрокинуться на него недолгим, но сильным ливнем.

Ресторанчик был дороговат и рассчитан на состоятельных посетителей. Офисный планктон сюда был не вхож, его отсекал на входе презрительный взгляд верзилы охранника, который видел Митю не первый раз и предупредительно распахнул перед ним двери так широко, что через них вслед за своим подопечным успел просочиться и я. После уличной духоты в зале от работающих кондиционеров было почти зябко. Предупредительный официант почтительно выслушал заказ Мити, который, к моему удивлению, состоял из окрошки, и мне пришлось заметить, что я предпочёл бы кусок мяса с отварной картошкой. Митя, не моргнув, переменял весь заказ в мою пользу и, подождав, когда официант отойдёт, весело заметил:

– Сегодня, уповая на вашу поддержку, решился попробовать русский холодный суп, но, признаюсь, обрадовался, когда вы отвергли моё предложение.

– Чем же вас заинтересовала эта еда?

– Ничем, – пожал плечами Митя. – Может быть, только тем, что я от природы любопытен. А вы, наверно, подумали, что я навёрстываю в себе недостаток русскости? Неужели от меня разит иностранцем?

– Да нет, нисколько! – запротестовал я. – Сейчас многие русские ведут себя так, что не понять – русские они или инопланетяне.

– Вы наловчились увиливать даже от прямого вопроса, – нахмурился Митя. – Нет уж, отвечайте по правде!

– Извольте, отвечу. Только, чур, не обижаться на прямоту... Вы не сможете походить на русского, даже если будете изо всех сил к этому стремиться.

– Это почему же? – обидчиво произнёс он. – Я и в Англии жил в русской семье из первых эмигрантов.

– Я не имею в виду ваше воспитание, знание языка, русских обычаев, русской литературы, истории и многого другого, что определяет русского человека.

– Так что же мне мешает быть? – заметно заволновался Митя.

– Ваше богатство, – сказал я и обрадовался появлению

официанта, надеясь, что он отвлечёт моего подопечного от пикировки на столь скользкую и небезопасную тему. Но Митя, расправившись с сочным куском мяса в красном соусе, вернулся к прерванному разговору.

– По-вашему, выходит, – сказал он, помешивая ложечкой чай в стакане, – что русский обязательно должен быть бедным?

– Почему же? Русский человек обычно не стремится к богатству, но уважает достаток, чтобы дом был полная чаша. Но этот достаток должен быть заработан своими руками, своим умом, а не приобретён обиранием других людей, пусть даже якобы законным способом. Вы никогда, Митя, не задумывались над тем, что вся производственная и интеллектуальная мощь СССР была создана населением страны практически бесплатно? Конечно, люди получали заработную плату, но она никогда не соответствовала затраченному труду. И, тем не менее, люди жили, даже были довольны жизнью и считали, что живут правильно, пока им не вдолбили в голову, что вне социализма существует более честная и правильная жизнь, чем та, которой они живут сейчас.

– Выходит, что их обманули? – небрежно обронил он замечание, в котором мне почудилась насмешка.

– Разве можно обмануть народ, если он этого не захочет? Вот говорят, что Гитлер обманул немцев, что нация Гёте, Баха и Гегеля была обманута кучкой прохвостов. Но всё это враньё. Во все века Германия не была единым государством, и когда немцы стали единой нацией, они, можно сказать, ошалели от сознания своего могущества, и понадобились две мировые войны, чтобы запрячь их в оглобли цивилизации и глобализма.

– Какое нам дело до немцев? – Митя допил чай и потянулся за сигаретой. – Говорите, если есть что сказать, про русских. Они, выходит, помогли американцам и англичанам загнать немцев в оглобли, а сами остались на обочине?

– Разве не так? – я с трудом выдержал взгляд Мити. – Мы оказались даже не на обочине, а в грязной канаве. Но ничего страшного, по большому счёту, в этом нет. Мы моложе по своему развитию Западной Европы самое малое на сто пятьдесят лет, и путь у нас свой. У европейцев не было трехвекового ига, необходимости осваивать седьмую часть земной суши, крепостного права, и самое главное – не было сограждан, которые с варварским упоением стремились

перенести чужие порядки на отеческую почву и двадцать лет назад своего добились и раздербанили Советский Союз. Кто прихватил республику, кто – завод, кто – чугунную крышку с канализационного люка, чтобы сдать её в утиль и купить чекушку палёной водки. Европеизация и американизация России завершилась тем, что возник так называемый класс собственников, к которому принадлежит ваш папенька и мой работодатель и патрон Андрей Ильич Козырев. Я его уважаю за ум и деловую хватку, но чтобы его любить, то нет – увольте, да он и сам этого не допустит, вернее его богатство не позволит ему подобного панибратства. Где-то около полумиллиарда зелёных – это, Митя, штука «посильнее «Фауста» Гёте», как говаривал по другому поводу товарищ Сталин, а мы скажем, что посильнее национальных привязанностей и религиозных предпочтений, в кругу которых вертятся, как белки в колесе, обычные люди.

Митя небрежным жестом подозвал официанта, рассчитался, отвергнув мой слабый протест заплатить за обед, посмотрел на часы и заторопился.

– Как бы нам не опоздать!

– Господь с вами, Митя, в России всё начинается с опозданием и не вовремя, даже дождь. Хотя здешние умники, может, и другие, но приедем и поглядим.

Грозовая туча с водохранилища наконец-то преодолела высоченный правый берег Волги и распростёрлась над городом. Дождь лил как из ведра, временами туча раскалывалась на несколько частей, края изломов озарялись огненными вспышками, грохотал гром, и во всём этом слышалось, виделось и чувствовалось весёлое озорство природы, которое передавалось людям. Многие не спешили спрятаться от грозы, а, весело улыбаясь, шли сквозь заросли ливня по пенящимся лужам. И меня, хотя я уже был немолод, подмывало присоединиться к прохожим и, скинув туфли, пробежать, разбрызгивая тёплую воду, по улице.

Две промокшие насквозь юные девицы забежали под козырёк ресторанного крыльца и встали рядом с нами. Они были в том возрасте, когда из подростка уже начинают заметно для окружающих проступать черты и формы взрослого человека. Мокрые платица облепили их тела, дождь смыл с лица макияжную раскраску, завитые в овечьи кудряшки волосы на голове распрямились, и они от этого стали чище и краше. Я

не выпускал Митю из виду и заметил, что и его эти девчонки не оставили равнодушным, он покраснел, потупился и стал нервно перетаптываться, будто собирался куда-то бежать. Меня его поведение позабавило.

«Так вот мы какие! – с удовлетворением исследователя, открывшего на лапке мухи ещё одну неизвестную волосинку, подумал я. – Стало быть, у нашего пробирочника зыграло ретивое. Но пока это всего лишь гипотеза. Надо с ним прогуляться на базу отдыха. И откладывать это дело никак нельзя».

Туча, сделав круг над городом, свалилась на Волгу, дождь заметно ослабел. Мы скорым шагом пересекли улицу и направились к машине, которая посверкивала под лучами солнца хромированным бампером и чисто вымытыми стёклами.

– У меня есть предложение! – сказал я.

– Выкладывайте, что вы там надумали.

– Не поехать ли нам после диспута на рыбалку? Вы ведь на нашей базе отдыха ещё не были?

– Нет. Это где?

– На Волге.

Митя поглядел куда-то мимо меня, открыл дверцу машины и приглашающе кивнул:

– Пора ехать. Джентльмены не опаздывают, чем же мы хуже их?

На улице было тесно от машин в основном зарубежных брендов, и это говорило о том, что не всем в России жилось сиротно. Было в ней и немало тех, кому перетряс страны помог взгромоздиться на импортные таратайки, и они вообразили себя хозяевами жизни, не подозревая, что обрётённый ими достаток в любой миг может быть обращён в труху финансовым кризисом, который так же непредсказуем, как авария на дороге.

К спор-клубу мы доехали без происшествий. Местный «Гайд-парк» находился под крышей торгово-развлекательного центра в отдельном офисе, состоявшем из уютного зала, одна стена которого была сплошь стеклянной. Впрочем, почти всё здесь было из оргстекла двух цветов – чёрного и белого, видимо, для того, чтобы подчеркнуть философский смысл происходивших здесь собраний как противостояния двух мировых начал – добра и зла: справа стояли чёрные кресла,

слева – белые, трибуны для выступления оппонентов тоже были противоположных цветов: одна – чёрная, другая – белая.

Вся эта современная обстановка стоила денег, но взяли за вход немного – по столынику с каждого и выдали по брошюлке. Митя углубился в разглядывание клубного издания, а меня подхватил под руку журналист-телевизионщик Маркин, которого я подкармливал заказами на пиар, а он в ответ снабжал меня городскими сплетнями, в которых любил копаться, как свинья в кухонных отбросах. В некоторой степени эта информация была для меня полезна как взгляд на наш родной провинциальный бедлам мелкой, но кусачей блохи, перескакивающей с одного политика на другого.

– Игорь Алексеевич, я верю, что вы меня не забудете, – дыхнул он на меня смрадным перегаром.

– Уточни, что ты имеешь в виду? – я крепко наступил ему на ногу, чтобы он отпрыгнул и не заражал меня своими гнилыми испарениями.

Маркин, морщась от боли, вырвал ногу из-под моей подошвы и преданно на меня воззрился.

– Имею в виду интервью к юбилею Андрея Ильича.

– Исключается! – отрезал я. – Работай по тому заданию, что я тебе дал. Все друзья «Народной Инициативы» будут в связи с юбилеем поощрены. Ты ведь наш друг?

– И вы ещё сомневаетесь, Игорь Алексеевич, после стольких лет сотрудничества!

– Эта тема закрыта, – сказал я. – По какому поводу здесь тусовка?

– В этой стеклянной песочнице, – хмыкнул Маркин, – играют в политиков и строят из себя умников те, кто не способен на реальные дела. Но иногда здесь бывает весело. И сегодня вам точно повезло: наши мелкотравчатые политические гуру взялись ответить на извечный русский вопрос – «Что делать?». Разве это не забавно?

– Неужели они до такого докатились? – удивился я.

– А вы загляните в брошюру и увидите, что это так. Но сначала скажите, кто это с вами.

– Мой сотрудник.

– Темните, Игорь Алексеевич, – сказал Маркин. – Вы же работаете один по специальным проектам босса. И этот парень определённо проект.

– Вот и разберись с ним, только будь осторожен, не наступи

на мину.

Маркин привык принимать мои слова всерьёз и с задумчивым видом отошёл в сторону. Профессия журналиста приучила его к осторожности, которая пришла к нему после того, как двое неизвестных избили неутомимого разгребателя провинциальной грязи милицейскими дубинками, и он сам стал героем криминальной хроники.

Относительно Мити я не беспокоился, он в любом случае обязан сам руководить своими действиями, а мне нужно только присматривать за ним, чтобы он не вляпался во что-нибудь скандальное и криминальное. Здесь ему ничего не угрожало, поэтому я, присев на чёрный стул, принялся листать брошюрку, краем уха прислушиваясь ко всему, что происходит вокруг.

Перелистав клубное издание, я более внимательно ознакомился с повесткой сегодняшнего заседания, которая была напечатана на отдельном листке-вкладыше. Маркин был прав: извечный русский вопрос «Что делать?», видимо, опять стал интересовать сливки нашего политического бомонда. Несомненно, это был смелый выбор темы, потому что последний раз его поставил перед Россией не кто-нибудь, а сам вождь пролетариата, который и пришёл к однозначному ответу: ломать всё и до основания, чтобы затем на этих обломках построить царство свободы и справедливости. Но политологам провинциального разлива, разве по их зубёнкам главный русский вопрос?

Я скептически разглядывал собравшуюся в зале публику, которая, разбившись на группки, насколько я мог слышать, жужжала про всякую ерунду, но только не на заявленную тему.

– Что делать? – не скрывая усмешку, спросил я присевшего рядом со мной Митю.

– Будем слушать. Но я намереваюсь высказаться. Или это слишком самонадеянно с моей стороны – учить столь просвещённую публику?

– Вы правы: их учить, только портить. Поэтому не мечите бисер, а если неможете, то произнесите с десятков фраз позаковыристей.

Прозвучал мелодичный звонок и рядом с нами нарисовался Маркин.

– Игорь Алексеевич, пересядьте на белые кресла.

– Что такое?

– На чёрные садятся оппоненты, которые обязаны возразить докладчику.

– У меня найдётся что сказать! – заявил Митя.

– Я вас предупредил, – журналист пожал плечами и направился к белым креслам.

Тем временем за белую трибуну встал известный городской говорун и политик Синюгин.

– Господа! Я обязан довести до вашего сведения капитальнейшее известие, что проклятого русского вопроса «Что делать?» больше не существует! Да, не существует! Вопрос, который был родовым проклятием мыслящей части русского общества, интеллигенции, приказал долго жить и теперь будет представлять интерес только для исторических исследователей, которые избрали себе профессией рыться, как сказал Маяковский, в историческом окаменевшем дерьме...

– Позвольте! – раздался резкий голос с последнего ряда чёрных кресел. – Но остаётся ещё не менее важный и злободневный русский вопрос: «Кто виноват?» Извольте, господин Синюгин, объясниться и по нему.

– Вопрос «Кто виноват?» автоматически связан с вопросом «Что делать?» как причина и следствие. Поэтому при ликвидации одного из них сразу теряет значение и другой. Надеюсь, понятно?

– Не совсем! – раздался всё тот же резкий голос. – Но не будем о дефинициях. Режьте, господин докладчик, и дальше вашу правду-матку. Я умолкаю.

– Душевно вам благодарен, – язвительно продолжил Синюгин и, раскрыв папку, показал собранию листок бумаги. – Я враг шпаргалок. Но в данном случае без неё не обойтись, поскольку я намерен прочитать вам выдержку из «Конспекта лекций по историографии» нашего великого русского историка Василия Осиповича Ключевского, в которых очерчена суть проблемы западничества, ибо вопрос «Что делать?» принадлежит той части русского общества, которая известна как интеллигенция, хотя в более ранние времена называлась и по-другому. Но не буду повторять историка, который сам говорит об этом со всей определённой добросовестного исследователя. И начинает он реестр западников с Ивана Хворостинина, который во времена Смуты впал в «латинство» и опоячался с таким неистовством, что скоро его «стошнило»

от московских порядков, и тем стал предтечей всех русских западников. А они только тем и занимались, что искали ответ на вопрос «Что делать?», пока в наши дни этот вопрос не стал беспредметным, и пора его предать забвению навсегда.

– Ну и что это за ответ? – неожиданно для всех сказал Митя.

– А то, что больше нечего сказать, молодой человек. Всё уже сделано. В России нашего времени мечты западников воплотились в реальность, поэтому вопрос «Что делать?» стал бессмысленным. Всё уже сделано, и на все времена.

Я решил, что Мите надо помочь и вмешался:

– Что вы имеете в виду?

Синюгин пошуршал бумажкой и надел очки.

– Вот Ключевский пишет: «...Случайные обстоятельства или личные усилия помогали западнику во все времена осознать недостатки, отсталость своего Отечества и превосходство Запада. Обретя такое сознание, западник проникался пренебрежением к Отечеству и физическим влечением к Западу. Он смотрел на быт и уклад своей родины как на личное неудобство, как на случайную неприятную обстановку, среди которой ему пришлось останавливаться по пути в какой-то лучший мир, где у него нет ни родных, ни знакомых, но где каким-то образом поселилось его сердце. Такой сибаритский взгляд на Отечество приводил к двойному выходу из неудобного положения, в котором находился западник: он всегда (от Хворостинина – до Чубайса) стремился или перенестись в любимый ему чуждый мир Запада, или мечтал этот мир с его политическими и другими удобствами перенести на свою родину, в Россию».

Синюгин потряс шпателькой, небрежно кинул её на трибуну и звучно припечатал ладонью.

– Вопрос «Что делать?», терзающий Россию на протяжении четырёх столетий проистекал из двойственного нутра отечественной интеллигенции, которая, в конце концов, исполнила свою заветную мечту – перенесла западные экономические и политические институты в Россию, лишила её самостоятельности и самобытности и, как следствие, исторической перспективы.

– Но этот процесс был неизбежен, – вякнул Маркин. – Весь мир шёл в ногу, а мы выбились из общих рядов, и хорошо, что нашлись смелые люди, которые вернули Россию

на определённое ей историей место в ряду цивилизованных государств.

– Неизбежна лишь смерть, – парировал выпад тележурналиста Синюгин. – Всё остальное зависит только от людей. Это главное, что я хочу подчеркнуть. Так вот, в России больше не осталось людей, которые могли бы задаться вопросом «Что делать?» Европейская демократия, истерический бедлам всеобщего тайного голосования, мнимое равенство всех перед законом, насильственная толерантность и прочие штучки-дрючки парламентаризма с азиатским оскалом, это, коллеги, гнёт посерьёзней татаро-монгольского ига. Тогда с Руси захватчики брали десятину и оставляли русских людей вариться в своём православном вареже, а сейчас мы все ухнули в мировую давящую глобализма и будем превращены в общечеловеческий фарш...

– Может быть, обойдёмся без конспирологии, без ужасиков о мировом заговоре? – раздался чей-то насмешливый голос. – Относительно заявленной темы скажу, что вопрос «Что делать?» не снят с повестки дня, пока человек не утратит возможности свободно мыслить.

Я заметил, что Митя порывается встать и успокаивающе похлопал его по коленке, но он не внял моему предупреждению и очутился за чёрной трибуной, хотя его туда никто не приглашал.

– Представьте, пожалуйста, – презрительно воззрившись на самозваного оратора, сказал председатель заседания.

– Митя, – пробормотал мой подопечный, чем вызвал оживление среди присутствующих.

– Нельзя ли точнее определить ваш статус? – заметил председательствующий. – Мы публикуем отчёты и даём справки об участниках обсуждений.

Я обязан был сохранить Митино инкогнито и поспешил на выручку:

– Это согласованное со мной выступление, и нами было принято решение, что оно будет обнародовано под моей фамилией. Надеюсь, она вам известна.

– Кто же вас, Игорь Алексеевич, не знает! – воскликнул Маркин, и его поддержали ещё несколько кормившихся от «Народной Инициативы» журналистов.

– Но я не закончил своего выступления, – напомнил о себе Синюгин.

– Продолжайте, но в режиме диалога, – сказал председательствующий. – У нас ведь спор-клуб, а не унылое заседание профкома.

– Нет уж, – отказался Синюгин. – Послушаем, что скажет молодой человек.

Я не выпускал Митю из виду и с удивлением отметил, что он ничуть не обеспокоен тем, что находится в центре внимания самых дотошных и язвительных спорщиков и говорунов нашего города. А они только тем и промышляли, что трепались на самые разные темы, кто в университетах, кто в так называемых СМИ, кто на партийных тусовках. Их основным занятием была трепотня. За неё они получали научные звания, должности, зарплату, а за одно удовлетворяли своё страстное и неудержимое желание говорить, говорить и говорить на любую тему во всякое время и во всяком месте. Им необязательно была нужна аудитория, хватало и одного человека, которого они терзали своими безудержными речёвками до головокружения и тошноты.

Я сам несколько раз попадал в подобную ситуацию и вынужден был выслушивать всякую дребедень от почтенных людей, пока не обнаглел, а близость к Андрею Ильичу Козыреву позволила мне это сделать довольно скоро, и стал затыкать рты нашим говорунам пренебрежительным жестом, дескать, брысь с дороги, а то отдамлю ноги! Мои повадки здесь знали, и выступление Мити встретили в полном молчании.

– Прошу извинить, – сказал он, обращаясь к залу. – Я, кажется, не дал вам закончить мысль, но готов это сделать за вас.

– Валяйте, юноша, – ухмыльнулся Синюгин. – Я восхищён вашей самонадеянностью.

– Всё сказанное вами правильно: глобализм – это беспощадная давилня, превращающая человечество в однородный фарш, который не способен задать вопрос самому себе, что же ему делать? Пройдя через все общественно-экономические формации – от первобытно-общинного строя до развитого социализма, – человечество оказалось в тупике исторического развития. Конечно, либералы с этим выводом ни за что не согласятся. Но факт остаётся фактом – все общественные классы, от рабов древнего Рима до

русского пролетариата, отдали свои жизни не за освобождение угнетённого социальным неравенством человечества, а за превращение его в либеральное быдло. И сейчас не осталось ни одной социальной группы, которую можно было бы назвать авангардом человечества. Сейчас вопрос «Что делать?» может волновать только отдельно взятого человека, который осознал, что умирать ему суждено в одиночку и решать нужно только свои вопросы, не брезгая ничем для достижения своей цели и желательно за счёт других людей.

– Тоже мне открытие! – язвительно провозгласил Синюгин – Таким человек был всегда и пребудет во все времена.

– Тут-то мы с вами и расходимся! – заявил раскрасневшийся от охватившего его азарта Митя. – Наша интеллигенция, водрузив на русской земле западные порядки, забыла, что Россия моложе Европы лет этак на пятьсот. Между нами такой непреодолимый разрыв во всём, что перескочить эту пропасть не удалось даже длинноному Петру Первому, а теперешним плюгавым хозяевам России даже не стоит и думать об этом.

– Наше сообщество вне политики! – нравоучительно произнёс председательствующий. – Поэтому воздержитесь от политических оценок.

– Замечание принято, – сказал Митя. – Хотя в моих словах нет ничего политического, просто констатация фактов. А они таковы, что события последних лет, перевернувшие Россию с ног на голову, ещё не получили объективную оценку. Европа и Северная Америка действительно стали фаршем, но это фарш из «золотого миллиарда» человечества, существующего по самым высоким стандартам жизни...

– Молодой человек! – провозгласил председательствующий. – Вы говорите слишком общо и уклонились от темы. Вы ответьте нам: насколько актуален вопрос «Что делать?»

– В России уже поздно задавать вопросы подобного рода, – голос Мити окреп, он справился с волнением и, сделав паузу, оглядел собрание городских умников и заведомых болтунов. – Россия может погибнуть только от одной напасти, которой подвержены, скажем по-другому, заражены все, не исключая меня и моих слушателей в этом зале.

Это заявление расшевелило аудиторию, раздался лёгкий шумок, и кто-то со смешком произнёс:

– А вы, что специалист по социальным заболеваниям?

– Здесь, кажется, двести пятьдесят лет назад родился

историк Карамзин? – не смутился Митя. – Так вот, приступая к созданию «Истории государства Российского», он дал себе зарок говорить людям правду, как бы горька и ужасна она ни была. Такой зарок особенно необходим в наши дни всем русским людям, но что делать, если каждый из нас не сможет прожить и дня не «соврамши»?

В зале послышалось шевеление, лёгкое покашливание.

– Вы, кажется, явились сюда не дискутировать, а обвинять? Здесь собрались честные люди, молодой человек, и извольте выражаться аккуратнее, – раздалось из верхних рядов кресел.

Митю этот скандальный выкрик нисколько не смутил, он лишь слегка побледнел и, подойдя к краю сцены, указал на кого-то в зале.

– Конечно, все вы готовы протестовать против столь голословного обвинения, но тогда объяснитесь, пожалуйста, почему, когда к вам вчера явились незваные гости, вы кинулись взахлёб уверять этих невеж, что бесконечно рады их видеть, что недавно они вам приснились? А не сказала ли ваша супруга гостям, что купила шубу за сто тысяч, хотя отдала за неё полста? А не выкинул ли ваш отпрыск дневник с двойками на помойку, но отцу поклялся, что его потерял?

Митя сделал короткую паузу и продолжил:

– Почему же мы так много и безостановочно врём друг другу? Слышу голос: врут не только в России, врут и на столь обожаемом российской элитой Западе. На этот счёт можно сказать, что в других нациях лгут в огромном числе случаев только негодяи, лгут из практической выгоды, то есть лгут с преступными целями. А у нас, в России, могут лгать совершенно даром самые почтенные люди с самыми почтенными целями. Лгут, чтобы доставить слушателю удовольствие, чтобы прослыть толерантным, но в большинстве случаев лгут по инерции словоизвержения: ляпнет человек, не думая, о чём-нибудь и примется расцветивать вранье всякими придумками. Во вранье мы сразу становимся художниками слова, жеста и мимики... А сколько коробов наврал каждый, якобы со знанием дела рассуждая о какой-нибудь книге, кинофильме, спектакле? А не случилось ли нам быть знатоками болезней, с убедительностью медицинских светил толкуя о раке, СПИДе и прочих хворях рода человеческого. И так бойко глаголили, так затейливо, можно сказать, художественно врали, что, разойдясь со слушателем, с удовольствием вспоминали, как он

был поражён вашим многознанием, как он в свою очередь врал, что непременно последует вашим рекомендациям и тотчас пойдёт в аптеку и купит именно то, что вы ему прописали на людной улице... А не толковали ли вы с жаром знатока об адронном коллайдере, птичьём гриппе и свином, о теореме Пуанкаре, которую решил некий петербургский затворник и отказался от наградного миллиона «зелёных»?.. Словом, любим мы потолковать о предметах, где нашему вранью открывается полное раздолье. В России безграничные возможности для вранья объясняются тем, что, собравшись по какому-нибудь поводу праздничного свойства, мы становимся трепетно деликатны друг к другу. Только соврёт один, так его тут же поддержит враньём своего приготовления другой, выступит и третий, найдётся и четвёртый враль, пока нить вранья не вернётся к первому и, дав соврать всем, он может избрать новую тему, опять же для вранья. Сказанного, думается, достаточно для признания, что врём мы без всякого удержу, можно даже сказать, что жить без этого не можем, и полагаем, что ложь, пусть и не безобидна, но во многих случаях необходима... Вот говорят, что все предвыборные обещания кандидатов в депутаты в лучшем случае наполовину враньё, однако мы делаем вид, что им верим, потому что сами во многом такие вруны, как и претенденты на выборные должности. В таком разе голосование превращается во взаимное враньё: проголосовав, я соврал тем, что сделал вид, будто верю вранью кандидата. Большим количеством вранья объясняется массовая неявка к избирательным урнам. Люди, если не понимают, то инстинктивно чувствуют, что их вовлекают в недостойное дело и отказываются соучаствовать во вранье...

Председательствующий, до этого уже нетерпеливо поглядывающий на Митю, воспользовался паузой и постучал по столу.

– Вы уже использовали всё время, которое отводится оппоненту, но так и не ответили на вопрос «Что делать?»

– Как не ответил? – недоуменно пожал плечами Митя. – Нужно всем перестать врать и жить по правде.

– Только и всего? – хмыкнул председательствующий и обратился к присутствующим: – Уважаемые коллеги! Будем считать это выступление лирическим отступлением от заявленной темы. И теперь я прошу уважаемого господина Синюгина продолжить своё выступление, так забавно

прерванное настырным инкогнито.

Митя подошёл ко мне и сел рядом. Он явно ждал, что я его похвалю, и мне это было сделать совсем нетрудно, потому что его выступление мне понравилось. Оно было свежим, непосредственным и совсем не соответствовало месту, где это произошло. Наш «Гайд-парк» был одним из эпицентров, от которого расходились волны регионального вранья, и Митя совершенно случайно угодил в этот омут своим булыжником правды. Не позже, чем завтра, станет известно, что о правде и повсеместном засилии вранья обеспокоился ни кто иной, как наследник самого могущественного олигарха нашего региона. И мимо этого факта не пройдёт ни один человек, ещё не утративший советскую привычку добросовестно ходить на выборы и ставить галочку против той фамилии, которая чаще других мельтешит у него перед глазами.

– Уж не хочет ли он рвануть в депутаты? – тоскливо подумал я. – Это же всё свалится на меня. Нет, надо срочно ехать на базу отдыха и лечить пробирочника от депутатской блажи проверенным способом.

-3-

После недавнего недолгого, но бурного ливня на улице было свежо. Поток машин заметно поредел, и мне без остановок удалось спуститься по «восьмёрке» с крутого берега к мостовому переходу, соединявшему центральную часть города с окраинным Заволжьем, по которому, дымя от натуги, тепловоз тащил не меньше полусотни наполненных под завязку цистерн с нефтепродуктами. Автомобильный мост, построенный впритык к железнодорожному, ощутимо подрагивал под тяжеловесным составом, от которого несло дымною гарью, но Мите это не мешало, он, высунувшись наружу, глядел вниз, где между балок и мостовых быков ходуном ходила обманчиво близкая расходившаяся от ветра Волга.

– Я, наверно, выглядел по-дурацки перед этими людьми? – сказал он, глянув в мою сторону.

– В общем-то да, – решил я не щадить своего подопечного. – Именно так они и восприняли ваше выступление. По-другому и не могло быть, потому что эта публика профессионально промышленяет враньём, но совершенно искренне все считают

себя честными людьми. Ваше выступление было воспринято как призыв к покаянию, и они сделали ужасный для вас вывод.

– Какой же приговор мне вынесли? – насторожился Митя.

– Что вы отъявленный лжец и пытаетесь отбить у них кусок хлеба с маслом, который они получают за обслуживание власти кто пером, кто болтовней, кто сплетнями. Вы зарекомендовали себя врагом лжи, но эта публика поняла так, что вы под видом правды намерены обоврать их всех вместе и каждого в отдельности и стать вралём номер один в городе.

– Неужели, Игорь Алексеевич, – дрожливым голосом произнёс Митя. – Неужели и вы меня так поняли?

– Признаться, Митя, не знаю, что о вас думать. Ведь вы явились перед этой публикой как христианский проповедник перед попечительским советом публичного дома, позабыв, что ваш папаша является одним из ведущих директоров-распорядителей нашего регионального бардака за номером таким-то в общефедеральном списке. Пока вас не разоблачили, кто вы такой, но это дело одного-двух дней.

– Я хотел объявить свою фамилию, но вы не дали, – нахмурился Митя. – Но что из того, что я Козырев?

Кажется, он действительно был прост и наивен, как выпускник Кэмбриджа, рухнувший в нашу жизнь с благими намерениями её улучшить и даже облагородить. Я был уже почти готов в это поверить, но что-то мне мешало занести своего подопечного в святцы. Он был открыт, может быть, честен, но я-то таким не был, я был прожжённым подручным ещё более прожжённого дельца, привык видеть людей со всех сторон сразу и не могу сказать, что мне за последний год встретился хоть кто-нибудь, кого можно было причислить к честным людям, конечно, кроме себя самого. Правда, моя честность заключалась только в одном: я знал, что я – негодяй, а другие почему-то мыслили о себе любимых в степенях превосходных и восторженных.

– Вы что не понимаете, что вы наделали? – удивлённо воззрился я на своего спутника. – На днях все, кто хоть что-то значит в этом городе, узнают, что сынок Андрея Ильича вступил на путь обличения власть предержащих во вранье, причём всех без исключений, от постового до губернатора, до самого губернатора!

– Но я его и не упоминал, я его не знаю...

– Беда в том, что наш губер самый беспардонный лжец, и это ведомо всей области. В свете выше изложенного теперь вам понятно, какое значение может получить ваша яростная филиппика против вранья?

Митя насупился, достал из кармана пачку сигарет, закурил и весело произнёс:

– Может, всё не так уж и сумрачно, как вам показалось, Игорь Алексеевич?.. Кто-то должен, в конце концов, сказать, что все мы изоврались до крайней степени, и с этим надо что-то делать. Хоть убейте, но я не вижу причины, почему я должен был промолчать.

– В России сейчас, чего ни коснись, всё политика. Наш город – не исключение. И ваше выступление против вранья обязательно будет истолковано не в вашу пользу тем же губернатором.

– Но я же о нём ничего не сказал.

– Вы что, забыли, чей вы сын? Нашему губернатору помогут понять, что ваше выступление – это объявление войны ему лично и всей его кошке, что денно и ночью пилит областной бюджет на виду у народа, а тот посапывает, кряхтит, помалкивает и ждёт избавителя.

– Какой я избавитель? – хохотнул Митя. – Скорее, нахлебник.

– Место народного заступника у нас уже занято. Это наш дорогой мэтр – Сергей Петрович Зудин, почётный чекист, полковник госбезопасности и прочая, и прочая. Очень коварная особь кэжэбэшной выделки. Поэтому-то в окружении губернатора сразу решат, что ваше выступление спровоцировано Зудиным, воспримут это как объявление войны и поставят в известность об этом своего босса, – пугал я пробирочника.

Митя обиженно и как-то по-детски надул губы, отвернулся и замолчал. Мне тоже стало не до разговоров, на подъёме береговой горы был затор, и пришлось свернуть на просёлочную дорогу в объезд. Машину начало потряхивать и раскачивать из стороны в сторону на рытвинах и ухабах, в салон залетела оса и начала мельтешить перед глазами по ветровому стеклу, пока я не замял её выхваченной из бардачка тряпкой. Но вслед за ней явились ещё две осы и с явным желанием нас ужалить стали шнырять по салону, пока Митя, открыв дверцу, не выпроводил их из машины.

Наконец мы въехали снова на городскую улицу и на

хорошей скорости промчались до поста ГАИ, за которым начиналось загородное шоссе. Проехав по нему четверть часа, я притормозил машину на въезде в сосновую рощу на берегу Волги, где располагалась база отдыха для ударников капиталистического труда «Народной Инициативы».

Нас заметили, от домика со шлагбаумом к машине поспешил охранник, козырнул и доложил обстановку: отдыхающие на ужине, катер стоит у причальной стенки, никаких происшествий не случилось.

– Этот товарищ со мной, – сказал я охраннику. – Позаботься о машине, и не позволяй открывать пивные бутылки о бампер.

– Как можно! – воскликнул охранник. – Я машину накрою тентом, а собачка к ней никого не подпустит.

Деревья в сосновой роще были одного возраста, и ничем не отличались друг от друга, поскольку выросли в тесноте, и только недавно лесопосадка была прорежена согласно всем правилам ландшафтной архитектуры. Появились дорожки, небольшие поляны с павильоном для культурного времяпрепровождения отдыхающих, и прочие парковые прикрасы вроде танцплощадки с раковиной для оркестра, колесо обозрения, детский городок, теннисный корт, волейбольная площадка и даже помост с набором гирь и штангой для тех, кто вздумает испытать прочность завязки своего пупка.

Из столовой выходили отдыхающие, многие меня знали и почтительно здоровались. Мите это подобострастие явно не понравилось, что было заметно по ухмылке, с которой он встречал каждый отданный в нашу сторону полупоклон, но мне это не казалось чем-то неприличным. Я хорошо знал, что люди здоровались не со мной, а с «Народной Инициативой», обеспечивающей им бесплатный двухнедельный отдых на лучшей в регионе базе отдыха, кстати, тоже принадлежавшей Андрею Ильичу Козыреву.

– А что, здесь очень даже недурно, – произнёс Митя, оглядываясь по сторонам. – Вот и музыка заиграла.

– Каждый вечер все желающие могут танцевать сколько угодно. Не желаете присоединиться?

– Хорошую музыку я люблю послушать, а вот дрыгать под неё ногами и кривляться, как папуас, не научился.

– Но почему не воспользоваться прямо сейчас возможностью восполнить пробел в образовании?

Мите моё предложение явно не понравилось, он отвернулся

от танцплощадки в сторону Волги, на противоположном берегу которой уже лежало раскалённое закатное солнце.

– Вы глядите в правильном направлении, – сказал я. – Вот эта тёмная полоса посередине Волги и есть на сегодня пункт нашего назначения. Андрей Ильич называет его островом Стеньки Разина, даже добился почтового адреса: Волга, остров Степана Разина, поставил бронзовый памятник казачьему атаману, но, как говорится, чёрного кобеля не отмоешь добела, и горожане называют этот остров, как привыкли – Бесстыжий, потому что здесь издавна собирались порезвиться и поплавать голышом весёлые люди.

– Неужели мой папаша продолжил эти традиции? – усмехнувшись, сказал Митя.

– Что вы такое говорите? – деланно возмутился я. – Андрей Ильич уже давно образец порядочности в её самом дистиллированном виде.

Вечерняя Волга встретила нас мерным убаюкивающим плеском воды о причальную стенку, возле которой находилось два десятка прогулочных лодок, катер спасателей и большая парусно-весельная лодка, оборудованная мотором, которая называлась просто и ясно: «Сарынь на кичку!» Она была одним из судов козыревской флотилии для связи берега с островом, на её корме подремывал шкипер Алексей Иванович.

– Как ветер? – поинтересовался я у бывалого волгара.

– Ветер наш, а если не так, то высвистим.

Он сунул в рот боцманскую дудку и засвистал на все лады.

– Сарынь на кичку!

Я прошёл под навес, сел в кресло и, взяв бинокль, принялся рассматривать остров. Вдруг оглушительно бабахнул пушечный выстрел. Носовая часть нашего струга окуталась чёрным, дурно пахнущим дымом.

– Что это такое! – взволнованно воскликнул Митя.

Опередив мой ответ, со стороны острова до берега докатился ответный выстрел пушки.

– Обмен любезностями, – сказал я. – Наш шкипер предупредил береговую охрану Бесстыжего, что на борту его струга находится важная випперсона.

Алексей Иванович поднял парус, который быстро наполнился ветром, струг ожил, запокачивался на волнах, сдвинулся с места и, слегка накренившись на правый борт, неторопливо побежал, как по ступенькам, по волнам, отшвыривая их одну за другой

пенными брызгами, которые, разбиваясь на мельчайшие капли, приятно освежали прохладой наши разгорячённые лица.

Для Мити путешествие на струге под парусом оказалось взволновавшей его неожиданностью. И он, стоя на атаманском мостике над кормовой каютой, жадно вглядывался в открывшийся перед ним волжский простор, дышал полной грудью, ощущая с каждым вдохом и выдохом, как в нём прибавляется силы и удали, и вдруг совершенно неожиданно для меня и шкипера звонко пропел:

– Есть на Волге утёс, диким мохом оброс...

Но спохватился, смутился и умолк.

– Будем считать, что проба голоса состоялась, – сказал я. – Как, Алексей Иванович, годится он для твоего атаманского хора?

– Раз сам запел, стало быть, годится, – благодушно вымолвил шкипер. – Значит, Волга его приняла за своего, если запела в нём сама, помимо его желания. Это не я сказал, а мой дед, когда услышал, как я запел, сидя за вёслами.

– Кстати, Митя, откуда вы знаете эту песню? – спросил я.

– От тех русских людей, у которых воспитывался в Англии. У них ни одного праздника не было без русских песен.

– Что-то вы не так калякаете, – строго сказал Алексей Иванович.

– Это почему не так?

– Разве тебе, Игорь, неведомо, что на струге друг друга не выкают, все в нём – артель, а я – шишка, атаман и шкипер.

– И, правда, Игорь Алексеевич, давайте говорить друг другу ты, – весело сказал Митя.

– С полным удовольствием, – согласился я. – Вот вам моя рука.

Скрепив рукопожатием соглашение с пробирочником, я ни на миг не усомнился в верности выбранной по отношению к нему тактики. Его простецкое поведение ничуть не усыпило мою подозрительность. Парень был явно не с одним дном, и пока я видел лишь то, что видел. Он был тоже не прочь поиграть в простоту, но поживём – увидим, а пока я должен был признаться, что не заметил в нём ни малейшей фальши, зацепившись за которую можно было бы размотать его полностью, как бумажный рулон. Мысль, что каждый человек имеет тщательно скрываемую от других червоточину, чуть не погрузила меня в меланхолию, но от острова опять донёсся

пушечный выстрел. Он извещал, что к нам направился самый большой струг козыревской флотилии «Атаман» с командой гребцов и заказанное мной по мобильному развлечение состоится.

– Сарынь на кичку! – скомандовал шкипер. – Все за вёсла! На кону ящик пива!

На «Атамане» явно слышали этот крик и прибавили ходу, у них за вёслами были четверо молодых и крепких мужиков из охраны Бесстыжего острова. При одинаковом парусном вооружении их четыре весла против наших двух при еле заметном ветре давали нашим соперникам явное преимущество, но у нас был Алексей Иванович, главный тренер команды по морскому многоборью, которую финансировала «Народная Инициатива». Он чутко улавливал малейшие изменения в направлениях ветра и правил стругом, властно покрикивая:

– Раз! Раз! А ну упрись! Раз! Раз!

Я упирался из всех сил, то вскидывая, то опуская тяжёлые вёсла, и прислушивался, как позади меня побряхтывает от натуги Митя. Через пять минут я понял, что он явно сильнее меня и сдался: бросил вёсла и, ополоснув забортной водой потное и разгорячённое лицо, сказал:

– Какой год тяжелее полного стакана с водкой ничего не поднимаю. Заводи, Иваныч, мотор, пока эти охламоны не взяли нас на бордаж.

– Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»! – крикнул шкипер и запустил дизельный движок.

На «Атамане» хотели сделать то же самое, но их мотор, сделав два-три выхлопа, заглох, а мы, совершив круг победителей, устремились к острову.

Расположившись в носовой части струга, подальше от ревушего во всю мощь двигателя, я нет-нет, да поглядывал на Митю, который, судя по всему, чувствовал себя превосходно, и невольно завидовал его молодости и здоровью. У меня ещё не прошла дрожь в руках от весёл, а парня затеянная мной проверка только позабавила. И он, стоя во весь рост, вглядывался в сторону острова, который был не просто клочком суши посреди водохранилища, а цитаделью или непотопляемым авианосцем «Народной Инициативы», где было много такого, о чём электорат не ведал ни сном, ни духом.

Вблизи остров впечатлял своими размерами, это был сосновый бор посреди воды, обрамлённый белыми песчаными

пляжами, на которых когда-то резвились прожигатели жизни времён развитого социализма. Теперь он единовластно принадлежал Андрею Ильичу Козыреву, и был защищён от непрошенных гостей современной системой слежения, применявшейся на военных объектах особой важности, и проникнуть сюда было невозможно. Немедленно срабатывала система сигнализации, и группа захвата сломя голову мчалась к нарушителю границы, которого уже держали за штаны пушечные вперёд служебные собаки.

Задержанных граждан помещали в бетонный отсек и, продержав там иногда полные сутки, выпроваживали на берег со строгим наказом не нарушать границы частных владений. И скоро горожане узнали, что место их игрищ и забав больше им не принадлежит, но вякать было бесполезно. Козырева хвалили попы и прирученные мной газетчики за богоугодное дело: на острове, бывшем в летнюю пору вертепом разврата, Андрей Ильич первым делом построил великолепную рубленую церковь. Сам архиепископ освятил её и весь остров по самому высшему чину. И теперь на Бесстыжем, надо думать, пребывала, если не сама святость, то её отражение – христианская справедливость в наглядном виде: в храме на Бесстыжем исповедь была бесплатной, а во всех других с прихожан в городе брали по сто рублей с каждого. Прослышав об этом, Андрей Ильич распорядился всему коллективу «Народной Инициативы» выплачивать ежемесячную сторублёвую надбавку – и христианам, и иудеям, и мусульманам, за что был обласкан архиепископом, подарившем олигарху образ Николы-угодника, вышитый крестом насельницами Соловецкой пустыни.

Надо сказать, что Андрей Ильич прибрал к своим рукам остров достаточно давно, ещё в те баснословные времена, когда в России пузырилась и булькотила демократия послеперестроечного разлива, Ельцин пил горькую, а на местах кое-кто уже сумел хапнуть наиболее рентабельные производства и окружил себя сворой прикормленных ментов, прокуроров и журналист. Опытный кадр КПСС Козырев принадлежал к числу воротил, которые жили не одним днём. Он верил, что капитализм явился в Россию всерьёз и надолго, поэтому был не только самым эффективным грабителем советского наследия, но и умелым изготовителем лапши, которую до моего появления в штате «Народной Инициативы»

не брезговал сам развешивать на уши наших простодушных земляков.

Наглое покушение бывшего комуняка на Бесстыжий остров спровоцировало волну возмущения. Против захватчика выступили и «зелёные», и коммунисты, и жириновцы, которые собрались на внушительный митинг возле офиса «Народной Инициативы», избрали инициативную группу и почти приняли резолюцию обратиться в Страсбургский суд, как сквозь толпу к микрофону прошёл человек, в котором многие узнали самого виновника народного возмущения.

Козырев бесцеремонно отодвинул задыхавшегося в праведном гневе оратора и произнёс весьма укоризненным тоном:

– Не о том протестуете! И с чего вы взяли, что мне нужен этот зассанный десятью поколениями горожан клочок суши, оставшийся от варварского затопления сталинистами волжской поймы?

В ответ раздалась негодующие выкрики, толпа угрожающе качнулась в сторону Андрея Ильича, но тот не смутился.

– Ваша правда! – рявкнул он в микрофон. – Я захватил остров, чтобы намыть из его песка тонну золота, а не получится, так организовать раскопки и присвоить себе все пустые бутылки из-под водки и пива и наварить на этом проекте немислимую деньгу! Так, что ли?

– Вы лишаете горожан единственного места отдыха, – выступил вперёд главный городской защитник природы профессор пединститута Бирюков. – Остров является уникальным уголком почти исчезнувшей растительности волжской поймы.

– Вот это правильно! – подхватил Козырев. – Прежде чем решиться приобрести остров, я пригласил комплексную экспедицию из Самарского института Волжского бассейна, и она сделала заключение, что дальнейшая интенсивная эксплуатация острова должна быть немедленно прекращена и доступ на него ограничен.

Несколько сотрудниц офиса принялись раздавать протестантам листовки с резюме самарской экспедиции. Колонки цифр и графики производили впечатление на людей неискушённых и привыкших верить, что наука говорит всегда правду. Мнение толпы стало колебаться, и Козырев поспешил склонить его на свою сторону окончательно.

– Этот митинг не должен остаться без положительных последствий. Я вижу здесь самых уважаемых граждан нашего города и предлагаю им создать комитет по восстановлению экосистемы Бесстыжего острова и включить в него представителей партий и общественных движений. Финансирование деятельности комитета «Народная Инициатива» берёт на себя.

После столь многообещающего заявления вожаки митинга кинулись создавать комитет по Бесстыжему острову и делить портфели. Коммунисты по привычке пожелали возглавить новоиспечённую общественную организацию, но их гегемонии решительно воспрепятствовали жириновцы и несколько весьма рьяных граждан, не обозначивших свой партийный окрас.

Козырев не стал дожидаться окончания собрания, оставил за себя начальника службы безопасности корпорации и удалился победителем в офисные апартаменты. Он знал, что его заместитель доведёт дело до логического завершения. Так и случилось. Отставной полковник госбезопасности пригласил наиболее ретивых протестантов и свежиспечённых членов комитета проехать до Бесстыжего острова на корпоративном катере и провести, так сказать, регонсцировку на местности.

Отказавшихся от поездки не было. Быстроходный катер на подводных крыльях мигом доставил борцов за экосистему волжской поймы на остров, где они с важным и многозначительным видом стали прогуливаться и дискутировать о том, что бы такое здесь сотворить на деньги регионального олигарха. Начальник службы безопасности тем временем выгрузил из катера ящик водки, положил на него буханку ржаного хлеба, большую луковицу и удалился восвояси, оставив борцов за сохранение природы куковать на острове до морковкиного заговенья, то есть неопределённо долго в ожидании оказии, которая поможет им вернуться к своим семьям.

Спасение к волжским «робинсонам» явилось утром. Это был старенький портовый буксир, на нём к Бесстыжему причалила орава самых отъявленных журналюг-проходимцев с фотоаппаратами и кинокамерами, которые и застали в самом неприглядном виде самых известных в городе протестантов. Все они, не исключая коммунистов, были в стельку пьяны, измазюканы в грязи и в травяном соре и еле ворочали языками. Под соснами были разбросаны пустые

водочные бутылки и валялся пустой ящик. Потерпевшие от козыревского гостеприимства защитники природы были не в состоянии сопротивляться напору журналистов, и те всех перефотографировали, сняли несколько киноинтервью и отбыли восвояси, пообещав, что следующим рейсом портового буксира все оставшиеся будут эвакуированы.

Областное радио уже через два часа известило слушателей о ночном гульбище на Бесстыжем острове и сообщило, что вечером на эту тему будет показан фильм. В городе сие известие распространилось с быстротой лесного пожара, возникла масса слухов и предположений, но действительность превзошла все ожидания. После показа кинофотодокументов и речёвок журналистов заведующий юридическим отделом «Народной Инициативы» обвинил защитников экосистемы волжской поймы в покушении на захват чужого имущества, то бишь острова Бесстыжий, и озвучил решение президента корпорации – передать материалы радиоэфира и телепередачи в областную прокуратуру.

После столь грозного заявления члены самозванного комитета по защите Бесстыжего острова разбежались, как тараканы, в разные стороны, и Козырев в спокойной обстановке совершил покупку сорока гектаров земли по десять долларов за гектар и стал полномочным хозяином острова, который сейчас стоил уже несколько десятков миллионов «зелёных», до следующей социалистической революции.

В начале зимы, когда лёд на Волге окреп настолько, что стал выдерживать грузовики с брёвнами, на остров начали завозить сосновый кругляк, доски, сантехнику и другие строительные материалы в количествах, достаточных, чтобы открыть широкомасштабное строительство уже в начале весны. После храма началось возведение терема по мотивам Коломенского дворца, построенного при царе Алексее Михайловиче. Одновременно строились гостевые домики, прокладывались дорожки, очищался и где надо прореживался сосновый бор. Когда строительство закончилось, на остров завезли несколько пар лосей, кабанов и благородных оленей, которых разместили в огромном занимающем четверть острова вольере, огороженном со всех сторон крепким и высоким забором.

Я не был непосредственным свидетелем или участником героического освоения Бесстыжего острова, но и до меня докатились отзвуки праздника, учинённого Козыревым

по случаю окончания работ, которое совпало ещё с одним грандиозным событием. Оно касалось только Андрея Ильича: его состояние перевалило за сто миллионов баксов, но радоваться этому он мог только один, запершись в тереме на персональном острове.

Зато прилюдно Козырев оттянулся по полной. На остров была приглашена вся руководящая и финансовая головка региона. Место для праздника было огорожено, чтобы гости не загадили испражнениями и блевотой экосистему острова. Вся обслуга была одета а ля рюс, сам Андрей Ильич для убедительности отрастил бороду и усы и оделся под Стеньку Разина: в синие сафьяновые сапоги, плюсовые красные штаны и голубую рубаху, что весьма покорило представителя президента по Приволжскому федеральному округу, известного либерала и западника, но он смолчал, а в разгар праздника уже сам себя вообразил подручным знаменитого атамана и запел про княжну, которую Разин утопил в Волге.

– Как раз вовремя! – заявил Козырев. – В программе нашего праздника следующим пунктом значится «Княжна».

– Вот и прекрасно! – воскликнул «государево око». – Я - за!

На пристани загремели пушки. Русский народный хор облфилармонии, скрытый до времени за громадной ширмой, разухабисто грянул: «Ехал на ярмарку ухарь купец!», а затем в полном составе погрузился в прогулочный теплоходик и последовал за стругами с почётными гостями к волжскому мосту в сопровождении быстроходного катера МЧС со спасателями-водолазами.

Козыревская флотилия на полпути сделала остановку, все плавсредства окружили атаманский струг, где подвыпивший представитель президента поднял на руки «княжну», но никак не мог бросить её в воду. Хор уже дважды повторил куплет, где атаман «и за борт её бросает в набежавшую волну», но либерал медлил до тех пор, пока Андрей Ильич не подтолкнул:

– Бросай! Не позорься в глазах электората!

Полпред внял совету хозяина, и «княжна» под восторженные вопли гостей плюхнулась в воду и пошла камнем на дно.

– Что же вы, братцы, приуныли! – грянул хор.

Гости продолжили гульбу, а полпред, склонившись за борт, ждал появления «княжны». Прошла одна минута, другая, и он растерялся.

– Где же она?

– Как где? – удивлённо вытаращил глаза губернатор, не отходивший ни на шаг от почётного гостя. – Наверно, утонула. Упала за борт и утонула, по собственной неосторожности. И это все видели.

– Я видел! Я видел! – завопили со всех сторон. – Сама упала!

Дружная поддержка однопартийцев слабо утешила полпреда, он сник, ушёл в каюту струга и просидел там до конца прогулки, пока атаманская флотилия не вернулась на Бесстыжий.

– Он там часом не повесился? – встревожился Козырев.

– Такие не вешаются, – осклабился губернатор. – Но в штаны мог напустить. Давай встречный марш.

Оркестр военного училища, жарко блистая медными трубами, заиграл марш, и губернатор, пятясь, вывел из каюты полпреда. Штаны у него были сухими, а морда – унылой и мятой.

– А вот и дорогая пропажа! – возвестил Козырев.

Музыка резко оборвалась, полпред глянул на сходни и обомлел: его встречала в белом подвенечном платье с короной королевы красоты на голове очаровательная девушка, в которой он с изумлением узнал «княжну». В руках она держала поднос с большой рюмкой водки и гроздью винограда.

– Это ты! – только и смог выдохнуть возвращённый к жизни полпред президента России, опрокинул в рот стопку, захватил «княжну», жадно закусил водку её сладким поцелуем и продиктовал своему референту:

– Оформить с начала месяца моим советником по общим вопросам. Ты на переезд согласна?

– Мне нужна квартира, – пискнула девица.

– Это детали, – небрежно махнул рукой полпред. – Думаю, мы сработаемся.

И помахав ручкой на прощание, повёл свою добычу к приземлившемуся возле пристани вертолёту, сопровождаемый раболепной толпой во главе с губернатором, весьма довольным своим оригинальным подхалимажем высокой особе.

Оставшись без «государева ока», наша правящая элита пила и куролесила до самого утра, и, к счастью, никто не огорчил хозяина инфарктом или инсультом, все остались живы и здоровы. Андрей Ильич по-настоящему стал законным

владельцем Бесстыжего острова, что получило подтверждение в награждении его по рекомендации полпреда орденом Почёта, который он получил вместе с письмом, где тот очень тепло благодарил Козырева за недавнее гостеприимство. Это письмо Андрей Ильич велел поместить в рамку из красного дерева, и оно до сих пор украшает одну из стен его служебного кабинета наряду с портретами президента и премьера.

Пристань на Бесстыжем острове была расположена внутри искусственно созданной уютной лагуны, защищённой с трёх сторон от ветров высокими и тесно друг к другу растущими соснами. Вход в неё обозначали две насыпи, воздвигнутые из песка, вынутого при углублении бухты, чтобы к острову могли причаливать суда любой осадки, включая и класса «река-море», и океанские прогулочные яхты, которые вошли в моду с тех пор, как такой обзавелся олигарх Абрамович. Андрей Ильич за модой не гнался, в каждом задуманном им деле, которое неукоснительно воплощалось в жизнь, чувствовался присущий ему край волгаря и широкодушного русского человека. Во всяком случае, таким его воспринимали наши восторженные аборигены, но я знал, что это была только игра – и разинские струги, и ежегодно совершаемое культовое бросание княжны очередным Стенькой Разиным. Замечу, что должность атамана уже лет пять как стала покупной, последний Стенька Разин, а в миру – Оська Губерман – выложил за право быть знаменитым разбойником сто тысяч «зелёных», эти деньги якобы пошли на благотворительность, а она способна превратить, как известно, любое распутство в богоугодное дело.

У входа в бухту стояли две рубленые из дуба башни, которые выплёвывали пороховой дым и пламя, когда на остров прибывало лицо государственного уровня. Мы с Митей таковыми не являлись и проследовали к пристани в полной тишине. Шкипер заглушил мотор, и струг по инерции достиг причальной стенки, где и започакивался на мелкой приборной волне.

– С прибытием! – объявил он. – Я тебе, Игорь, больше не понадобится?

– Скорее всего, не понадобится. Судя по тому, что нас

встречает сам полковник Ершов.

Начальник службы безопасности сухокивнул пробормотал, не разжимая губ:

– Андрей Ильич находится в рыбацком домике. Вас проводить или вы сами найдёте дорогу?

– Не умею пользоваться этой колесницей, – сказал я, указывая на электромобиль. – А ты, Митя?

– Не знаю, – пожал плечами мой спутник. – Это сооружение напоминает самокат, который используют на полях для гольфа. Надо попробовать.

– Нетуж, нет! – запротестовал Ершов. – Это моя персональная тачка.

Мне езда в электромобиле была не в новинку. Освоив остров, Андрей Ильич позаботился и об экологически чистом транспорте. На автозаводе были заказаны удобные для пассажиров и технологически инновационные электромобили. И всякий ступивший на остров гость чувствовал, что на Бесстыжем комфорт соответствует европейским стандартам, и по этому показателю остров со всеми его обитателями мог быть без обсуждения и прохождения кандидатского срока принят в Евросоюз.

Мы с Митей пристроились за Ершовым на упругих сиденьях и совершенно бесшумно устремились по гаревой дорожке к рыбацкому домику, скрытому от посторонних глаз среди деревьев, в которые подступали почти вплотную к воде, откуда по мосткам можно было попасть на бревенчатый плот, с которого Андрей Ильич любил забрасывать свой дорогуший спиннинг.

– Вам повезло, – сказал полковник Ершов. – Хозяин, кажется, зацепил судака и находится в добродушном настроении.

Начальник службы безопасности не ошибся. Андрей Ильич, похотывая, подхватил судака сачком и продемонстрировал нам добычу.

– Каков пострел! Уж он меня водил, водил, но не сорвался. Страсть как жаден! Что скажешь, Митя, хорош?

– Я к рыбалке равнодушен, наверно, потому, что среди моего окружения не было рыбаков.

– Никогда не поздно приобщиться, – заметил Андрей Ильич. – Рыбалка учит терпению, а удовольствие от неё ни с чем не сравнить, одно слово – потеха русскому человеку была и есть во все времена.

Судак перестал биться, Козырев вынул его из сачка и бросил в пластмассовое корыто с водой.

– Говоришь, не было вокруг тебя рыбаков? – сказал он. – А я, признаться, думал, что англосаксы все сплошь с удочками ходят. Или ты такого на туманном Альбионе не замечал?

– Никто с удочками по улицам не разгуливает, – улыбнулся Митя. – Рыбаки ведь не в городе удят рыбу, а на водоёмах.

– Вот оно как! – деланно удивился Андрей Ильич. – Значит, я пал жертвой обмана, не припомню, как звать, но очень учёного американца. Послушать его, так на Западе никто не расстается с удочками ни днём, ни ночью. Вот ты, Игорь, у нас почти всё знаешь, может, ты припомнишь этого американца?

Конечно, мне было известно имя миллиардера и баптиста, который, приехав в сбрендившую от свободы Россию, учил по телящику наш народ запасаться удочками и находить уловистое место, а не ждать, пока государство позаботится о твоём благополучии. В своё время я, как дурак, уверовал, что нашёл свою «удочку» в спекуляции турецкими шмотками, но, слава богу, завязал с этим безнадёжным делом, пристроился возле Козырева, научился читать его мысли и на его вопрос ответил как должно:

– К сожалению, Андрей Ильич, это как раз тот редкий случай, когда я не в силах без подготовки ответить на ваш вопрос. Но я могу заглянуть в Интернет.

– А ты что, ума набираешься на этой виртуальной помойке?

– Приходится, – сокрушённо вздохнул я. – Президент не расстается с Твиттером, а я в этих делах чайник. Вот Митя с ним на ты.

– Вот как! – Козырев повернулся к сыну. – Впрочем, ничего удивительного, что он ничегошеньки не слышал про старинную китайскую мудрость про удочку и удачливого рыболова. Не слышал, и прекрасно, потому что всё это глупость. Вот у меня немецкий спиннинг, но если бы я его забросил не в Волгу, а в Свягу, то вряд ли бы мне удалось подцепить такого роскошного судака.

Зная хозяина, я счёл необходимым возразить ему из самых подхалимских соображений, чтобы он моё возражение разбил в пух и прах и почувствовал себя победителем.

– Но малый бизнес – это и есть та «удочка», с помощью которой на Западе и существует средний класс.

– Малый бизнес, – презрительно хмыкнул Андрей Ильич.
– Нет, Игорь, надо тебе подарить томик древнекитайской философии, чтобы ты набрался ума-разума.

Я изобразил привычную позу почтительности, то есть преданно глянул на хозяина самым честным взглядом, коему научился у козыревского сенбернара, которого хозяин заимел после того, как собака этой породы обосновалась в покоях президента Российской Федерации.

– Так вот, – Андрей Ильич взял нравоучительный тон. – Извольте выслушать старую китайскую притчу. Она напрямую касается рыболова, которому удалось поймать на свою удочку с десяток миллионов деревянных, и он вообразил себя столпом капиталистического общества, средним классом. И кто он, этот везунчик, один из тысячи разорившихся неудачников?

– Бизнесмен, – угодливо вякнул я.

– Нет, обыкновенный мелкий вор, обирающий каждый божий день сограждан, которые имеют глупость иметь с ним дело, на энную сумму рублей. Год, два, три, десять, пятнадцать лет он копит полмиллиона баксов, чтобы занять дом, машину, и всё это до поры до времени. На каждого мелкого вора всегда найдётся более крупный вор, который, как говорят китайцы, нагрянет, закинет за спину сундук с накопленным золотом, а самого мелкого вора засунет в карман, авось пригодится. А теперь скажите, в чём я не прав?

– Ты, папа, полностью прав, – опередив меня, сказал Митя.

– И в чём же прав? – с подозрением глянул на него отец.

– В том, что любая собственность есть кража.

– Знать, что сказал Прудон, не вредно. Но если его слушать, так всё человечество – это воры. Люди воруют тепло у солнца, еду у земли, воздух у растений, которые его вырабатывают. Мы всем этим пользуемся, не оставляя взамен ничего, кроме мусора и грязи, которой отравляем природу. Так рассуждают гуманисты. А теперь послушайте, что я скажу. Каждая травинка, веточка, каждая букашка для чего-то да предназначена. Мелкий вор паразитирует на простаках, но прихожу я и хапаю его самого вместе с его добром и в этом вижу только одно – природную закономерность. Что, сын, тебе, я вижу, не по вкусу мои откровения?

– Как-то это всё примитивно, – сквозь зубы буркнул Митя.

– Человечество немислимо без идеалов, без бога...

– Да ты, я погляжу, умник, – восхищённо глянул на своего

пробирочного отпрыска Андрей Ильич. – Я в твои годы точно таким был, правда, без английского образования. Я тоже думал, что человечеству присущи идеалы, правда, тогда вместо бога был коммунизм, но всё оказалось обманом. Вот тебе моя нагая правда: людьми правит не бог, не разум, а аппетит. Понуждаемое им человечество создало цивилизацию. Аппетит сделал нас такими, какие мы есть!

Мне подобного рода страстные речёвки Андрея Ильича приходилось выслушивать довольно часто. Иногда казалось, что он приблизил меня к себе благодаря тому, что обрёл безропотного слушателя. Какую бы ахинею Козырев ни нёс, я не возражал, но когда он выговаривался и открывал потайной шкафчик с армянским коньяком, наступало моё время сказать своё слово. Козырев не был тщеславным циником, но и его насквозь прожжённая негодяйствами душа жаждала ласки, и я, не скупясь, хвалил своего босса, а тот сначала недоверчиво на меня поглядывал, а потом начинал шуриться, как кот на солнечной завалинке.

Но сегодня Андрей Ильич выбрал в слушатели сына, и это меня встревожило. Митю явно возмутила грубая откровенность, с какой отец судил о людях, презирая их всех от Адама до себя самого. Он мог сорваться и надерзить отцу, который выжидательно на него поглядывал и явно намеревался ещё раз уязвить каким-нибудь словесным выкрутасом.

– Разговоры об аппетите бессмысленны, если ими заниматься не за трапезой, а на пустом плоту, – сказал я. – Да и завечерело. Впору соорудить костерок на берегу да освежиться чаем.

– Ты, Митя, хочешь чаевничать? – спросил Андрей Ильич.
– Здесь найдётся и чем закусить.

Рядом с рыбацким домиком стояла хозяйственная будка. Я знал, где что лежит и, вооружившись топором, наколот от полена мелких щепочек для растопки, разжёл их и когда они разгорелись, положил сверху несколько толстых и сухих веток валежника. Костёр подёрнулся белым слоистым дымом, порывом ветра его отнесло в сторону. Пламя заплясало сначала на щепках, потом на ветках, затем на трёх поленьях, которые я, прислонив концами друг к другу, поставил торчком на кострище.

Взяв ведро, я отправился к баку набрать чистой воды для чая, но меня остановил властный зов хозяина. Поставив ведро на землю, я потрусил к берегу, чтобы узнать, какая очередная

блажь осенила моего свояка и работодателя.

Козырев возбуждённо расхаживал по краю плота и укорял сына:

– Нет, ты слабак! Добыча сама идёт к тебе в руки, а ты что-то плетёшь о гуманизме. Это же гусь, скорее всего годовалый, значит, из него должно получиться нежное жаркое. Прыгай в воду и живо хватай за шею, пока течение не отнесло его от берега!

Митя растерянно взглядывал на отца и бормотал:

– Мне этот гусь не нужен. По какому праву я должен его убить? Ему и так досталось, он ведь полуживой.

– Конечно, это не беркут! – хохотнул Козырев. – Но я хочу узнать, что ты из себя представляешь. Мужик ты или артист ансамбля Моисеева?

Митя беспомощно на меня глянул, но я в чужие семейные дела не мешаюсь и успел вовремя отвернуться.

– Видит бог, я этого не хотел! – выкрикнул Митя и в одежде прыгнул в воду.

Шум и крики не вспугнули гуся, он не кинулся в сторону или на глубину, а, подняв голову, поплыл навстречу человеку.

-5-

Вислоухий гончий пёс не первый день смотрел с высокого берега, как гуси шумно плещутся в воде, подолгу нежатся на траве, а вечерами, гогоча и хлопая крыльями, идут в гору, подгоняемые хворостинами хозяек. Из зарослей репейника он наблюдал за птицами, не раз был почти готов броситься на них, но его останавливал страх, и лишь сегодня, отфыркнув прилипшую к ноздрям паутинку, начал молча спускаться с обрыва вниз.

Осторожно перебирая лапами по песчаной осыпи, гончак, не отрываясь, смотрел на гусей. Они не обращали на него внимания, но опасность не проморгал сторожевой гусак, который, испустив предупреждающий гогот, сделал несколько шажков в сторону пса. Соскочив с шумящей осыпи, гончак скрылся в кустах и, прячась в них, стал подбираться к стаду поближе.

Но все эти ухищрения были напрасны. Сторожевой гусак протрубил тревогу, стадо загоготало, зашумело и, снявшись с места, неторопливо сдвинулось в сторону реки. Матёрые гусаки, шипя, вытягивали шеи, хлопали тугими крыльями,

нагоняя ветер, но пёс на них не нападал. Уже не таясь, он неторопливо бежал вдоль дуги гусиной обороны и, выбрав момент, с хриплым гавканьем ринулся туда, где столпилась гусятная молодь.

С резкими пронзительными криками испуганные птицы бросились к воде, но пёс их не преследовал. Ему повезло – один гусак кинулся в сторону от реки, и гончак ринулся за ним следом. В два-три прыжка он почти догнал его, но на пути оказался овраг, и гусь, помогая себе взмахами крыльев, перелетел через препятствие, а пёс кубарем скатился вниз, потом, задыхаясь и гавкая, полез по песчаному обрыву наверх. Бывалый гончак понял, что добыча ушла от него и, злобно скуля, лёг на жёсткую начавшую рыжить траву.

А молодой гусь всё бежал, растопырив для равновесия крылья, пока не увидел воду. Плюхнувшись в волну, гусь быстро поплыл, перебирая лапами и вытянув вперёд шею. На берег он не оглядывался, плыл и плыл, пока не выбился из сил, и с земли перестали доноситься пугающие звуки. Ветер и волны несли его по реке. Вода поглотила земной шум, и вокруг простиралась пустынная всхолмленная волнами водная равнина, над которой с визгом кружились чайки.

Так далеко гусь никогда ещё не заплывал. Он оглянулся вокруг и, напугавшись своего одиночества, забил крыльями по воде и пронзительно закричал. Это был крик тревоги, опасности, на который немедленно откликнулась и приходила на помощь гусыня. Но сейчас никто не отозвался на его умоляющий вопль, вокруг лишь плескались и шумели волны.

С гребня подкинувшей его волны гусь увидел берег. До земли было далеко, но инстинкт позвал его к своему стаду. И, вытягивая шею, поднимаясь в воде на дыбки, гусь всматривался в сторону берега, вслушивался в летевшие оттуда порывы ветра, но никак не мог определиться, куда ему плыть. Течение уже снесло его далеко вниз по реке, и вокруг на берегах, подступая к воде, стоял незнакомый чёрный лес.

Солнце садилось, небо заволочило низкими тёмными облаками. По реке дул резкий холодный ветер, и гуся несло на середину реки, всё дальше и дальше от уходящего в вечерний сумрак берега. Волны росли, они уже иногда захлёстывали птицу с головой. Гусь отчаянно перебирал лапками, выгребая на вершину водного холма, стремительно сваливался вниз, порой его крутило на одном месте и затем снова швыряло

туда, откуда он начинал движение. Устав сопротивляться, гусь затих.

Ещё не совсем стемнело, когда он услышал идущий из воды и воздуха незнакомый и пугающий шум. Сверкая огнями и гремя музыкой, по реке шёл туристический теплоход.

С палубы заметили птицу.

– Это кто? – спросила девушка у проходившего мимо матроса, показывая на гуся.

– Это? – малый перегнулся через поручни. – Гусь!

– Гусь? – удивилась девушка. – А что он здесь делает?

– Как что? Плавает. На то и гусь, чтобы плавать.

Теплоход прошёл, оставив на воде горьковатый пахнувший нефтью след. Наступила ночь. Похолодало, и озябший гусь увидел вспыхнувший невдалеке огонёк. Он поплыл к нему, зная, что возле огня должны быть люди, а значит, и корм, и тепло.

Плывя в темноте, гусь попал в нефтяное пятно, оставленное проходившим теплоходом. Плёнка маслянистой грязи облепила перья, тёплый начавший отрастать на зиму пух слипся, и холодная осенняя вода просочилась к телу птицы. Гусь озяб ещё сильнее и, торопливо выгребая, поплыл к хлипко дрожащему в темноте огоньку.

Это был бакен. Гусь сделал возле него круг и попытался вскарабкаться на шаткий деревянный островок. Но на нём не было уступа, поверхность бакена заросла скользкой тиной, и гусь, как ни помогал себе крыльями, раз за разом срывался в воду. Устав, он отступился, и его понесло по реке.

Ночью гусь не делал попыток выбраться из воды. Он сложил крылья, подобрал под себя лапки и спрятал голову под крыло. Река несла его в темноте всё дальше и дальше, и гусь задремал.

Он настолько устал озяб, что даже пропустил восход солнца. Было уже утро, и его увидела, вылетев в свой первый полёт, чайка. Она летела над рекой и сквозь реденький туман смотрела вниз. Чайка была тоже молода, она приняла дрейфующего по течению реки гуся за дохлую рыбу и спикировала на него с высоты полёта.

Крепким и острым, как щипцы, клювом чайка ударила спящего гуся сверху и вырвала из крыла клочок слипшихся грязных перьев. Гусь проснулся, поднял голову и, забив крыльями по воде, закричал. В этом крике было столько

боли и страха, что чайка испуганно шарахнулась в сторону от поднявшегося в воде гуся и, заваливаясь на бок, полетела прочь, роняя из клюва грязные перья.

Нападение чайки ошеломило гуся и придало ему силы. Он понял, что в воде ему оставаться опасно, и устремился к острову.

– Что ты ходишь вокруг него кругами! – закричал Андрей Ильич. – Хватай за шею и тащи сюда.

Но Митя не спеша стал подталкивать ослабшую птицу к плоту, и она покорно двигалась навстречу своей гибели.

– Принеси топор! – приказал Козырев.

– Может, не стоит? – вякнул я. – Вдруг птица заразная.

– Делай, что тебе велят, и не умничай! Мне этот гусь нужен не для праздничного стола, а для пробы.

– Какой пробы? – недоуменно сказал я.

– Увидишь, какой, – осклабился Андрей Ильич. – Иди за топором и поторапливайся!

Сойдя по мосткам на берег, я оглянулся. Митя был уже рядом с плотом, и отец протягивал ему руку, чтобы помочь выбраться из воды. Но Митя сначала вытолкнул на брёвна гуся, и затем, не воспользовавшись отцовской помощью, влез на плот, снял штаны и рубаху и стал выжимать из них воду.

Взяв топор, я забежал в рыбацкий домик, снял с вешалки полотенце, махровый халат и поспешил на плот.

– Я этого гуся есть не буду! – заявил Митя.

– Никто тебя к этому не понуждает, – произнёс Андрей Ильич. – Я прошу тебя сделать другое.

– Что другое?

– Игорь, отдай ему топор! – велел Козырев. – А ты, Митя, знаешь, как его в руках держать? Это ведь исконное русское орудие – и для жизни, и для смертоубийства. Ты хоть из Англии, но предки твои мужиками были, так что возьми топор, почувствуй, что он такое.

– Я знаю, что вы задумали, – сказал Митя, беря топор. – Но делать этого не стану.

Гусь возле ног Козырева затрепыхался, растопорщил крылья, попытался упасть в воду, но поскользнулся и упал на бок. Андрей Ильич наступил ему на крыло и сурово глянул на сына:

– Отруби ему голову!

– Как это отруби? – опешил Митя.
– Самым натуральным образом! Отчекрыжь ему башку, если ты мужик, а не размазня.
– Не надо так надо мной зло шутить, папа, – в голосе Мити послышались нотки обиды и недоумения. – Я могу... Я могу...
– И что ты такое можешь? – скривился Андрей Ильич. – Ты хоть одну бабу трахнул? Или не сподобился?
– Кажется, вы дошли до оскорблений и грубостей, – пробормотал Митя. – Я, к вашему сведению, верю в любовь.
– К вопросу любви мы ещё вернемся, – сказал Андрей Ильич. – А теперь отруби этой падали башку!
– Ни за что! – вспыхнул Митя. – Вот вам топор, а я ухожу.
– Подумай хорошенько: ведь ты завтра будешь казниться тем, что дал слабину. А я тебя буду считать не своей породы, не козыревской. Ты этого хочешь?

Воцарилось недоброе молчание. В крайнее бревно плота шлёпнулась волна от проходившего по реке теплохода, который, сияя огнями, как новогодняя ёлка, приближался к мосту. Гусь заскрёб лапой по дощатому плотовому настилу. Козырев снял с него ногу, и он бессильно поник между отцом и сыном.

– Не надо напоминать мне о моём странном происхождении, – сухо произнёс Митя. – К счастью, есть подтверждённые решением суда документы, что моим кровным отцом являетесь вы. Так что я козыревской породы, и не пробуйте меня на излом, я не поддамся.

Андрей Ильич широко улыбнулся, протянул руку и похлопал сына по плечу.

– Теперь и я почувствовал, что ты мой сын. Молодец! Всегда стой на своём. Как, Игорь? Это мой сын?

– Чей же ещё! Все повадки ваши, да и смотреть – копия, – поддакнул я боссу, а внутренне напрягся, потому что не знал, какое сейчас он выкинет коленце.

– Вот мы и породнились по-настоящему, – доверительно произнёс Андрей Ильич. – Но как-то надо закончить эту глупую забаву. Этот гусь – не жилец. Попридержи его за шею, а я его топориком, легонечко.

Митя испытывающе глянул на отца, помялся, взял гуся за шею и прислонил её к настилу.

– Крепче держи! – сказал Андрей Ильич и, размахнувшись, ударил топором по гусяной шее.

Голова гуся отлетела в сторону, а сам он, размахивая

крыльями, забился в руках Мити, который удерживал его за обрубок шеи, откуда выплеснулась вверх красная струя. Митя отшвырнул гуся и взглянул на свои ладони. Они были в крови, и его лицо исказилось от ужаса. Он опустился на колени и застонал.

– Господи! Что я наделал, господи Иисуси!..

– Что ты там бормочешь, малахольный? – сквозь смех спросил Андрей Ильич. – Какой ещё господи Иисуси?

Митя молчал и жалко всхлипывал. Его начала бить дрожь, которая вскоре перешла в трясучку.

– Займись им, – сказал Андрей Ильич и, тяжело ступая, сошёл на берег. Я вспомнил о халате и с большим трудом облачил в него Митю. Он согрелся и заплакал навзрыд. Я его не утешал, а зачерпнул ведром воды, намочил край халата и обтёр ему лицо. Его жалкий вид пробудил во мне нечто похожее на жалость, хотя я не был склонен к сентиментальности и ежедневное общение с президентом «Народной Инициативы» научило меня сдерживать прекрасные порывы души, потому что они всегда становятся причиной для неприятностей.

Нужно было позаботиться о ночлеге, в нашем распоряжении был рыбацкий домик, возле которого ещё не погас разведённый мною костёр.

– Пойдём, – сказал я. – Становится ветрено, недолго и простыть.

Митя с моей помощью поднялся на ноги, я взял его мокрую одежду, и мы, стараясь не наступить мимо мостков, сошли на берег.

– Он меня выставил круглым дураком, ведь так?

– Андрей Ильич любит парадоксы. Считай, что это один из его заранее обдуманых парадоксов.

– Но он поступил со мной недостойно! – вспыхнул Митя. – Я должен потребовать от него объяснений.

– Он и меня не раз выставлял дураком. Но приносил всегда извинения в виде какого-нибудь презента. Отец с сыном разберутся и без моей подсказки, но всё-таки ты не торопись. Остынь. Тогда и тебе этот случай может показаться смешным пустяком.

– Как ты не понимаешь, что я им уже обижен моим подозрительным появлением на свет? – с горечью произнёс Митя. – После смерти матери он отправил меня в Англию. Я жил у чужих людей. Слава богу, что они оказались настоящими

русскими, и я себя не потерял в казарме привилегированной школы. Я ведь приехал сюда, чтобы очеловечиться в своём народе, соединиться с ним душой. Но первый же человек, мой отец, которому я был готов распахнуться, не скажу, что плюнул, а смрадно дыхнул в мою душу. И мне, Игорь, сейчас так тягостно, так неуютно, что я не знаю, куда мне себя девать.

Мы уже подошли к рыбацкому домику. Я включил рубильник, и вокруг стало светло от нескольких светильников на веранде и в помещениях.

–Отдохни. А я тем временем найду для тебя сухую одежду и познакомлюсь с холодильником, хотя знаю, что он пустым не бывает. И в нём всегда найдётся, чем утешиться опечаленному человеку.

Я прошёл на кухню и, распахнув холодильник, взял бутылку коньяка и лимон. Моя душа тоже нуждалась в утешении. Хотя Андрей Ильич и поднял меня из нищеты и приблизил к своей особе, но после каждой встречи с ним у меня оставалась оскомины, и я мстительно начинал подумывать, а не обнародовать ли, подобно всемирно известному Ассанжу, всё то, что мне удалось раскопать о президенте «Народной Инициативы».

-6-

Козырев был весьма сдержанным и осторожным человеком и о своём прошлом в начале нашего знакомства говорил редко и неохотно, но со временем стал более словоохотливым, благодаря чему я узнал о нём многое из того, как он жил до поступления в институт. На мою робкую попытку побудить свояка к продолжению воспоминаний он после некоторого раздумья, глядя мимо меня, сказал:

– Возьми подшивки областных газет, там обо мне много чего понаписали, начиная от стройотряда политехнического института и заканчивая моим громким выходом из КПСС ещё до путча 1991 года. Меня заклеямили предателем, но я им не был. Я перемагнитился ещё до того, как КПСС сдохла бесповоротно и окончательно.

Видимо, заметив в моём взгляде недоумение, он счёл

нужным пояснить:

– Я родился, воспитывался, учился и жил в стране, где все силовые линии замыкались на идеях коммунизма. Октябрьская революция намагнитила Россию такой мощью, что её хватило на коллективизацию, индустриализацию, культурную революцию, победу в Отечественной войне и космический прорыв. Перемена полюсов началась в партии со смертью Сталина, а к столетию Ленина магнитно-силовые линии были окончательно переброшены с плюса на минус. Однако народу, интеллигенции, рядовым коммунистам сия перемена была неведома, и понять её было можно только на верхнем этаже обкома партии, где находились кабинеты секретарей областной партийной организации. Но кое о чём я догадался сразу, когда стал инструктором промышленного отдела. Уже на второй день мне объяснили, что я ношу зимнюю шапку не по чину и должности. У меня был хороший кролик, и заведомо райкома мог ходить в такой шапке. Теперь же как инструктору обкома партии мне надо было носить ондатру, а она тогда на рынке стоила равно столько, сколько я получал за месяц – двести рублей. Конечно, мне её продали по спецене, но сам этот факт основательно промыл мне глаза и заставил крепко задуматься.

Рассказывая о своём вхождении в партноменклатуру, Андрей Ильич смотрел на меня так невинно, что поверить ему я не мог, тем более что ещё до его подсказки поручил прикормленному мной журналюге Маркину собрать все упоминания о президенте «Народной Инициативы» в СМИ, начиная с 1972 года, когда он после окончания политехнического института был направлен инструктором в объединённый партком главка по гражданскому и промышленному строительству. Чтобы сбить Маркина с толку, я преподнёс ему расследование как начало большой и дорогостоящей работы по написанию книги об Андрее Ильиче к его предстоящему юбилею.

Солидный аванс воодушевил журналюгу, и вскоре в мой компьютер посыпались копии газетных публикаций об Андрее Ильиче. Их число заметно возросло с приходом к власти генсека Михаила Горбачева, когда явилась гласность и развязались языки даже у тех, кто привык их держать на привязи. Но в этих сообщениях не было ничего такого, что представляло собой компромат, так – обычная жизнь партаппаратчика, начавшего в связи с курсом на перестройку вякать о демократии, – но

этим занимались все, кто держал нос по ветру и был не чужд амбиций занять более высокое общественное положение, используя охватившие страну беспорядки.

Куручка клюёт по зернышку, в конце концов мне удалось понять причину возвышения Андрея Ильича из выпускников политеха в номенклатуру обкома партии. Партийный билет, полученный им в армии, значил много, хотя далеко не всё, но он помог Козыреву занять место секретаря комсомольской организации курса и члена совета студенческого отряда института. Учился он весьма посредственно, но уже тогда умел себя подать с выгодной стороны. Маркин нашёл несколько номеров комсомольской газеты, где была статья, несколько заметок и фоторепортаж о комсомольском вожаке курса, рьяно откликающемся на все выдумки, которые то и дело возникали в идеологическом отделе ЦК ВЛКСМ.

Вся эта трескотня была лишь маскировочной завесой, а под ней пряталась жизнь, которую уже никто не требовал от человека прожить так, чтобы не было стыдно и горько за бесцельно растроченные годы. И Андрей Ильич быстро понял, что ему нужно побыстрее освободиться от всех иллюзий, которые ещё не покинули его окончательно, и, улучив момент оседлать удачу на всю оставшуюся жизнь. Но это было сделать не так-то просто, он не был освобождённым комсомольским работником, энтузиаст – не более, в номенклатурных списках даже самого низшего разряда Козырев не значился, но в нём жила уверенность, что ему обязательно должно повезти. На последнем году учёбы в институте так и вышло – его избрали сначала на областную конференцию, а затем – делегатом всесоюзного съезда комсомола.

Маркин раздобыл и представил мне в оригинале статью из областной комсомольской газеты с фотографией и обширным, на всю страницу, очерком о делегате съезда комсомола Андрее Козыреве. Газетчик не пожалел красок и высокопарных слов для комсомольского вожака, но меня заинтересовала похвала герою очерка, которая была выделена отдельным абзацем, тогдашнего первого секретаря горкома партии Костина: «Молодой коммунист Козырев является образцом для подражания. К порученному делу он подходит творчески и выполняет его с полной отдачей. Это проявилось и на Ленинском субботнике, где комсомольцы, которыми руководил Козырев, привели в порядок переулочек Свободы: убрали мусор, покрасили заборы

и цокольные этажи...»

– Откуда это стало известно автору очерка? – скептически произнёс я. – Или это выдумка?

– А вы зрите в точку, – льстиво прогнулся Маркин. – Я знаю автора и, позвонив ему, задал точно такой же вопрос.

– Ну и что?

– Эти слова были в своё время напечатаны в институтской газете, которую Андрей Ильич предъявил газетчику, а тот поломался для виду, но после того как выпил с героем очерка на брудершафт, счёл, что они украсят его материал.

Я просмотрел все газетные вырезки, открыл стол, чтобы достать конверт с деньгами и небрежно бросить его в сторону журналуго, но он меня остановил:

– Эта информация стоит других денег.

– Тебе что, понадобились евро, фунты, доллары, но у меня только рубли.

– Я не об этом, – загадочно произнёс Маркин.

– Говори, а там поглядим, сколько стоит твоя информация.

– Отвечаю сразу: сто баксов.

– Не наглей!

– Что вы, Игорь Алексеевич! Моё открытие заключается в том, что девичья фамилия супруги Андрея Ильича была Костина. Да-да, именно Костина.

Для меня это было новостью. Правда, я не знал, понадобится ли она мне, но в хозяйстве всё пригодится.

– Можно сделать вид и сказать, что это не новость, но я не хочу терять репутацию честного человека даже в глазах такого проходимца, как ты.

Я смахнул конверт с деньгами в стол, вынул из портмоне сто долларов и вручил Маркину.

– Рой глубже, и «Народная Инициатива» тебя не забудет!

Взяв оставленный Маркиным листок бумаги, я медленно прочёл его два раза и задумался. Затем развернул газету и требовательно всмотрелся в фотографию молодого Козырева. Красотой он определённо не блистал и сейчас, на седьмом десятке, выглядел, пожалуй, симпатичнее, чем сорок лет назад, может быть, потому, что округлил лицом, и полнота смягчила костлявую физиономию делегата и нездоровую жадность во взгляде, которую не смогла скрыть пожухлая от времени газетная бумага.

«Что такого нашла в нём единственная дочка первого

лица в городе, если запала на такую образину? Может, она сама была с изъянцем? В жизни чего только не бывает», – подумал я и потянулся к сотовому телефону, чтобы озадачить Маркина, в каком направлении нужно двигаться в раскопках окаменевшего козыревского дерьма, чтобы добыть жемчужное зерно истины.

– Как насчёт аванса в полста баксов? – небрежно поинтересовался журналюга.

– За наглость я тебя могу оштрафовать на ту сотню, что ты от меня получил!

– Это же шутка, Игорь Алексеевич! – залебезил Маркин. – Через пару дней всё об этой дамочке будет у вас на столе. Часом не знаете, где она сейчас находится?

– Там же, где и тебе пора находиться – на кладбище! – рявкнул я. – Но тебя там закопают с биркой на ноге, если ты не перестанешь умничать!

Угроза подействовала, и на следующий вечер Маркин робко постучал в дверь моего кабинета, вошёл, положил на стол картонную папочку и безмолвно исчез.

Дочь первого секретаря вопреки моему предположению была миловидной девушкой, без видимых изъянов и на фотографиях была запечатлена в движении: на копке картошки, с мастерком в руках возле наполовину отштукатуренной стены, на волейбольной площадке, возле костра, подпевающей гитаристу, в котором я безошибочно опознал будущего босса «Народной Инициативы».

«Надо будет вызвать Андрея Ильича на разговор, показать ему эти фотографии, – подумал я. – Старик расчувствуется и приоткроет створки своей закопчённой ежедневными грехами души».

Кроме фотографий в кожаной папочке находилась подробная автобиография Ленсты, и её необычное имя заставило меня напрячь мозги, чтобы понять, что оно обозначает. Служащему элитного ранга высоко котирующегося на рынке ценных бумаг концерна ни к чему помнить имена борцов за народное счастье. Поэтому я не сразу смикитил, что имя интересующей меня особы составлено из двух громких имен – Ленина и Сталина, и подивился политической ловкости бывшего главного коммуниста города, который, став отцом, назвал дочь именем двух вождей пролетарской революции.

Разобравшись с именем первой жены своего босса, я

обратился к её автобиографии, извлечённой из личного дела, хранящегося в областном партархиве, где у пролазы Маркина были связи, и он сумел добыть ксерокопию столь важного документа.

Из него я почерпнул, что Ленста была моложе Козырева, и училась с ним на одном курсе. Факт, конечно, любопытный, но он всё равно не объяснял, почему девушка из номенклатурной семьи полубила парня с рабочей окраины, ведь не под влиянием же кинофильма «Весна на Заречной улице?»

Я положил папку с документами в сейф, но не забыл о них и при первом же удобном случае показал Козыреву.

– Да ты, как я погляжу, на меня досе собираешь? – удивился он. – Ай да свояк! Что, уже заказчик на это всё имеется?

Ответ у меня был подготовлен заранее и тщательно отрепетирован:

– Кое-что я уже сделал без вашего разрешения, так сказать, в инициативном порядке. Но пришла пора открыться: эти материалы предназначены для будущей книги. Прошу не отвергать моего предложения, а подумать.

– Какой книги? Ты это зачем? Говори прямо.

– Учитывая ваш политический и финансовый вес в регионе, считаю необходимым написание вашей художественной биографии.

Андрей Ильич окинул меня цепким взглядом прожжённого дельца, хмыкнул и добродушно рассмеялся.

– Знаешь, чем ты мне дорог, Игорёк?

Пришла пора и мне изобразить смущение и радость.

– Откуда мне это знать?

– Тебе многое, но не всё, заметь, не всё прощается из-за того, что ты умеешь угадывать мои желания. Грешным делом, я и сам иногда подумывал начать делать кое-какие записи, даже написал как-то десяток страничек. Потом глянул – чушь на постном масле! А ты и писателя уже подыскал?

– Как можно без согласования с вами! – вскричал я, донельзя обрадованный тем, что подцепил босса на уду откровенности. Все мы, люди, обманываемся только потому, что у нас всегда есть желание обмануться, и Козырев – не исключение.

– Обойдёмся без борзописцев, – заявил Андрей Ильич. – Я всё наговорю на диктофон. Затем вычеркну лишнее, а редактор пригладит, прилизет и выправит стилистические ошибки.

Я решил ковать железо, пока горячо и, открыв ящик

стола, вынул из него небольшой, с пачку сигарет, японский диктофон.

– Ты записываешь разговоры? – поморщился Андрей Ильич.

– Приходится иметь дело с публикой самого разного пошиба. Страховка не помешает. Ну как, включить?

– А вопрос?

– Они перед вами, в папке.

Андрей Ильич высыпал на стол всё, что в ней находилось, выбрал одну фотографию и сказал:

– Это мой тесть Олег Владимирович Костин, и было бы большой неправдой не сказать, что ему я обязан очень многим. Это когда-то в России люди жили по определённым правилам: сыновья военных становились военными, поповские дети шли в попы, крестьяне из поколения в поколение работали на земле, ремесленник передавал своё ремесло сыну. Революция всё смешала в кучу. И в моё время служебная карьера партработника зависела в основном от случая, а это такая прихотливая тварь, что можно только диву дивиться и гадать, как сын тракториста Мишка Горбачёв стал генеральным секретарём, развалил державу, получил Нобеля мира и справил свой восьмидесятилетний юбилей под аплодисменты воротил мировой политики?

– У народа была возможность учиться, – напомнил я. – Горбачёв окончил МГУ, а это не пустяк.

– Согласен. Но тогда, да и сейчас, каждый год получали дипломы о высшем образовании не меньше миллиона человек, и почти все они остаются в положении бюджетников – учителей, врачей, офицеров и прочей служивой мелочи. В правящую элиту выбивается только тот, кому удаётся поймать свою удачу и не выпустить её из рук. Моей удачей стал первый секретарь горкома партии Костин. Ещё до того, как мы с Ленстой подали заявление в загс, я стал инструктором парткома строительного главка, затем инструктором райкома партии, короче говоря, за два года я достиг должности завсектором отдела строительства обкома партии. Это позволило мне перейти на руководящую работу в стройиндустрию и к тридцати трём годам стать директором стройтреста в главке, где я раньше был инструктором парткома. Вопросы есть?

– Почему вы пошли не по партийной линии?

– Этому выбору я тоже обязан своему тестю. Олег

Владимирович был коммунистом старой, ещё довоенной, закалки, и ему в партии многое не нравилось. Хрущева он считал предателем, а Брежнева – дураком. И считал, что коммунистов во всей партии днём с огнём не сыщешь, везде верх взяли приспособленцы, жулики и предатели. «Ты, Андрюша, слишком прост, чтобы выжить среди обкомовских тарантулов. Пока они тебя не трогают, потому что я ещё в силе. Но где я буду завтра? Посему тебе из обкома надо уходить на производство, на прочное место. Это я ещё обеспечу тебе смогу», – вынес свой вердикт относительно моей дальнейшей судьбы тесть, за что я к нему испытываю чувство глубочайшей признательности. По сути, не я, а Олег Владимирович Костин является основателем финансово-промышленной группы «Народная Инициатива», поскольку он меня поставил на трест, и с него, когда грянула перестройка, всё и началось.

– Тогда правильнее было бы «Народную Инициативу» называть «Партийной инициативой» – усмехнулся я.

– В СССР кроме коммунистов была ещё одна, можно даже сказать, главная партия, в которую входили управленцы – хозяйственники среднего и высшего звена. Собственно, именно эта партия подтолкнула Горбачёва начать реформы. Директорскому корпусу надоело управлять порой миллиардными по стоимости предприятиями, но не иметь права купить подшефному садику набор мягких игрушек. Олег Владимирович, царствие ему небесное, всё это понимал и надоумил меня создать кооператив, а когда разрешили частные банки, помог получить кредит в госбанке.

– Наверное, об этом говорить не следует? – засомневался я. – В глазах электората вы – финансовый гений, а разубеждать в этом людей не следует.

Мои слова Козыреву явно не понравились, он часто задышал, подошёл к окну, распахнул форточку и поманил меня к себе указательным пальцем. Внизу улица кишела народом, и с двенадцатого этажа люди смотрелись мурашками – суестьющимися каждый по своей надобности насекомыми.

– Они схавают всё, что я им скажу! – мрачно заявил Козырев. – И не пикнут.

– Но почему? – вякнул я, чтобы подтолкнуть босса к откровенности.

– Что такое народ? Вот мы всё время твердим: народ! народ! А что это такое? Вот я точно не народ. Ты – то же самое, не народ.

– Андрей Ильич повернулся к портрету президента на стене за моим рабочим столом. – Сей господин и все подчинённые ему лица, до мельчайшего клерка, до какого-нибудь помощника судебного пристава – все они не народ, потому что в лучшем случае живут по казённой справедливости, а чаще по своей правде взяточников, воров и проходимцев.

– А эти разве не народ? – указал я на окно, за которым шумела улица.

– Это – потребители! – отчеканил Козырев. – Российский народ теперь можно рассматривать только так. Сейчас человек мыслим только как потребитель, от роддома, где мамаше оказывают услугу родовспоможения, до похоронного бюро, где человеку оказывают последнюю услугу – погребение.

– Это мнение атеиста, – подтолкнул я босса к дальнейшему откровению, кое писалось на диктофон.

– Это мнение здравого человека. Сказано: «Нет правды на земле, но нет её и выше». А про попов я молчу, они столь прилипчивы к чужим деньгам, что слов нет! Не ведаю, как было при святом князе Владимире, но сейчас церкви затем и существуют, чтобы оказывать религиозные услуги за деньги. Ты записываешь, что я говорю?

Я взял диктофон и показал Козыреву. Он удовлетворительно хмыкнул:

– Пишет. Но вернёмся к тому, с чего начали – к народу. Так вот народа в России больше нет.

– Как нет? Куда же он подевался? Вон сколько на улице людей.

– Да, людишки пока ещё водятся, а вот народа не стало, – Козырев нахмурился. – Но от правды не спрячешься. Все мы стали одним миром мазаны. Никто не хочет жить по справедливости, по божеской правде, все разленились, охамели, зарятся на чужое и во всём винят власти, хотя лучшей власти в России не было никогда. Сколько веков кричали: «Хотим свободы! Желаем быть вольными людьми!» Ельцин дал всего этого России от пуза, а его так ненавидят, что готовы вытащить труп из могилы, сжечь и выстрелить пеплом в сторону Запада. Моя Ленста Олеговна, не в укор ей будет сказано, ненавидела его лютой ненавистью наравне с Гитлером.

– Она не разделяла ваших убеждений?

– Какие могут быть убеждения между женой и мужем? – удивился Козырев. – Люди сходятся для семейной жизни не

по убеждениям, а по инстинкту продолжения рода. И Ленста после родов полностью отдалась воспитанию сына. Она ведь была коммунистка до мозга костей, после запрещения КПСС создала в городе что-то вроде подпольного обкома, но Митя был для неё на первом месте, всегда где-то рядом с Лениным и Сталиным, она даже его на демонстрации и митинги таскала, посадит его вроде рюкзачка за спину и идёт митинговать.

– Это, наверное, вредило вашему бизнесу? – предположил я.

– Мало кто знал, что она моя жена: Ленста, чтобы угодить отцу, оставила себе девичью фамилию. Я её любил и не мешал жить, как она хочет. Но её надолго не хватило.

Андрей Ильич выключил диктофон и сунул в карман. Я побледнел от предчувствия, что получу сейчас от босса втык за самовольное использование звукозаписывающего устройства в служебном офисе концерна. Но Козырев опять меня удивил своей непредсказуемостью:

– Будем считать, что ты мне диктофон подарил. А я, как будет настроение, что-нибудь на него наговорю для будущей книги. Но ты и работяг не обходи стороной. Сходи на собрание коммунистов, послушай, как они меня ругают, надо и их мнение включить. Раз уж у нас свобода слова, то пусть будет полная свобода. На любой, даже самый неприятный вопрос, я отвечу лично, и это будет напечатано в книге.

Глава вторая.

-1-

Расставшись с Митей, которого до слёз разобидела злая шутка отца с убийством гуся, я нашёл в гостевом домике кровать, разделся и скоро погрузился в зыбкую пелену сонного беспамьяства, из которого меня довольно бесцеремонно извлёк Андрей Ильич.

– Где Митя? – озабоченно сказал он и стал накручивать моё ухо. – Где Митя? Да проснись ты!

– Разве его в домике нет? – подхватился я с постели.

– Не знаю, куда он подевался, – сказал Козырев. – Вчера я над ним пошутил. Но неужели он такой неженка, чтобы

учинить какую-нибудь глупость?

– Вот уж не знаю, что он способен выкинуть, – проворчал я, засовывая ноги в штаны.

– Ты вчера целый день с ним хороводился. Каким он тебе показался?

– Я же не экстрасенс, чтобы просмотреть его насквозь! Но почему вы решили, что он куда-то подевался?

– Его на острове нет, – сказал Козырев. – Только бы руки на себя не наложил. Сейчас у молодых это делается просто.

На веранде кто-то затопал ногами, дверь распахнулась, и в комнату вошёл Ершов.

– Ну что у тебя, – нетерпеливо спросил Козырев.

– На пристани обнаружилась пропажа лодки. Наверное, Дмитрий Андреевич покинул остров на этом плавсредстве.

– Добро бы так, – облегченно вздохнул Козырев. – Ищите, как найдёте Митю, установите за ним наблюдение и сообщите мне.

– Вертолёт к вылету готов, – доложил Ершов.

– Ты летишь вместе со мной, – сказал, обратившись ко мне, босс. – А ты, Евгений Кузьмич, осмотри правый берег Волги, где-то там должна быть лодка, если только он не уплыл на ней в сторону Сызрани.

В моём кармане тренькнул мобильный: пришла эсэмэска, я мельком глянул на сообщение.

– Спецрозыск отменяется, – я отдал телефон боссу. – Митя вышел на связь.

Андрей Ильич прочитал сообщение и заметно ободрился:

– Кажется, моя наука пошла ему на пользу. Во-первых, он не обиделся, а во-вторых, умеет подколоть. Как ведь язвит: «А не подавился ли папаша вчерашним жареным гусём?» Он тебе позвонит, так скажи ему, что я им очень доволен.

Он сделал несколько шагов по комнате и повернулся к Ершову.

– Жди меня на пристани!

– Стало быть, вертолёт отменяется?

– А ты предпочёл бы, чтобы я пересёк Волгу верхом на моторе?

– На катере, конечно, безопаснее, однако вы требовали вертолёт, – заметил Ершов.

– Воздушная прогулка отменяется, – сказал Андрей Ильич.

– Устрой пилота в боярской гостинице, пусть отдыхает.

Начальник службы безопасности повернулся через левое плечо и растаял в проёме двери.

– Давай и мы пройдемся, – поднялся со стула Козырев. – Разговор у меня к тебе есть, скажем так, частного свойства.

Мы вышли на веранду, спустились с неё на дорожку и направились к беседке, откуда была видна большая часть Волги, между правым берегом и Бесстыжим островом.

– Тебе, конечно, не понравилось, как я обошёлся с Митей?

– Отношения между отцом и сыном касаются только их самих. Митя жалостлив, но это вполне человеческое чувство.

– Так-то оно так, – вздохнул Козырев. – Только каждый видит то, что видит. Ты заметил у Мити жалостливость, а я – слабодушие. Он трясся над этим драным гусём, будто ему предстояло резать человека. И ты его защищаешь только потому, что сам такой же слабак и готов пустить слезу, чтобы только потешить своё слабодушие.

Андрей Ильич неожиданно расхохотался.

– Хочешь, я расскажу, как научился плавать? Правда, история эта с запашком, но не будем же мы миндальничать?

Я вовсе не считал себя слабаком, и Козырев знал об этом не хуже меня. Но если хозяину хотел со мной поиграть, то не соглашаться было бы глупо. К тому же я сам играл с ним в свою игру, и, кажется, он об этом не догадывался.

– Лет шести-семи мать отправила меня на лето погостить к своему брату в деревню. У него было трое детей моего возраста. Летом ребятишкам одна забава – речка. Все купаются, а я зайду по пояс и бултыхаюсь возле берега в тине. Дядя Ваня посадил меня на плечи, зашёл на глубину и швырнул в воду: «Плыви к берегу!» Я заколотил руками и ногами, сжал зубы, чтобы не нахлебаться воды и барахтаюсь. А дядька сверкнул передо мной своей голой задницей и вывалил мне под нос несколько здоровенных какашек. Я их принялся отшвыривать от лица обеими руками и, представляешь, поплыл!..

– Мерзкая история.

– Согласен. Но разве жизнь состоит только из радостей и удач? Не помню, но кто-то из великих, говорил о свинцовых мерзостях русской жизни ещё полтора века назад. Разве она стала лучше? Всё – земля, вода, небо, человеческие отношения – замусорено какашками настолько густо, что честному человеку и ступить негде, чтобы не измазаться. Открыл книгу – попал в дерьмо, развернул газету – окунулся в помой, пошёл

прогуляться – налетел на пьяную ватагу... Митя ко всему этому не приучен и не знает, когда нужно давать сдачи, а когда – бежать, чтобы сберечь своё здоровье, а то и жизнь.

– Скажите Ершову, и он выделит ему охрану.

– От самого себя никакая охрана не уберёжет. Вот вчера ты почти весь день был с ним рядом, а не уберёг его от дури, которую он учинил своим выступлением перед главными трепачами города.

– Виноват, не доглядел, – вякнул я. – Хотя, на мой взгляд, речь Мити послужила ему на пользу.

– Это каким же образом? – нахмурился Козырев. – Тем, что он всех уличил во вранье?

– Многие слушавшие его люди поняли, что Дмитрий Андреевич – умный человек самых передовых взглядов, враг коррупции и всего того, с чем нас призывает бороться президент страны.

– Передовые взгляды могут быть только в тех краях, куда каждый день западает русское солнце. Ты прав в другом, но лишь наполовину: до умного человека Мите ещё далеко, а вот то, что он умник, так это – несомненно. Я сам таким был по молодости лет. Как вспомню, так вздрогну – каких только прекраснотупых глупостей не натворил, в какую чепуху не верил.

– Стоит ли жалеть о том, что было?

– Стоит жалеть время, – сухо и нравоучительно произнёс Козырев. – Я ещё лет пять назад мог войти в золотой список журнала Форбс, если бы стал хапать всё подряд. То, что у меня есть, попало ко мне по моей отзывчивости, от которой, видимо, мне уже никогда не избавиться. Тот же молокозавод, мясокомбинат, мебельный комбинат были обанкрочены лихими ребятами из команды губернатора, генерала и героя чеченской войны. Люди по году не получали зарплату. Ко мне одна за другой приходили делегации рабочих, чтобы я спас семьи, наладил производство, обеспечил людей достойным заработком.

Произнося этот монолог, который я уже слышал не меньше десяти раз, Козырев смотрел на меня проникновенно – честным взглядом праведника, готового положить жизнь за други своя, но я-то знал, что все его слова есть не что иное, как голимое вранье. Но меня поражало не само вранье, а непоколебимая уверенность бывших номенклатурных партийцев – от генсека

Горбачёва до члена пленума обкома партии Козырева, что они – не предатели дела Ленина, а жертвы обстоятельств необоримой силы. Общаясь с этой публикой, я убедился, что все они не провалились от содеянного предательства в тартарары, а быстренько соорудили себе подставки из оправдывающего их вранья, очень удобно на них разместились и живут в своём удовольствии при клятвом капитализме, в окружении надёжно обустроенных на хлебных должностях детей и родственников.

– Я сам взваливал на себя эту обузу, – продолжал гнуть своё Козырев. – Поначалу, не скрою, мне грело душу, что у меня появилась одна сотня миллионов долларов, вторая, третья, пока меня озарило, что я дурак, самый настоящий дурак! И знаешь почему?

– У меня нет и миллиона, – угодливо хихикнул я. – И на вашем месте мне не бывать.

– И нечего тебе там делать – одно беспокойство, а с той сотней тысячи, что ты от меня заимел, ты можешь позволить себе то, что мне – увы, недоступно.

– Что-то я вас, Андрей Ильич, не пойму? Как это недоступно? – деланно удивился я.

– Тут и понимать нечего, – заявил Козырев. – Мой капитал мне не принадлежит, скорее я ему принадлежу, а он только командует: «Сделай то! Сделай это! А этого не смей делать!» Что у меня и есть своего, так это остров. Здесь я себе и хозяин, и барин.

Я незаметно для Козырева ушипнул себе руку, чтобы не расхохотаться. Он был неистощим на всякие притворства, многие из которых я уже знал, но страдающий от полмиллиарда «зелёных» богач, было чем-то новеньким в репертуаре босса, и это нужно было взять на заметку. Очень даже может быть, что Андрей Ильич готовит для гостей на уже близком празднике дня своего рождения какой-нибудь розыгрыш, и примеры тому уже были, вроде бросания в Волгу персианской княжны. Кто знает, может быть, босс решил обновить репертуар своего праздника, и мне нужно быть готовым к любым неожиданностям.

Шкипер Алексей Иванович на своём струге доставил меня к левому берегу. Я нашёл свою машину там, где её оставил, и скоро стоял перед дверью своей квартиры, которую, памятуя, что моя дражайшая половина обычно просыпается ближе к полудню, осторожно открыл ключом, вошёл в прихожую и понял, что у нас гость, Козырев – младший. Митя сидел в зале

за столом, а вокруг него хлопотали, не зная, чем ему угодить, Люба и Аля.

– Мы с Андреем Ильичом обыскали весь остров, а он у меня в гостях, – укоризненно произнёс я. – Или это шутка? Но я за неё получил строгий выговор.

Митя не смутился и поманил меня к себе.

– Наклонись.

Мне это не понравилось, но я выполнил его странную просьбу.

– Я провёл сегодня удивительную ночь! – жарко выдохнул он мне в ухо.

– Свят! Свят! – отшатнулся я от неугомонного пробирочника. – Обо всём этом после! Во всяком случае, не глядя на утро, надо sprysнуть твой подвиг шампанским.

Я прошёл к холодильнику, взял бутылку шампанского и похолодел от догадки, что Митя кувыркался с неизвестной особой, которая вполне могла его заразить. Поставив бутылку на стол, я взял его за руку, вывел на лоджию, плотно закрыл дверь и приступил к допросу.

Вчера Митя не внял моему дружескому совету принять для успокоения взвинченных стычкой с отцом нервов контрастный душ, чтобы не натворить глупостей. Он бросился от гостевого дома напрямик по молодой посадке сосняка, крепко ободрался в ней и вымазался смолой и песчаной пылью, пока не выбрался на берег. По нему Митя добежал к пристани, где успел вскочить в катер со строительными рабочими, которые возводили на острове очередную архитектурную фантазию Козырева, коими он тешил свой необузданный и прихотливый нрав.

Плотники работали полный световой день, устали до изнеможения и на вскочившего в их катер попутчика не обратили внимание. Митя вёл себя тихо и, наклонившись за борт, смотрел на воду, в которой покачивались отражённые в ней огни большого города. Его одолевали самые разные чувства, которые он не мог выразить словами, пока это была тупая сердечная боль, и Митя, ощущая её, не ведал, что именно так даёт о себе знать уязвлённая несправедливостью человеческая душа. У людей очерстневших и злопамятных душевная боль вызывает желание отомстить обидевшему их человеку, но Митя был добр и незлопамятен. Он страдал тихо и безропотно, поглядывая сквозь нахлынувшие на глаза слёзы на

Волгу и шумно плескавшиеся в борт катера пенистые волны от встречного туристического теплохода. На его верхней палубе гремела музыка, сам он, расцвеченный огнями, был похож на плывшую вниз по течению реки праздничную новогоднюю ёлку.

«Всё течёт, но ничего не изменяется, – вздохнул Митя и проглотил застрявший в горле колющий слёзный комок. – От моей упавшей в Волгу слезинки река не посолонеет».

Он утёр рукавом рубахи лицо и оглянулся. На него никто не обращал внимание. Мужики, сидя на палубных лавках, переговаривались и играли в карты. Эта мирная картина задела Митю и даже обидела:

– Кинься я сейчас в Волгу, и никто из них не пошевелится, чтобы меня спасти. Каждый занят только самим собой и норовит облегчить только свою долю за счёт других. Впрочем, и я не лучше других, а скорее хуже. Эти мужики топорами из дерева вырубают каждую свою копейку, а я пытался подработать журналистикой, но разве это достойное занятие, чтобы посвятить ему всю свою жизнь?

Катер притиснулся к причальной стенке, и Митя, не дожидаясь, пока подадут трап, прыгнул на бетонный причал и, втянув голову в плечи, нырнул в густую и душную темноту. Потоптавшись на асфальтовой дорожке, которая была проложена вдоль берега к городскому пляжу, он неторопливо двинулся по ней, опасливо поглядывая по сторонам.

Он уже не обижался на своего взбалмошного отца, а корил себя за то, что поддался на провокацию и не раскусил с первого взгляда, что тот подвергает его испытанию, пробует на зуб! «Сколько раз я себя убеждал не спешить, не идти на поводу вспыхнувшего чувства, но, видимо, плохо даётся мне наука общения с людьми. Я вижу в них только доброе, честное, справедливое, а это, к несчастью, далеко не всегда так. Но отец поступил так не с умыслом. Он до сих пор не принял меня за своего сына, это проглядывает во всём его поведении со мной. А как он поглядывает на меня? С любопытством и опаской, но у меня и в мыслях нет чем-нибудь ему досадить...»

– Извините, пожалуйста, – услышал Митя дрожащий голос из куста акации рядом с дорожкой и остановился, вглядываясь в темноту, пока наконец не увидел размытые очертания женского силуэта.

– Что же вы замолчали, – сказал Митя. – Пойдёмте к фонарю,

там и поговорим.

– Ни за что! – пискнула незнакомка. – Идите сюда, если у вас есть зажигалка. Я свою где-то потеряла.

Митя сделал несколько шагов в темноту, достал зажигалку и высек огонь. Вспыхнувшее пламя высветило тонкие пальцы с сигаретой, бледный овал лица и огромные подрагивающие глаза. Она затянулась дымом, закашлялась и, отдышавшись, сплюнула как мужик себе под ноги.

– Ты что здесь в потёмках ищешь?

– Не знаю, – смутился Митя. – Разве это так важно?

– Наверно, нет. Будем считать, что нас друг к другу послал случай. Можешь звать меня Соней.

– Митя. Тебе нестрашно прятаться в кустах?

– Я ещё засветло сюда прибежала, – хихикнула Соня.

Она уже не выглядела испуганной, как несколько минут назад, и поглядывала на Митю без всякой робости, и он почувствовал, что от неё пахнет спиртным.

– А я тоже, можно сказать, из дома убежал.

– Вот видишь, – усмехнулась Соня. – Значит, и причина нам встретиться одна и та же. Ты где думаешь провести ночь?

– Можно и здесь, – осмелел Митя. – Разведём костёр...

– Ни в коем случае! – испугалась Соня. – Меня ищут, и если найдут, то и тебе не поздоровится.

– Кого же ты так боишься?

Соня отвернулась, прошла враз-вперед, остановилась и тихо произнесла:

– Всех боюсь, вот кого. Так что ступай куда идёшь.

Митя пожал плечами и, вернувшись на дорожку, продолжил свой путь, чувствуя неудержимое желание повернуться и посмотреть в сторону Сони. Сделав десятка два шагов, остановился и с облегчением услышал частое постукивание каблучков по асфальту. Он повернулся и столкнулся лицом к лицу с девушкой.

– Мне показалось, что кто-то ломится сквозь кусты, – прошептала она, обволакивая Митю долгим туманным взглядом. – Я испугалась... Ведь это так страшно – остаться одной в крошечной темноте.

– А со мной тебе нестрашно? – прошептал Митя и взял её за руку.

– Вроде нет, – она качнулась в его сторону, на мгновение их тела соприкоснулись, и этого оказалось достаточно для того,

чтобы Митю ожгло насквозь ещё никогда не испытанным трепетом. Во рту пересохло, он облизал губы и уронил голову на плечо Сони.

– Тебе что, плохо? – встревожилась она.

– Нет, хорошо. Только голова что-то закружилась, – сказал Митя. – Я могу тебя поцеловать?

– Разве про это спрашивают? Но зачем так спешить? Ты ведь меня совсем не знаешь, скорее всего, я так плоха, что не гожусь для тебя даже в случайные подружки.

Митя замешкался с ответом, и вдруг их ослепили автомобильные фары. Хлопнули дверцы, из милицейского «уазика» послышалось:

– Стоять на месте!

Звуковой выстрел из громкоговорителя испугал Соню. Она испуганно вскрикнула и нырнула в кусты. Патрульный с автоматом бросился за ней. Погоня закончилась быстро: послышались вопли пойманной беглянки, громкий вскрик и матерная ругань. Кусты затрещали, и страж порядка выволок на свет автомобильных фар упирающуюся изо всех сил Соню.

– Вот сучка! За руку цапанула зубами, – мент толкнул девушку на капот «уазика». Она изловчилась и пнула его в лодыжку. Мент рассвирепел и, получив удар резиновой дубинкой по спине, Соня разразилась воющим плачем.

– Как вы смеете! – вскричал Митя. – За что вы ударили девушку?

– Заткнись! – крепко ткнул его в бок наручниками прапор. – Нашёл себе девушку! Девушки сейчас спят на своих девичьих постельках, а не шаряются в потёмках на городском пляже в обнимку с подозрительными личностями.

– Это я-то подозрительный? – возмутился Митя.

– А кто же ещё, кроме тебя! А ну выворачивай карманы! А ты, Максим, пристегни девку к сиденью и топай сюда. Парень, я погляжу, с норовом, того и гляди, начнет махать копытами.

Напарник прапора поправил автомат на толстой шее и встал позади Мити, который пребывал в большом смущении. До этой минуты он никогда в жизни не сталкивался с вооружёнными слугами народа, и они своими повадками его устроили. Но остатки английской демократии ещё теплились в нём, поэтому, собравшись с духом, он заявил:

– Я требую присутствия адвоката!

Прапор выпучил на задержанного налитые кровью глаза и

заржал, как стоялый жеребец:

– Адвоката? Макс! Дай ему адвоката!

– Счас! – обрадовался напарник и со свего размаха ударил задержанного обеими ладонями по ушам.

Митя схватился руками за голову и закружился, оседая на корточки. Несильным пинком мент поднял его на ноги и запустил свои лапы в чужие карманы.

– Да у тебя тут бабла куры не клюют! – радостно завопил прапор. – Говори, сколько здесь денег?

– Не помню, – вякнул Митя. – Надо подумать, сколько я потратил.

– Слышь, Макс! – хохотнул прапор. – Он своему баблу счёта не знает.

– Зачем мне его знать? – обиделся Митя. – Это мои деньги, потому что вы их вытащили из моего кармана. Я их снял через банкомат со своего счёта.

– А ты их не из чьего-то кармана вытащил? – вцепился в него прапор. – Почему у тебя руки в крови и на рубашке кровь, и на щеке?

– Кровь? – растерялся Митя. – Какая кровь?

– Обыкновенная, красная. Какая же ещё? – прапор начал заводиться. – Говори, кого на гоп-стоп прихватил? А может, грохнул?

– Да вы не в своём уме, – побледнел Митя. – Кровь?.. Это гусиная кровь, да – гуся, которого зарубил мой отец топором. Я гуся держал за шею, а он ему голову отрубил. Гусь дёрнулся, стал биться и выпачкал меня своей кровью.

– Много я слышал вранья, но таким мне трут уши в первый раз. Разве вдвоём гуся или курицу убивают? Как твое мнение, Макс?

– Я своего подсвинка один завалил, а уж гуся тем более, – ответил, поигрывая резиновой дубинкой, мент.

– Так, суду всё ясно, – усмехнулся прапор. – А ну-ка покажи руки!

Митя посмотрел на свои измазанные гусиной кровью ладони, и прапор, улучив момент, ловко захлопнул на его запястьях стальные наручники.

– Вы что, ослепли или охренели? – крикнула Соня. – Какой он убийца, он – дитя, сущее дитя!

– У тебя самой нет документов! – проворчал прапор. – Все в машину! В отделе разберутся, кто вы на самом деле такие-

сякие.

В «уазике» дурно пахло бензином, сиденья были твёрже железа, но за полчаса езды по разбитому асфальту Митя и Соня не впали в уныние, сидели, прижавшись друг к другу, и даже успели поговорить.

– Говори, как есть: ты меня не знаешь, я тебя тоже, – прошептала Соня.

– Но это неправда, – возразил Митя. – Мне кажется, что я тебя знаю всю жизнь.

Соня глянула на него с жалостливым удивлением и свободной от наручника рукой погладила его по щеке.

– Если меня выпустят раньше, я тебя подожду.

– Мы выйдем вместе.

По пути менты прихватили ещё пару хулиганов, которые пытались оторвать руку у пластмассовой скульптуры почтальона. Парни были хмельны, нахальны, и менты усердно отдубасили их дубинками и затолкали в «собачий ящик». Там они, повизгивая и похрюкивая, пролежали до тех пор, пока «уазик» не припарковался к крыльцу райотдела. Прапор с самым довольным видом показал курившему на крыльце майору пойманных вандалов, тот махнул рукой, и их тотчас куда-то уволокли.

– А это что за гангстеры? – сказал майор, указывая на Митю и Соню.

– Таскались по пляжу. У парня руки и лицо в крови. Говорит, что помогал отцу зарубить гуся и вымазался его кровью.

– Он был пустой? – майор требовательно глянул на прапора.

– Не совсем, – нехотя сказал прапор. – Ничего острого и колющего, одно бабло.

– Это уже кое-что, – явно обрадовался майор. – Ведите их ко мне. Сначала – девку, а потом этого олигарха.

Соня пробыла у дежурного оперативника совсем недолго. Тот спросил фамилию, имя, отчество, время и место рождения, справился в базе данных и отправил её восвояси, предупредив об опасности ночных прогулок с незнакомыми парнями.

– Наручники на мне числятся, я их заберу, – сказал прапор, когда ввёл Митю в узкую сумрачную комнату с одним окном на высоте человеческого роста, пропахшую прокисшими сигаретными окурками.

– Ты деньги не забудь выложить и не забудь пересчитать,

– подозрительно глянул на него майор. – Или ты забыл, что за крысятничество среди своих могут и опустить вполне позонovski.

– Ты меня, Герасимыч, знаешь, за мной этого не водится, – помрачнел прапор. – Деньги все здесь, сколько было.

– Сколько?

– Я не считал. И задержанный сам не знает.

– Ладно, – майор кинул деньги в ящик стола. – Иди, покемарь, через часок ещё разок прошвырнись по маршруту. Алкаши просыпаются на заре и начинают искать деньги на опохмелку, наркоманам тоже надо ширнуться.

Митя сидел, опустив голову, и разминал занемевшие от наручников запястья. Мимо него, посапывая, протопал прапор и захлопнул за собой дверь.

– Сигареты есть? А то, закуривай мои, – добродушно произнёс майор.

– У меня есть, – сказал Митя, доставая из кармана пачку сигарет.

– Тогда закуривай. И заодно прикинь, как мы тебя звать-величать будем. Высыпай всё разом: и кликухи-погоняла, какие есть, и настоящие имя, фамилию, и где прописан.

– Что такое прописан? – спросил Митя.

– Ты мне дурочку не гони! – осерчал майор. – Ты по какому адресу зарегистрирован? Короче, где ты живёшь?

Митя задумался. Получив ключи от купленной на его имя квартиры, он не потрудился даже узнать её адрес, знал визуально, где находится дом, к какой квартире подходят ключи, и считал, что этого достаточно для безопасного проживания в городе. Оказалось, что это далеко не так.

– Давайте поступим проще, – устав от бессмысленного допроса, предложил Митя. – Поедем ко мне домой, и я предъявлю вам и паспорт, и документы на владение квартирой.

– Не утомляй майора! – хлопнул по столу тяжёлой ладонью мент. – Посиди в камере, подумай. Главный разговор у нас ещё впереди.

В дверь заглянул лейтенант.

– Группа на выезд готова!

– Отправь задержанного в камеру, пока я с замком от сейфа управлюсь. Заедать стал, зараза.

Соня сидела на скамейке в пустом коридоре. Увидев Митю, она поспешила к нему:

– Тебя отпустили?

– Отойди в сторону, – лейтенант открыл громоздкую дверь камеры. – Заходи! А ты, гражданка, веди себя смирно. Мы ведь как договорились? Не вякай, а то выгоню на улицу.

– Нет, не надо! – воскликнула Соня. – Я буду вести себя тихо.

Камера была отштукатурена «под шубу». Вдоль стен стояли широкие лавки, под потолком помигивала электролампочка. Митю унылый пейзаж не испугал, а даже заинтересовал. Он поозирался по сторонам: две лавки были заняты лежащими на них мужиками. Один был обнажён до пояса и весь опутан синей паутиной наколок, другой был одет и спал, прикрыв лицо соломенной шляпой.

Появление в камере Мити не прошло незамеченным для полуголого сидельца. Он заворочался на лавке, закричал, приподнял голову и сипло выдохнул:

– Курить есть?

Митя вынул мятую пачку сигарет и подал сокамернику. Тот вытряхнул из неё три сигареты, а остальные вернул владельцу.

– Сразу видно, что порядка не знаешь, – сказал он, засунув по сигарете за каждое ухо, а одну сжал губами. – Никогда не давай всю пачку. Скажут, что подарил и присвоят.

Он прикурил и лёг на своё ложе, временами поворачиваясь и показывая наколки, которые, если бы не их свирепый тюремный смысл, можно было бы принять за картинки мультфильма из русской жизни. Митя так их и воспринимал, таращась на пятиглавый собор на спине сокамерника, кинжалы, перевитые змеями, розы, звёзды на плечах, и простодушно недоумевал, зачем явно сильному и обладающему красивым торсом человеку понадобилось украшать себя такой безобразной мазнёй.

Он так увлёкся этим занятием, что едва услышал, как другой сокамерник поднялся с лавки и прошёл в угол, где находился кирпичного цвета унитаз. Рухнувшая из бачка по загромоздившей и завывшей трубе вода заставила Митю вздрогнуть и посмотреть на человека, который, застёгивая ширинку, разглядывал с нескрываемым любопытством его самого.

– Вот уж не ожидал увидеть в сём скромном месте такую вип-персолицу! – сказал он и, чиркнув зажигалкой, осветил лавку соседа. – Вот это неожиданность! Даже сенсация

провинциального масштаба. Вы – и камера КПЗ! Пусть меня и причисляют к писакам, но я не отношу себя к газетной сволочи. Так что не бойтесь: я буду нем, как премудрый пескарь.

– Не разводи бодягу, – мрачно сказал размалёванный сокамерник. – Объяви, кто ты есть, и начинай базарить по-своему: я не поэт, но я скажу стихами: пошёл ты на хрен крупными шагами!

– Ну вот, меня вам и представили, и не кто-то, а сам Чугун, это в определённых кругах очень даже звонкое имя. Мне оно, во всяком случае несколько раз, помогло выпутаться из больших неприятностей. Я действительно поэт и живу поэзией, но обо мне вы не слышали, вы ведь только что приехали в наш город. Анатолий Чистяков и прочая, и прочая...

Поэт шаркнул рваным ботинком, и Митя понял, что Чистяков действительно его знает и пытается произвести на него благожелательное впечатление.

– Я думал, что ты, Толян, живёшь тем, что собираешь пустые жестянки и бутылки, – удивлённо воззрился на Чистякова Чугун. – А ты, оказывается, живёшь поэзией.

– Я неточно выразился. Тело моё живёт выпивкой и закуской, а душа поэзией. Но тебе этого не понять.

– Базарь дальше, меня здесь нет, – хохотнул Чугун и опрокинулся на лавку.

– Откуда вы меня знаете? – сказал Митя. – Я в городе всего несколько дней.

– Вы вчера были в спор-клубе?

– Был, – признался Митя. – А вы там меня видели?

– Не только видел, но и слышал. Вообрази, Чугун, увязался я за моим приятелем Маркиным, чтобы он пожертвовал на мою бедность столик, а у него тысячная бумажка. Но я его из зубов не выпустил, показал, где буфет, взял денёжку и вдруг слышу, кто-то режет правду-матку. Я заскочил в зал, уселся в кресло, выслушал вашу зажигательную речь про враньё и весьма рад, что вы уязвили нашу власть в самую точку. Она лжива насквозь, но это не мешает ей нравиться электорату. Кстати, как вас зовут?

– Митя.

– Значит, Дмитрий Андреевич?

– Лучше – Митя.

– Пусть будет по-вашему, – добродушно заявил поэт. – Но скажите, вы не пописываете в рифму?

– Откуда такое предположение? – удивился Митя.

– Из вашей вчерашней речи. Она обнажила вашу детскую наивность, вы явились таким самозванным Христом на сходку самых отпетых лжецов и продажных писак нашего города и стали обличать один из коренных человеческих и общественных пороков – враньё. Посмотрел я на вас и решил, что вы с моей поэтической поляны ягода, и, знаете, обрадовался тому, что в городе я не один такой придурок, появился и второй, да ещё какой! Не мне чета! Вот вам моя рука, вы, Дмитрий Андреевич, своей обличительной речью влили в меня свежие силы.

– Не силы ты в себя влил, а водку с пивом, – вмешался Чугун. – Я тебя, козла, пёр на спине домой, когда нас повязали менты.

– Всё равно, вот вам моя рука! – заявил Чистяков. – Со вчерашнего дня я числю вас в своих единомышленниках.

Протянутая поэтом рука выглядела крайне непривлекательно, однако Митя её пожал, пожалуй, даже с излишней горячностью и силой, так что Чистяков сморщился от боли.

– По вашему виду не скажешь, что вы так сильны, – потирая ладонь, сказал он. – Качаетесь?

– Кажется, я могу теперь отдохнуть, – сказал Чугун. – А ты, парень готовься к дружбе с Толяном: будешь поить его за свои деньги, таскать на загорбке и ночевать с ним в ментовке.

– Не обижай, Чугун, я таких друзей, как ты, не бросаю, – нахмурился поэт. – Я тебя иногда утомляю, это правда, но уже давно ты – мой соавтор.

– Это ещё что за должность? – подозрительно глянул на собутыльника Чугун.

– Ты меня вдохновляешь на создание шедевров, – значительно промолвил поэт. – Говоря твоим языком, ты – подельник многих моих стихотворений, а по-культурному – соавтор.

– Ну ты даёшь! – ухмыльнулся Чугун. – С тобой не прокиснешь, что-нибудь да ляпнешь, хоть и не в тему, но прикольно.

Дверные запоры заскрипели, залязгали, в камеру заглянул майор и поманил Митю.

– Выходи!

– Майор, айн момент! – вскинулся Чистяков. – Мне надо кое-что тебе шепнуть.

Поэт устремился к двери, вытеснил майора в коридор и через минуту вернулся.

– Я Герасимычу нарисовал, кто ты есть. Сейчас у него бестолковка всё это усвоит, и он вас на своём горбу повезёт к твоему папаше.

– Зачем вы ему про это сказали? Неудобно как-то получилось.

– Неудобно штаны через голову надевать. А дать под дых менту, чтобы его образумить, всегда приятно. Кстати, там, не успели мы выйти, такая милашка за тебя стала просить. Неужели ты не торопишься уединиться с ней в своих апартаментах?

Предположение Чистякова не оправдалось. Вместо майора Митю выпроводил из ментовки уже знакомый прапор, вручивший ему конверт с конфискованными деньгами, записной книжкой, двумя банковскими картами и ключами от квартиры.

– А где Соня? – спохватился он.

– На крыльце, – сказал прапор. – Стала права качать, и дежурный отправил её охладиться.

К рассвету на улице стало зябко. С Волги тянуло холодком, деревья робко пошумливали влажными от росы листьями. Соня стояла посреди двора и постукивала каблучком по асфальту. Митя быстро подошёл к ней и взял за руки. Она подалась к нему и прошептала:

– Какой ты горячий. А я озябла.

– В камере душно. И я не против, чтобы ты со мной согрелась.

– Но не здесь же! – отшатнулась Соня. – Пойдём отсюда подальше.

– Мне надо выйти на центральную улицу города, но я не знаю, где нахожусь, – сказал Митя.

– Пойдём, Гончаровка рядом, через квартал.

Выйдя на центральную улицу, Митя поглядывался и, взяв под руку Соню, пошёл к дому, увенчанному часовой башенкой.

– Куда ты меня ведёшь? – сказала Соня. – Мне надо домой.

– Вокруг пусто. Ни трамваев, ни такси. Кстати, машину можно вызвать только из квартиры. Но куда торопиться? Эта ночь так необычна, во всяком случае для меня. А для тебя?

Соня вздохнула, прижалась к его плечу и не ответила.

– Уже полчетвёртого, – заметил Митя, поворачивая к своему дому. – Вот в этом угрюмом каменном чемодане находится

моё холостяцкое жилище. Зайдём? Согреемся чаем или кофе и вызовем тебе такси.

– Не знаю, – прошептала Соня. – Я озябла и боюсь подхватить простуду.

Войдя в квартиру, Митя прикрыл форточку, чтобы не было сквозняка, прошёл к бельевому шкафу, вынул оттуда полотенце и вернулся к Соне.

– Горячая ванна или душ помогут тебе согреться. Закрой за собой дверь, а я тем временем вскипячу воду для кофе.

– Мне чай, – сказала Соня. – Без сахара.

Пока она мылась, Митя привёл себя в порядок в своей комнате: протёр руки и лицо ватой, смоченной туалетной водой, сменил нижнее бельё, рубашку и брюки. Затем прошёл на кухню, вскипятил воду, заварил чай, поставил на стол чашки и вазочку с глазированными пряниками.

Присутствие в квартире молодой женщины или девушки (Митя не мог взять в толк разницу между ними) не могло не взволновать до крайних пределов его ещё целомудренную натуру, он чувствовал себя смущённым и подавленным, его мучали сомнения и неуверенность, что у него всё получится, как и должно получиться у здорового мужчины. Умом Митя понимал, что пробирочное появление на свет никак не влияет на мужские способности, но только стоило ему представить, как это случится на деле, так все желания вмиг улетучивались и он впадал в тоскливое настроение, из которого выходил мучительно долго и трудно.

Не имей Митя лёгкий и отзывчивый на чужие невзгоды характер, с ним могло бы произойти то же, что случается с другими молодыми людьми, которые не могут одолеть проблем взросления и пытаются избавиться от них пьянством, наркотиками. Митя до таких крайностей даже в мыслях не доходил: от соблазнов его спасало одиночество. Его он предпочитал молодёжным тусовкам, потому что в отличие от большинства сверстников знал о своих заморочках и пытался в них разобраться, а другие бросались очертя голову в развлечения и, получив удар по самолюбию, хватались за верёвку или ныряли в оконный проём многоэтажки.

Шум воды в ванной комнате прекратился, дверь в неё приоткрылась, и Соня попросила подать ей расчёску. Митя заторопился, опрокинул стул, крепко ушибся, и, прихрамывая, кинулся за расчёской. Она нашлась под книгой, он схватил её

и, забежав в ванную, замер как вкопанный. Соня стояла к нему спиной совершенно голая, отражаясь в большом зеркале над умывальником.

– Принёс? – сказала она, поворачиваясь к Мите, который в ответ утвердительно кивнул и потупился.

– Так подай, – усмехнулась Соня, и в её глазах замелькали смешинки. – Подай.

– Чай готов, – хрипло сказал Митя, отдавая расчёску.

Его бросало то в жар, то в холод. Кто-то невидимый толкал его шагнуть вперёд, схватить девушку в охапку, а Митя этому позыву отчаянно сопротивлялся. Он не мог переступить через своё заблуждение, нашептывавшее ему, что он не может, не имеет права причинить ей обиду, нанести оскорбление грубостью, но как раз этого и требовало его восставшее и готовое к немедленному соитию мужское естество.

Соня чувствовала Митину неуверенность, и это её забавляло. Но помочь ему обрести уверенность она не спешила, предлагая ему самому совершить решающий шаг. И Митя его почти сделал.

– Ты мне очень нравишься, – выдохнул он.

– Ты мне тоже. Я сейчас выйду, но мне надо одеться.

– Но зачем? – жалко улыбнулся Митя. – Нагая ты прекрасна!

– Я не хочу, чтобы между нами существовали неясности, – сказала Соня. – Но нагишом о серьёзных вещах не говорят.

Это трезвое суждение остудило Митю, он выпятился из ванной, прикрыл дверь и направился на кухню в приподнятом состоянии духа.

«Я это смогу! – шептал он. – Только не надо спешить. Всё произойдёт само собой».

Митя взбодрился, ещё раз произвёл ревизию в холодильнике, нашёл банку сгущёнки, которую вылил в небольшую с высоким краем чашку и выставил на стол. Затем подошёл к окну и, глядя в утренние сумерки, попытался угадать, какая на сегодняшний день предстоит погода, и по трепещущим листьям липок решил, что день будет ветреным и нежарким.

– У тебя шикарная квартира, – сказала Соня, войдя на кухню. – И чья же она? Предков?

– Нет, моя, – насупился Митя. – Но я в неё заселился – недели не прошло. Надо её обставить, обустроить...

– К сожалению, я не по мебелильной части, – сказала Соня,

беря чашку с чаем. – Но с этим ты и сам справишься, были бы деньги. Кстати, вызови мне такси, я должна ехать домой. Да не хмурься, не к мужу! Мой муж давно объелся таких груш, что и выговорить противно. Набери шесть пятёрок – это диспетчерская такси.

Митя взял трубку и, помедлив, положил на аппарат. Он уже много чего навообразил насчёт Сони, и расставаться с ней ему не хотелось.

– И на какой цифре мы забуксовали? – усмехнулась Соня.

– Забыл номер?

– Я не хочу, чтобы ты уехала, – глупо произнёс Митя. – Не хочу.

– Даже так? – она поставила чайную чашку на стол и вздохнула. – Что ж, пора сказать правду. Ты даже представить не сможешь, как я живу. Поэтому не надо сочувствия и жалости. Я их не приму, потому что уже не раз больно на этом обжигалась. Договорились?

– Я не могу тебе не сочувствовать: ты мне нравишься, – смущённо пробормотал Митя.

– Начнём с небольшой для тебя неожиданности, – сказала Соня. – Тебе, я думаю, лет двадцать с небольшим хвостиком?

– Двадцать один, – насторожился Митя. – Почему ты об этом спрашиваешь?

– Да потому, что ты моложе меня.

– Ну и что? Меня не интересует, сколько тебе лет.

– Хорошо, – Соня потянулась за сигаретой. – Но я уже успела побывать замужем, родила сына и похоронила одного за другим папу, маму и мужа, про которого я вру своему Алёшке, что он погиб в автомобильной аварии, а на самом деле он отравился стеклоочистителем. Он пропил всё, что было в доме, мне даже не на что было его похоронить, и его закопали на краю кладбища в общей могиле, с биркой на лодыжке.

– Как это печально, – медленно произнёс Митя. – Но это не может быть помехой нашему знакомству.

– А ты добрый и милый, – тихо сказала Соня. – Среди твоих сверстников это редкость. Поодиночке они ещё пытаются скрыть свой дикий нрав, но стоит им собраться в стаю, так сразу звереют.

– Откуда тебе это известно? – недоверчиво произнёс Митя.

– Я работаю преподавателем в автомеханическом техникуме. Там и насмотрелась. Ты не такой, как они. В тебе чувствуется

неуличное воспитание. Наверно, родители тебя берегли и холили?

– Я учился несколько лет в Англии, в частной школе. Но, в общем-то, я недоучка. И ни на что не годен.

– Значит, тебя содержат родители? – насмешливо сказала Соня. – И ты, как сейчас говорят, богатенький Буратино, мечта и жертва первой встреченной тобой смазливой стервы?

– Я не представляю того, чем ты меня пугаешь, – сказал Митя, присаживаясь рядом с ней на диван. – Мне этот разговор неприятен.

– Ты ищешь во всём приятности? – в голосе Сони ему послышались призывные нотки, и это помогло ему осмелеть. Он привлёк её к себе и принялся страстно целовать в губы, затем в шею, пока не изнемог.

– Сделай же что-нибудь для меня! – потеряв всякую выдержку, взмолился Митя.

– Только не сегодня. Я к этому ещё не готова...

Митя её не услышал, но ей удалось от него отстраниться, встать с дивана и подойти к зеркалу:

– Так и есть! – озабоченно сказала Соня, потирая ладонью шею. – Ты сделал мне синяк. А ещё учился в английской школе, джентльмен, но ведёшь себя вполне по-нашему: цапаешь без разбору. Я ведь не кукла, а живой человек.

Митя смутился, жарко покраснел и пролепетал:

– Извини, я потерял голову, извини.

– Ладно уж, продолжим чаепитие, – сказала Соня. – Я сама виновата во всём.

– В чем же ты виновата? – помедлив, спросил Митя. – Скорее это я виноват. Извини.

– Ладно, извиню, если только ты ответишь мне на один вопрос. Он может тебе не понравиться, я даже знаю на него ответ, но хочу убедиться, что не ошиблась. Можешь не отвечать, это тоже будет ответом.

– Мне нечего скрывать, – сказал Митя. – Спрашивай.

Соня присела рядом с ним на диван, коснулась его руки и тихо произнесла:

– Сдаётся мне, дружок, что ты нецелованный, ведь так?

– Что значит – нецелованный? – пролепетал Митя.

– Хорошо, уточню вопрос, – Соня поближе придвинулась к нему. – У тебя уже было с какой-нибудь женщиной похожее на то, что происходит между нами сейчас?

– Зачем это тебе нужно знать? – попытался заупрямиться Митя.

– Мне это нужно знать для того, чтобы понять, как мне вести себя с тобой, – спокойно сказала Соня. – Так у тебя с какой-нибудь уже было это?

Не сразу, но всё-таки Митя догадался, о чём его спрашивает Соня, и воскликнул:

– Конечно, нет! Такое со мной первый раз в жизни!

Соня обняла его и прошептала:

– Что же мне, дружок, делать? Ведь ты даже не догадываешься, какая я жутко плохая.

– Нет, Соня, для меня лучше тебя никого нет. Да-да... никого!

- 2 -

– Дальше не надо! – резко остановил я Митю. – Остальное доскажешь на склоне дней своему внуку. Где она сейчас?

– Кто она? – не понял вопроса ещё не вернувшийся на грешную землю влюблённый пробирочник.

– Ну, эта, как её, твоя ночная бабочка.

– Изволь, Игорь Алексеевич, быть аккуратнее в словах! – ошетинился Митя.

– Хорошо-хорошо, замнём мою глупость. Но где сейчас эта несравненная особа?

– Как где? В моей квартире, где же ей ещё быть? Я ведь к тебе приехал как к порядочному человеку за помощью, она мне сегодня очень нужна.

– Вот это разговор. Помогать сыну босса – моя прямая служебная обязанность. Какого рода нужна помощь?

– Пока не знаю. Расспрашивать её неудобно. А ты аккуратно выясни, в чём она нуждается. Вот, собственно, и всё.

– Сейчас все нуждаются в одном – в деньгах. Ты намерен предложить ей спонсорскую помощь?

– Я вижу, тебе меня не понять. Извини, что побеспокоил.

Митя направился к выходу, но выпускать его из квартиры было нельзя.

– Люба! – закричал я. – Дмитрий Андреевич обиделся и собирается уйти без твоего угощения.

Гость не успел сделать и шага, как натолкнулся на

непреодолимую преграду.

– Без чая, кофе или чего-то другого я вас из квартиры не выпущу, – заявила Люба, одной рукой преграждая Мите путь в коридор, а другой – направляя его в сторону кухни, откуда доносились притягательный запах свежих с жару с пылу блинов, стряпать которые она была большая искусница.

Убедившись, что проголодавшийся за ночь Митя уплетает за обе щёки блины со сметаной, я опять поспешил на балкон, включил сотовый телефон и уже хотел нажать кнопку, чтобы связаться с Козыревым, как чертыхнулся и решил не торопиться со звонком, чтобы не нарваться на крупные неприятности.

«Зачем я спешу? Куда и зачем гоню лошадей? Отец с сыном пусть разбираются в своих личных делах сами. А я могу стать нежелательным свидетелем их сложных и запутанных взаимоотношений, в которых сам чёрт ногу сломит, и в семейной разборке могу оказаться крайним, которому достанутся все тумаки и шишки».

– А ты что заскучал? – сказала Аля. – Ваш гость так налёг на блины, что и за уши не оттащишь.

– Пора ему начинать жить и есть по-русски.

– Он вполне русский, но – не совсем наш русский.

– Что же в нём ненашего? – заинтересовался я.

– Будто ты сам этого не видишь? – улыбнулась Аля. – Он воспитывался в семье эмигранта, потомственного русского дворянина, и не мог не заразиться от него представлениями о правде, чести и долге, которые бытовали в помещичьих усадьбах России в начале прошлого века. Андрей Ильич хочет выбить из него романтическую дурь, сделать своим наследником, но мне это кажется напрасной затеей.

– Почему напрасной? – пожал я плечами. – Митя оботрётся в наших жерновах, узнает наши порядки, он ведь неглуп, можно сказать, даже умён, чтобы постичь нашу механику, где всё продаётся и покупается. Если будет жить с разбором, а не кидаться на шею каждому встречному, то дело Андрея Ильича окажется в надёжных руках.

Договорить нам не дала Люба, она сунулась в балконную дверь и сообщила:

– Гость наелся блинов и требует тебя.

– Вот, Аля, уже требует к себе, – усмехнулся я. – То ли ещё будет? А ты вообразила его бог знает каким романтиком.

– Ты скажи ему, чтобы щёку вытер от губной помады, –

сказала Люба. – Где его черти носили и тебя вместе с ним?

– Яблоко от яблони далеко не падает, и наш пробирочник похож ухватками на Андрея Ильича. Пожирание с женских губ помады и романтика в отношениях – смешно про это слышать. Ничего я ему не скажу.

Митя изрядно потрудился над блинами, даже вспотел, но, зачем явился ко мне, не забыл и нетерпеливо поглядывал, как я натошак опорожняю большую кружку кефира, который пил каждое утро по рекомендации великого русского микробиолога Мечникова.

– У меня к тебе просьба, – сказал он. – Будь с Соней повежливее. Она, бедняжка, и так натерпелась от жизни, не дай бог кому-нибудь еще.

– Я не собираюсь её репрессировать. Но тебя можно спросить как мужик мужика?

– Спрашивай.

– Ты её трахнул? – и заметив, что Митя на меня с недоумением вытаращился, повторил вопрос. – Между вами была близость?

Митя покраснел и потупился.

– Как я могу ей и тебе помочь, если не знаю, до чего вы дошли в своих отношениях?

– Откуда мне знать, что между нами было, – тихо произнёс он. – Но мне никогда не было так хорошо, как с ней.

– Ограничимся этим странным признанием, – я встал из-за стола. – Надо спешить, чтобы опередить Ершова: он уже пустил по твоему следу ищеек. Тебе они не повредят, а вот твоей пассивности лучше их не видеть.

– Они так опасны? – спросил Митя, поспешая за мной вниз по домовой лестнице.

– Не все, но есть у Ершова парочка отморожков, и вот они горазды на всякую пакость не только по приказу, но и по собственной дури.

Я, конечно, сгустил краски, ничего подобного в службе безопасности «Народной Инициативы» не было и в помине, но Митю следовало встряхнуть и припугнуть, чтобы он стал более покладистым и оставил свои джентельменские повадки и не сел в ещё более топкую и грязную лужу, чем та, в коей барахтался сейчас.

Его внезапное, как насморк, увлечение первой встреченной им в потёмках девицей могло закончиться заурядным триппером, но почему бы разгуливающей по ночному пляжу

девице не наградить восторженного «пробирочника» целым букетом вензаболеваний, которые в нашем городе давно приобрели характер эпидемии? Случись такое – и я мог бы поплатиться расположением босса, а начинать новую карьеру мне было не по силам. Я привык к лакейскому образу жизни. Это давало мне не только деньги, но и ощущение собственной значимости. В глазах многих людей я был, по меньшей мере, вторым или третьим лицом «Народной Инициативы», что тешило моё самолюбие самым невероятным образом, потому что в моей компетенции было решение самых щекотливых вопросов концерна и его могущественного хозяина. В производство и коммерцию я не лез, но «облика морале» «Народной Инициативы» были на моём попечении. Митя тоже целиком входил в зону моей ответственности, поэтому я и припугнул его людьми Ершова, чтобы он полностью мне доверился и делал то, что я ему прикажу.

Кажется, мой нехитрый приём подействовал на влюблённого строптивца, он притих, и пока мы ехали к его дому только изредка бросал в мою сторону жалостливые взгляды.

– Погляди на трамвайную остановку, – сказал я, припарковавшись к обочине. – Видишь мужика в чёрной рубаше?

– Вижу? А что?

– А то, что это один из ищек Ершова, – соврал я. – А теперь давай ключи от квартиры.

– Я тоже пойду.

– Мне нужно поговорить с ней о таких серьёзных вещах, что они могут тебя обидеть. Обещаю, что сделаю это чинно и аккуратно. Твоя Соня никуда от тебя не денется, но мне нужна реальная картина, чтобы помочь ей и тебе.

Митя нервно дёрнулся, но не нашёлся, что возразить. А я уже через минуту осторожно открыл дверь квартиры, прислушался и неторопливо прошёл по коридору, пытаюсь угадать, за какой из трёх дверей находится спальня. Услышав шумок, распахнул дверь, комната была пуста и выходила на улицу, по которой то и дело погромыхивали трамваи.

Дверь следующей комнаты были заперта, и я решил, прежде чем постучаться, обследовать последнюю комнату. Дверь в неё была приоткрыта, я распахнул её и, признаться, на какое-то время остолбенел от неожиданности. На широкой с высокими резными спинками кровати лежала обнажённая молодая

женщина, освещённая полосой солнечного света, падавшего из прорехи между гардинами. Я сделал несколько шагов к ней и остановился, чувствуя себя, как голодный волк возле отравленного куска мяса. Слепое и жгучее желание затмило мой мозг. Я взмыкнул, как годовалый бычок, и это возглас разбудил Соню. Она отвернулась, а я на ослабевших ногах вышел из комнаты и прислонился лбом к холодной стене.

Кирпично-известковый компресс помог мне обрести некоторую ясность в мыслях, и ворвавшегося в квартиру Митю я встретил как избавителя от греховных соблазнов, которыми меня охмурила его случайная подружка.

– Где она?

Я указал на полуотворенную дверь и прошептал:

– Она одевается. Какого чёрта ты сюда заявился?

– Мне показалось, что она от меня убежала, – виновато произнёс Митя. – Ты с ней поговори, а я побуду в соседней комнате.

Он открыл запертую комнату и скрылся в ней. Краем глаза я углядел, что она заполнена ящиками с мебелью и большими картонными коробками с электроприборами. Подойдя к спальне, я тихо постучал в дверь.

– Можно войти, – раздался мелодичный голос.

Соня успела облачить свои прелести в потёртые джинсы и трикотажную майку и стояла возле распахнутого окна, покуривая сигарету. Я окинул её нарочито наглым взглядом, усмехнулся и, растягивая слова, произнёс:

– Так вот вы какая...

– Какая есть, вся мамина и папина, – ничуть не смутилась Соня. – А где тот милый молодой человек, что приютил меня этой ночью?

– Кого вы имеете в виду?

– Как кого? Митю.

– Он рядом.

– А вы кто для него? Брат?

– Нет, – после некоторого молчания сказал я, решив, что с этой девицей не следует церемониться. – Можно сказать, что в настоящий момент я – его оберегатель.

– Что же вы не уберегли его от меня, – рассмеялась Соня. – Я как выскочила из кустов, как надела на него! Но тут мне помешали менты, не дали расправиться с Митей и повезли нас в райотдел.

– А что вы делали в этих кустах? Как туда попали?

Соня выкинула окурочек в окно и в упор глянула мне в глаза.

– Хорошо, я скажу! Но я скажу это при Мите, чтобы он знал обо мне всё.

Мне это предложение не понравилось.

– Может, решим всё тет-а-тет? Если у вас есть к нему финансовые претензии, то я готов их удовлетворить, не сходя с места. Разумеется, без всяких накруток, но по высшему разряду, с представлением с вашей стороны, – я замешкался, подбирая слова, – скажем так, гарантий, что мой подопечный не повредил своему здоровью.

Соня с явным презрением смерила меня взглядом и нервно хохотнула.

– Я похожа на проститутку? Вы меня считаете падшей женщиной?

– Пока я не знаю о вас ровно ничего. Я предположил любовную сделку, но вы, вижу, не собираетесь выпускать моего подопечного из своих коготков. Может, так будет и лучше. Пусть он узнает, кто вы есть, от вас.

– Не придуривайтесь моралистом. Я же видела, как у вас зажглись глаза, когда увидели меня нагишом. Хорош оберегатель, нечего сказать!

Я почувствовал себя неудобно, эта особа была права, и согласился на компромис.

– Хорошо, будь по-вашему! – и, выглянув в коридор, позвал Митю, который не замедлил откликнуться и явился перед своей зазной донельзой смущённым и робким.

– Этот человек представился твоим оберегателем, – сказала Соня. – И его до крайности интересует, каким ветром меня занесло в кусты на пляже, где мы с тобой познакомились.

– Меня это совсем не интересует, – хриловатым голосом произнёс Митя. – Зачем тебе, Игорь, понадобилось это знать?

– Он задал правильный и точный вопрос, – вместо меня ответила Соня. – Порядочные женщины в полночь по пляжу не разгуливают, это не время и не место для прогулок. Предположительно, опять же по мнению твоего надсмотрщика, что я выглядывала в кустах клиента и ты стал моей добычей.

Митя побледнел и, резко повернувшись ко мне, произнёс.

– Этого я не прощу. Изволь извиниться перед Соней. Немедленно!

– За что извиняться, глупенький, – нежно проворковала

Соня. – Ведь он прав. Я – проститутка. Я переступила через себя!

– Не может этого быть! – вскричал Митя. – Не верю! Соня, Сонечка...

Протянув руки, он сделал несколько шагов, и, заключив Соню в объятия, разрыдался. Она тоже расплакалась, что не мешало им целоваться и бормотать жалкие и любящие слова.

Вид плачущих людей всегда ввергает меня в состояние почти паническое. Я начинаю ощущать приступы необъяснимого стыда, растерянности, желание немедленно убежать куда-нибудь подальше, чтобы не видеть слёз и не слышать плача. И на этот раз я вышел из комнаты на кухню, где намочил в воде из-под крана носовой платок, вытер им разгорячённое и вспотевшее лицо, закурил и, осторожно ступая, подошёл к двери комнаты, где находилась моя сладкая парочка. Чувства чувствами, но мою работу за меня никто не сделает, а босс «Народной Инициативы» не олух, чтобы его можно было водить за нос.

Через неплотно прикрытую дверь было видно, что Митя и Соня проплакались и сидят на кровати и разговаривают, даже спорят.

– Я ничего не хочу про тебя знать, – упрямо твердил Митя. – То, что было у тебя до нашей встречи, для меня не существует.

– Это сейчас ты так говоришь, – возразила Соня. – Я сама за то, чтобы наши отношения начались с чистого листа, но из песни слов не выкинешь. И у меня песня не слишком весёлая.

– Нет, ты нарочно пытаешься убедить меня в том, что ты плохая, чтобы от меня отделаться, а это нечестно – наговаривать на себя всякие гадости. Ведь ты совсем не та, за кого тебя принял Игорь? Скажи, ведь он ошибся?

Соня погладила Митю по голове и почти по-матерински чмокнула в лоб.

– Хорошо, сказала она. – Выслушай меня и постарайся понять. Твой Игорь прав в том, что я шлюха.

– Но он ведь это не говорил? Или говорил? – заёрзал Митя на кровати.

– Успокойся, не говорил, но догадался, – Соня встала и подошла к окну. – Ты когда-нибудь голодал?

– Что ты имеешь в виду? – встрепенулся Митя. – Конечно, нет.

– Наверно, я слишком сильно выразилась, – сказала Соня.
– На хлеб и чай я зарабатываю, но и мне порой хочется чего-нибудь вкусенького, а моему Алёшке, который сейчас в деревне, тем более. Но как мне его вырастить, если я получаю десять тысяч рублей, половину отдаю за квартиру, а на остаток едва-едва выживаю! И это продолжается не месяц, не год, а с того проклятого дня, как я сдуру вышла замуж за алкоголика.

– Я тебе, Соня, сочувствую, – пролепетал Митя. – Я не знал, что в демократической России есть такая бедность.

– Это не бедность, а нищета. В России при коммунистах жили бедно, но не было нищеты, а она уничтожает человека как личность. Вот и я себя вчера уничтожила.

– Говори проще, я тебя не пойму, – сказал Митя. – Что вчера произошло?

– Есть у меня одна знакомая, давно уже приглашала заняться прибыльным делом. Я её не гнала от себя прочь, слушала. Вот и дослушалась. Вчера пошла с ней в гостиницу к бизнесменам из Саратова. Одного подруга знала, а другой, как увидел меня, так и ошалел, а я посмотрела на него и собралась уходить. Он меня взялся удерживать. Оказывается, подруга деньги с него получила. Пришлось прыгнуть из окна – и вниз, к волжскому пляжу. А теперь скажи: разве я не шлюха?

Исповедь Сони показалась мне забавной выдумкой, но Митя воспринял её всерьёз и стал уверять, что ничего страшного не случилось и нужно забыть это происшествие как дурной сон.

– Как же мне такое забыть? Это правда, что я не легла под этого урода за деньги, но будь на его месте другой, кто знает, скорее всего, отдалась бы за деньги, ведь я знала, куда иду и зачем. Ты советуешь мне всё забыть? Конечно, время всё лечит, но только не душу, а я её вчера наполовину убила.

Соня всхлипнула, но сумела подавить слёзы и сухо произнесла:

– Теперь ты знаешь обо мне всё.

– Боже, какой я дурак! – воскликнул Митя. – Какой бесчувственный чурбан!

– Тебе ещё не поздно поумнеть, – с обидой в голосе произнесла Соня.

– Я имею в виду только себя. Я сейчас понял и поразился своей бесчувственной гордыне. Знаешь, что для меня было самым главным?.. Молчи, ты этого не знаешь. Самым главным для меня были мои обиды. Помню, как один сверстник обозвал

меня свиньёй. Великое ли дело? Но меня эта «свинья» уязвила до печёнок, и до сих пор, хотя прошло уже лет пятнадцать, совершенно неожиданно для меня это слово всплывает из глубин моей памяти омерзительным утопленником и, разбередив душу, пропадает в потёмках сознания. И я это воспринимал как страдания, но что они значат по сравнению с тем, что приходится терпеть каждый день тебе? Да ровным счётом ничего! Нет, Соня, это не случай, а бог уберёт тебя вчера. Он же дал мне возможность встретиться с тобой. Твоё страдание я не смогу взять на себя, но облегчить его мне вполне по силам.

В комнате стало тихо. Затем послышался смех.

«Они там что – принялись щекотать друг дружку?» – подумал я.

Но смех скоро прекратился.

– А ты, Митя, уже мне помог, тем, что посочувствовал мне. Ты добрый, милый и такой же одинокий, как и я.

– Вот и ты мне посочувствовала, – сказал Митя. – Я действительно одинок, но теперь от нас с тобой зависит, как мы будем жить дальше.

В комнате снова стало тихо. Соня явно не хотела ничего загадывать на будущее и, воспользовавшись паузой, я кашлянул и постучал в дверь.

– Я не помешал?

Митя буркнул что-то невразумительное, но я на это не обратил внимания и бодро провозгласил:

– День-то какой разыгрался! Погода так и шепчет, чтобы мы махнули на остров. Кто за?

– Какой ещё остров? – подозрительно взглянула на меня Соня. – Мне домой надо.

– Можно я тебя провожу? – дёрнулся к ней Митя.

– А почему нельзя? – нагло вмешался я. – Она ведь у тебя ночевала, так почему бы и тебе не побывать у неё в гостях. Машина стоит возле дома, водитель трезв и готов домчать клиентов в любое место города.

Моя выходка помогла Мите обрести смелость, и он подхватил мою идейку.

– А ведь действительно, Соня, Игорь отвезёт нас куда ты скажешь, если это тебе не повредит.

Соня взяла свою сумку и закинула ремешок за плечо.

– После вчерашнего мне уже можно всё.

Денёк был чуть попрохладнее вчерашнего, но достаточно тёплый для того, чтобы горожане устремились на пляжи Волги и Свяги. Они были полны народа, безмятежно радующегося возможности поплескаться в воде, полежать на раскалённом песке и без всякого ущерба для своего кошелька почувствовать себя отдохнувшим не хуже чем в турецкой Анталии.

Сониная пятиэтажка стояла в полусотне метров от Свяги, и, пока влюблённые прощались, я спустился с невысокого берега к воде, сел на песок и развернул городскую газету, самую беззастенчивую лгуню во всём нашем медийном околоте. Признаться, я сначала поражаюсь изобретательности, с которой журналисты вваливают каждый день без всякой усталости, но, приглядевшись, понял, что их враньё имеет вполне коммерческий смысл: они изо дня в день обтягивали мэра и городскую думу, чтобы оправдать статус оппозиционной газеты и поддерживать на уровне интерес читателей к газете и тираж. Последний был нужен для привлечения рекламы, она, собственно, и была главной целью этой печатной шлюхи, которая на первой странице могла мэра ругать, а на второй, за деньги, возносить его до небес.

Верить в этой газете можно было только официальным объявлениям, и в первую очередь я познакомился с ними, затем перевернул страницу и остановился на статье: «Поэт Бродский – наш великий земляк!», которую прочёл очень внимательно, потому что наш город уже не первый год боролся за звание «Культурная столица Европы». И «Народная Инициатива» была локомотивом этого сверхамбициозного проекта по реформатированию столицы обломовщины в Лондон, о чём громче всех возглашал наш егзливый мэр. На это его противники ехидно возражали, что он не дорос до европейского мэра хотя бы тем, что лондонский градоначальник – активный гей, лорд и кавалер ордена Подвязки, а наш – разудалый бабник, о чём эта же газетка неоднократно сообщала с подхалимским восторгом своим читателям.

Открытие и обоснование факта, что нобелевский лауреат является уроженцем нашего города, сделанное неуёмным и дотошным краеведом Бодровым, по его мнению, позволяло горожанам считать свой город европейской столицей. Доцент педуниверситета перелопатил горы архивных документов и сделал ошеломляющий вывод, что Бродский является побочным сыном самого Андрея Сахарова, который работал

на нашем патронном заводе и, будучи в командировке, сумел таки совершить, как оказалось через семьдесят лет, весьма полезный для культурного развития нашего региона мужской поступок.

Я собирался прочитать статейку ещё раз, но меня окликнул Митя. Ему явно не терпелось что-то мне рассказать, но я не торопился вникать в обуревавшие его заботы и протянул газетку со статьей Бодрова.

– Это уже три дня как не новость, – отмахнулся Митя. – Я купил эту газету сразу по прилёте в аэропорту, а сегодня на твоей кухне по радио услышал, что возле дома Языкова будет открыт памятник Бродскому. И если мы поторопимся, то вполне можем стать свидетелями этого культурно-исторического события. Теперь о Соне. Она ни в какую не хочет брать у меня денежную помощь. Не знаю, что и думать.

Я едва сдержался, чтобы не расхохотаться над наивностью Мити. От денег отказываются только в одном случае, когда уверены, что могут получить больше, чем им предлагают. Соня, конечно, была ещё той штучкой, и раскусить простецкую натуру влюблённого по уши парня ей было раз плюнуть. И она, побывав в его квартире, сразу поняла, что у него водятся денежки, и немаленькие.

– Ты, случаем, не обиделся на Соню, что она не взяла деньги? – сдерживая улыбку, сказал я. – Мог так хлопнуть дверью, что штукатурка посыпалась?

– Тебе, Игорь, всё шуточки, – нахмурился Митя. – Может, квартиру отремонтировать или что-нибудь купить? Ума не приложу, как ей помочь? Без тебя мне этой задачи не решить.

– Разберёмся и с этим, – сказал я, похлопав его по плечу. – Не позже завтрашнего дня разберёмся, как и чем помочь твоей знакомой.

Митя заметно повеселел и с такой теплотой глянул мне в глаза, что меня пробрало ознобом: это ворохнулась и ужалила душу совесть, потому что мои намерения относительно Сони были неоднозначны. От себя самого я не мог скрыть, что Соня, когда я увидел её спящей и совершенно нагой на кровати в квартире Мити, вызвала у меня такой болезненный приступ вожделения, что я не избавился от него до сих пор. И мой изворотливый ум подсказывал, что Соню нужно устроить на работу в «Народную Инициативу», поближе к себе. Я даже определил ей должность, но этот вопрос следовало согласовать

с боссом, хотя у меня не было сомнений, что мой выбор он одобрит сразу, как только увидит претендентку в натуре.

Я не сомневался, что и Митя не мог избавиться от мыслей о Соне, но он меня удивил, неожиданно вспомнив о спор-клубе:

– Я вчера, говоря о вранье, много сказал неверного. Это от моей торопливости, поэтому моя речь и прозвучала обидно для публики. Кажется, многие на меня обиделись?

– Какие проблемы? Обдумаете и скажите свою правду в другой раз, – обрадовался я тому, что он не заикнулся на найденной им в кустах смазливой девице и в состоянии думать о чём-то другом.

– Моя правда мало кому интересна, но самое опасное и губительное враньё – утверждать, что последняя правда была при царе и на нём кончилась.

– Разве это не так? – сказал я, чтобы подтолкнуть к дальнейшему разговору своего спутника.

– Несомненно, что была и ленинская правда, и сталинская, до 1953 года.

– А репрессии?

– Кто сказал, что правда должна быть добренькой и стерильно чистой? Всё, что говорили Ленин и Сталин, было правдой, потому что выполнялось, даже репрессии. Они производились открыто, на виду, а сейчас жизнь превратилась или в балаган, или в криминальные разборки. Но об этом я не сказал.

– Какие твои годы! Можешь ещё сколько угодно говорить правду, лет этак полста, пока позволит здоровье. Вот только одна беда: найдутся ли на эту правду слушатели?

– Я и не собираюсь свою правду всем доказывать, – насутился Митя. – Я её уже сказали этого достаточно.

– И где же, любопытно узнать?

– В своём блоге. Будет время, прочти и выскажи своё мнение.

Митя протянул мне свою визитную карточку, и я тотчас упрекнул себя за недогадливость, мне давно следовало сообразить, что у него есть свой Живой Журнал, где он наверняка изливает свою ищущую, куда бы ей приткнуться, беспокойную душу.

Из Засвияжья мы поднялись на Симбирскую гору, где находился исконный, коренной город. От него из позапрошлого века дошли до нас каменные и деревянные постройки, придававшие ему захолустный вид, который подчеркивали

вполне современные здания нескольких торговых центров и плотный поток машин по обеим сторонам бульвара, являвшегося местной достопримечательностью исторического значения. В северной его части десять лет назад был поставлен попечением губернатора Шаломанова и его придворного живописца Сапронова памятник великому русскому художнику Аркадию Пластову. На постаменте, к вящей славе благодетелей, были запечатлены их имена, но наши обыватели не оторопели от этой кощунственной наглости, а спокойно прогуливали по бульвару собак, которые, задрав ногу, то и дело обрабатывали основание памятника своим едким шампунем

– Ты, Митя, наверно, не знаешь, что Пушкин приезжал в гости к нашему поэту Николаю Языкову?

– Такая деталь мне неизвестна. Но я занимался славянофилами: Хомяковым, Киреевским, Аксаковым и читал некоторые стихи Языкова. Значит, его дом сохранился?

– Сейчас там литературный музей и областной Союз писателей, – я остро глянул на спутника. – А ты, часом, не пописываешь стишки?

– Разве я похож на поэта?

– Не знаю. Вот сейчас поглядим на пластмассовый монумент Бродского и узнаем, как выглядит великий поэт двадцатого века.

Нынешний губернатор, хотя и относился к своему предшественнику неодобрительно, но его художественный почин продолжил сооружением скульптур из чёрной пластмассы. Была в спешном порядке принята региональная программа по оскультуриванию, которая неукоснительно выполнялась. И удивлённые горожане каждый месяц становились свидетелями установки и торжественного открытия очередного пластмассового шедевра. Это были поначалу вполне демократические личности: почтальон, учитель, гаишник, старик со старухой, влюблённая пара, корова и рядом доярка, десантник, но потом появились памятники букве «Ё» и Колобку, чьей родиной с большой помпой был объявлен наш город.

Большинство этих шедевров стояли на бульваре, и Митя смотрел на них с явным восторгом, чем весьма меня удивил.

– А это что? – указал он на широкую скамью возле памятника Гончарову.

– Диван Обломова. В день рождения писателя на него

ложится губернатор, затем председатель Законодательного собрания области, затем мэр, а дальше лежат те, кто больше заплатит. Твой папаша два года назад заплатил за это удовольствие миллион рублей, но лечь на диван не стал, как ни упрашивали его журналисты и организаторы диванного шоу.

– Что он так заартачился? – заинтересовался Митя. – Не захотел лечь на диван после других?

– Андрей Ильич изволил пошутить над начальником областной милиции и предложил генералу лечь на диван вместо него.

– И тот лёг?

– А куда ж ему было деваться? Лёг и ножки вытянул, как в детсаду учили. Прикинуть, так сейчас против Андрея Ильича в области вряд ли кто устоит. Все почтут за честь ему угодить. Но есть в этой радости и опасная горчинка: многие держат против него фигу в кармане. Если босс, не дай бог, покачнётся, то разом накинется на него со всех сторон его бывшие угодники и ласкатели. А генерал милиции с большим удовольствием предоставит следователю омон для задержания своего благодетеля.

– Разве такое с ним может случиться? – удивился Митя. – Ты же говорил, что деньги сейчас решают всё.

– Ещё раз повторю, что вчера говорил твой отец. Все люди – маленькие воры: так устроена жизнь. Так вот, – продолжил я, притормаживая возле дома Языкова, – на каждого вора всегда есть большой вор. В какой-то момент он приходит к маленькому вору и отнимает у него всё наворованное, а сам оглядывается по сторонам: не идёт ли к нему больше его ворище. Вот такая у нас на сегодня диалектика. И против неё бессилён даже такой туз, как Андрей Ильич. Но он про это знает и не забывает.

– Всё-то у тебя в чёрном цвете, – недовольно буркнул Митя.

– Это звучит как обвинительный приговор, но меня успокаивает то, что до вечера много времени, и я постараюсь реабилитироваться, – сказал я, выйдя из машины. – Ба! Да здесь, кажется, вся наша областная руководящая головка: и губер, и мэр, и ветхий пердун, председатель Заксобрания.

Отношения между высшими должностными лицами региона были, скажем прямо, небезоблачными, но на публике они усердно демонстрировали сплочённость и единодушие,

были друг к другу взаимно вежливы и предупредительны. Вот и сейчас губернатор уступал место возле микрофона мэру, а тот картинно переуступал эту честь председателю Заксобрания, а тому ничего другого не оставалось, как отказаться от чести первооткрывателя художественного шедевра в пользу губернатора.

На мероприятие пригнали обитателей городских и областных контор, которые покорно окружили накрытое белой тканью изваяние Бродского и тихо переговаривались под прицелом нескольких фото- и кинокамер.

Взаимная уступчивость первых лиц области закончилась тем, что честь открытия памятника Бродскому досталась тому, кто её более всех заслуживал – губернатору, который совершенно неожиданно для всех его избирателей из туповатого настырного мента стал яростным сторонником современного искусства и продвигал его в подвластном ему регионе решительно и бескомпромиссно, невзирая на брюзжание всякого рода и окраса политических противников и вялое потягивание остатков советской интеллигенции.

– Сегодня у нас событие большого культурного значения, – произнёс, посверкивая шалыми глазами, хозяин региона. – Наша область приобрела ещё один бренд – великого русского поэта Иосифа Александровича Бродского, нобелевского лауреата, и факт установления ему памятника послужит решению нашей главной задачи – завоевать право называться культурной столицей Европы. Конечно, наши ресурсы не позволяют нам решить эту задачу в одиночку, но могу вам доложить, что Владимир Владимирович Путин поддерживает нас в этом вопросе. Из федерального бюджета нам будет выделено, если быть точным, триста семнадцать миллионов рублей, на эти деньги будет проведено проектирование и начато строительство музея современного искусства. Продолжится так же и скульптурирование города большими и малыми формами перформанса.

Произнеся столь мудрёную фразу, губернатор вновь окинул шалым взглядом присутствующих и, картинно взмахнув рукой, объявил:

– Добро пожаловать, дорогой Иосиф, в наш город, который по праву называют отчизной поэтов! На этой земле родились первые русские поэты Карамзин, Дмитриев и Языков, в дом которого приезжал Пушкин, чей бюст стоит рядом с новым

великим русским поэтом Иосифом Бродским.

Раздались бодрые рукоплескания работников культурного фронта. С памятника медленно сползла на землю белая тряпка, и на фоне белой стены резко обозначилось изваяние существа больше похожего на растрёпанную ворону, чем на человека и поэтического властителя умов всех пяти континентов. Рядом с ним небольшой бронзовый бюстик Пушкина, выглядел убогим подражанием римлянам. В Бродском всё было неземным, начиная от пластмассы. И пренебрежительным полуоборотом головы в сторону Пушкина он как бы провозглашал своё право быть великим поэтом, дарованное ему не народом, а эпохой перестройки, которая не сбрасывала русских классиков с парохода современности, но умалила их до пошлой обыденности. И теперь их мог клеймить и поганить каждый, кто обращал на них негодующий взор ниспровергателя и неистового ревнителя либеральных ценностей.

Губернатор и его соратники по властной вертикали возложили к пластмассовым ботинкам Бродского живые цветы и пропиарились перед объективами. Из толпы к ним пробился главный виновник торжества – краевед Бодров.

– Позвольте доложить, Семён Семёнович, – обратился он к губернатору. – Вот у меня появилось ещё одно доказательство, что наш регион – родина не только поэта Бродского, но и всемирно известного персонажа русского фольклора Колобка, который, как известно и от дедушки ушёл, и от бабушки ушёл. А от нас не уйдёт. Правильно я говорю, Семён Семёнович?

– Но Бродский ведь не совсем наш, – заметил губернатор. – По вашим изысканиям, он имеет лишь какое-то отношение, вроде как сын академику Сахарову?

– Можете не сомневаться, родной сын. Но можно провести генетическую экспертизу. Только это суетно и дорого.

Губернатор задумался, и ему поспешил на выручку председатель Заксобрания:

– Духовное родство Сахарова и Бродского не требует доказательств, оно налицо.

– И в чём же это ихнее родство? – усомнился губернатор.

– Они оба великие, а как в народе говорят, яблоко от яблони недалеко падает.

– Так. Закрываем эту тему. Что у тебя там? – губернатор потянулся к папочке, которую прижимал к своей груди краевед. – Колобок? Надеюсь, на этот раз проработал тему

основательно, не как с Бродским?

– Но ведь Бродский действительно великий русский поэт, – промямлил Бодров.

Губернатор повернулся в сторону пластмассового изваяния, пожевал губами и громко произнёс:

– Надо будет к нему на месяц-два охрану поставить.

– Обязательно! – подтвердил мэр. – Я удивляюсь, как ещё до сих пор бронзовый бюст Пушкина не спёрли – это же живые деньги.

– Мупрасова! – строго произнёс губер, обращаясь к похожей на черепаху особе. – Вы, это самое, распорядитесь, чтобы памятник мыли, скажем, раз в неделю.

Работники культурного фронта трепетно внимали разговору властной вертикали и негодующими взглядами встретили появление поэта Чистякова, который, покинув рано утром райотдел милиции, успел опохмелиться и отправился отдыхать в кусты, росшие вокруг дома Языкова, с тем, чтобы не пропустить церемонию открытия памятника Бродскому. К нему поэт имел серьёзные претензии и жаждал их обнародовать при большом стечении публики.

– Если Бродский – великий русский поэт, то зачем ему охрана? – громко спросил Чистяков, поглядывая красными похмельными глазами на культурное сообщество. – А если он приبلудный рифмоплёт русскоязычной словесности, то его памятнику не поздоровится. Ему будет нужна постоянная уборщица: заплюют!

Несколько поклонниц Бродского зашумели, запротестовали, завозмущались, начался небольшой скандалчик, который азартно фиксировали журналисты. Губернатор, мэр и председатель Заксобрания двинулись к своим машинам. Это отступление не укрылось от Чистякова, и он дурашливо заорал:

– Господин губернатор! Ваше превосходительство! У меня только один вопрос!

Бывшего полковника милиции трудно было смутить, он видывал виды и умирал отпетых нарушителей закона, а не таких безобидных шалопутов, как Чистяков.

– Говори, только ясно и в приличной форме.

Поэт подошёл к пластмассовому изваянию Бродского и похлопал его по карману штанов, где покоилась правая рука великого поэта.

– Здесь спросить некого, потому что здесь каждый заранее согласен с вашим, Семён Семёнович, мнением. Поэтому я прошу ответить: чем занята рука нобелевского лауреата в кармане штанов. Ответ, что она занята карманным бильярдом, не принимается. И нечего хихикать. Вопрос крайне серьёзный.

Нашего губернатора вопрос позабавил, но он погасил улыбку и, озабоченно глянув на свой «роллес», сказал:

– Ты ведь у нас, кажется, поэт? Вот и разберись с Бродским, как коллега с коллегой. А меня ждут на сходе граждан.

– Я вас долго не задержу, – сказал Чистяков. – Из вас, конечно, никто не догадывается, что «поставленный эпохой» в великие русские поэты Иосиф Бродский презирал всё на свете, кроме себя. Призирал Россию, конечно, в первую очередь, её народ, её историю. Ему Россия представлялась грязной пьяной бабой, которая с задраным подолом лежит поперёк дороги мирового прогресса. И в кармане Бродский держит огромную фигу всему русскому. Натё, мол, выкусите!

Ответом на яростную речёвку Чистякову были похожие на приглушённые выстрелы звуки захлопывающихся дверок лимузинов, за которыми поспешили удалиться простые зрители культурного мероприятия. Двор опустел, и Митя счёл нужным подойти к Чистякову.

– Тебя каким ветром сюда занесло? – удивился поэт. – У меня просто руки чешутся раскурочить этот русофобский памятник. Может, поможешь? А если менты привяжутся, так твой папаша нас мигом отмажет? Я спиртом запасаю. Давай обольём это чучело и подпалим.

Чистяков вынул из кармана пузырёк, открутил крышку и, встав на цыпочки, вылил спирт на голову пластмассового Бродского.

– У тебя зажигалка есть?

Митя полез в карман за зажигалкой, а в ворота дома Языкова просунулась милицейская дежурка.

Устраивать поджог пусть даже пластмассового шедевра, изображающего мировую знаменитость, было неразумно, и я хотел предостеречь Митю об опасности, но меня опередил Чистяков. Он, увлекая за собой Козырева, направился в мою сторону, а тем временем из «дежурки» вылез капитан и, заглянув в блокнот, громко спросил:

– Ну и где тут Бродский?

– Вот этот чёрный человек, – сказал я. – А рядом с ним

Пушкин.

– Сам знаю, что Пушкин.

– Вы собрались Бродского арестовать? – радостно предположил Чистяков.

– Как бы не так: велено включить его в маршрут, по которому ходят патрульные машины.

Капитан сделал запись в служебном блокноте и отбыл восвояси. Чистяков помрачнел и выругался.

– Принесла его, образину, нелёгкая. И я тоже хорош, последнюю опохмелку на пластмассового идола израсходовал. Спирт ведь не соберёшь, он высох, как и моё нутро.

Намёк на угощение был слишком очевиден, однако я не счёл нужным на него отреагировать. Но Митя, добрая душа, считал себя обязанным Чистякову за участие, которое тот проявил к нему в ментовской камере.

– Здесь где-нибудь продают прохладительные напитки? – сказал он и недоуменно глянул на расхохотавшегося Чистякова.

– Как нет, есть! – поэт возбудился, предчувствуя угощение.

– Здесь рядом за сквером Карамзина есть уютная кафешка с верандой. А вы, не имею чести вас знать, – обратился он ко мне, – удивительно точно и к месту сказали о чёрном человеке. Кто знает, может быть Бродский и вся одесско-бердичевская школа русскоязычной словесности – это и есть чёрные человечки русской литературы. Я не прочь побеседовать на эту тему за бокалом шампанского, но спустил последние деньги ещё месяц назад и с тех пор побираюсь.

– Нас ждут в другом месте, – попытался я избежать застолья с человеком, от которого можно было ожидать любой выходки, но Митя со мной не согласился.

– У меня на сегодня срочных дел нет, а ты, Игорь Алексеевич, поступай, как сочтёшь нужным.

– Надеюсь, ты не забыл то, чем был занят всю прошлую ночь и сегодняшнее утро? – уколол я Митю. – Но мне придётся выполнить твою прихоть, чтобы ты не попал из одной неприятности в другую.

– Что вы имеете сказать? – встопорчился поэт. – Я на этот час – самая добропорядочная личность на весь поволжский околотовок России. Цитирую Владимира Солоухина: «Имеющий в руках цветы плохого совершить не может». И это в полной мере относится ко всем стихотворцам русской школы.

Он подхватил Митю за руку, и мне оставалось только последовать за ними, утешая себя мыслью, что моему подопечному не должно повредить общение с Чистяковым, поскольку тот мог поведать воспитаннику английской школы о России такое, о чём нельзя вычитать в Британской энциклопедии.

– В тебе, Козырев, слишком много наивной доброты, – сказал Чистяков, ускоряя шаги. – Твой приятель совсем другой выделки. Я его сразу понял насквозь.

– И что же ты понял об Игоре Алексеевиче?

– А то, что он когда-то был точно таким, как и ты, но пришёл час, и он выполз из доброты и наивности обыкновенным в нашей климатической зоне гадом.

– Ты что, и мне предрекаешь такую участь? – насутился Митя. – Ты, оказывается, склонен видеть в людях только дурное. Сколько людей – столько и путей. Я вот положил себе жить так, чтобы не мучила совесть.

– Всё это глупости, – остановившись, заявил Чистяков. – Все люди, как бы кто не хорохорился, вынуждены идти по давно наезженной колее. Единственные, кто идём по обочине или по целине, – поэты. Но не все, а только русские природные поэты. И первым догадался об этом Владимир Корнилов: «Все люди как люди – поедут дорогой, а мы понесём стороной!»

Я не выдержал и вмешался в пустопорожний трёп Чистякова с очень простым вопросом, а существуют ли доказательства, обоснования или примеры тому, что он нагородил своему простодушному слушателю?

– Я и есть прямое и непосредственное доказательство, что в России только поэты имеют судьбу, а все остальные – рабы обстоятельств.

За разговором Чистяков не забыл дороги к кафе – большому пластмассовому ящику с окнами, возле которого была крытая веранда с несколькими столиками. Поэт вопрошающе глянул на Митю, но тот ответил ему непонимающим взглядом.

– Тут, это самое, выпивку и закуску дают за деньги.

Митя торопливо вынул из кармана пятитысячную бумажку, протянул Чистякову, но я успел её перехватить и вернуть владельцу.

– Не сори деньгами. Тем более что платить входит в мои служебные обязанности.

– Совершенно с вами согласен, на шампанское хватит и

тыщонки, – скривившись, произнёс Чистяков. – И плюс пару сотенок, чтобы мне вечером освежиться пивком.

Я подошёл к буфетчику и купил пару шампанского, большую плитку шоколада и трёхлитровый пакет с дешёвым портвейном, который вручил поэту. Тот улыбнулся, шаркнул рваной босоножкой по цементному полу и достал из кармана шариковую ручку.

– Прошу поставить свой автограф. Когда я начну читать этот трёхтомник с приятелями, то могу похвастаться, что знаком с его автором.

Я оставил просьбу Чистякова без внимания, разлил шампанское по стаканам и провозгласил тост.

– Давайте выпьем за то, чтобы памятнику великому русскому поэту Бродскому не было износу. Я не знаю его поэзии, но нобеля за просто так не дают. Стало быть, его стихи под стать пушкинским, во всяком случае, не ниже.

Надо было видеть, как Чистякова перекорёжило от моих слов. Он, кажется, даже хотел плеснуть в мою сторону шампанским, но пожалел его тратить впустую и, стуча от похмельной дрожи зубами по стеклу, освежился шипучей жидкостью и облегчённо вздохнул.

– Дело не в Бродском, самоназначившим себя в великие поэты эпохи, – сказал Чистяков. – Установление памятника этому субъекту, бронзового в Москве и пластмассового в нашем городе, означает, что пошлятина возведена на уровень государственной политики. Бронзовый Окуджава, погребение Вознесенского на Новодевичьем кладбище, насаждение так называемого современного искусства – всё это говорит о том, что если бы русская литературная классика вдруг исчезла, то власть вздохнула бы с облегчением людоеда, который наконец-то проглотил застрявшую у него в горле кость.

– Мне кажется, что вы сгущаете краски, – заметил я только для того, чтобы поэт обрёл себе слушателя. – Произошла антиоктябрьская революция, но, заметьте, сейчас Пушкина не пытаются сбросить с парохода современности и нынешняя власть не в пример мягче большевиков.

Чистяков окинул меня насмешливым взглядом и сделал глоток шампанского, посластав его кусочком шоколада.

– Большевики никогда не скрывали своих намерений, и им хватило двадцати лет, чтобы вернуться к здравому смыслу. В 1937 году с государственным размахом было отмечено

столетие со дня смерти Пушкина. Русская литературная классика, а совсем не марксизм-ленинизм, стала духовным стержнем советской цивилизации. Оглянитесь – сейчас все, кто во власти, ходят в масках. Они как прикинулись в перестройку демократами, гуманистами, либералами, так до сих пор пребывают в этих личинах и никак не успокоятся. Для меня это долго было загадкой, а сегодня, пока лежал в кустах, дожидаясь открытия истукана, я понял, почему наша власть так невзлюбила русскую литературу и во всём поддерживает и благоволит только русскоязычным писателям. И простота ответа на этот вопрос меня изумила своей очевидностью.

– Ты, Митя, гораздо образованнее меня, неужели ты не догадался, в чём тут дело?

– Наверно, в презрительном отношении к России, в которой существуют с незапамятных времен враждебные к своему отечеству литераторы западного либерального толка.

– Ты имеешь в виду Чаадаева?

– Первым литератором, которого от русских порядков «стошнило», был князь Иван Хворостинин, но, как я понимаю, Бродский к ним не относится, до начала двадцатого века диссидентами были русские, что не мешало им говорить о своей стране всякие гадости. Мой воспитатель, внук гвардейского офицера, заметил во мне равнодушие к России и ожёг мою душу навсегда коротеньким стишком Владимира Печорина:

*– Как сладостно отчизну ненавидеть
И жадно ждать её уничтоженья,
И в разрушении отчизны видеть,
Всемирную денницу возрожденья!*

– Я про этого Печорина не знаю, – сказал Чистяков. – Но я спросил, почему нынешняя власть гнобит русскую литературу и русских писателей?

– Без причины ничего не бывает, – заметил Митя. – Но мне она неведома. Может, Игорь Алексеевич знает?

– Куда мне до таких высоких материй! – подогрел я желание поэта произнести перед нами свою выстраданную программную речь. – Мне только что к месту пришли в голову строчки Пушкина, как раз про меня: «Ты можешь, ближнего любя, давать нам смелые уроки, а мы послушаем тебя».

Чистяков закрыл глаза, сцепил кисти рук и погрузился в сосредоточенное молчание, видимо, подготавливая себя к импровизации на заданную тему.

«Не дай бог, если его сейчас понесёт на час стихами. Я этой пытки не выдержу», – подумал я, но не угадал.

Поэт встряхнулся, открыл глаза, и в них вместо нетрезвой поволоки сияла мысль. Он, и правда, был непрост, наш провинциальный гений, если смог так себя перенастроить за считанные мгновенья.

– Определимся сразу, что в России существуют две литературы – русская и русскоязычная. Первая – пытается сохранить от распада и исчезновения ценности русского духа, другая, провозглашая общечеловеческие идеалы на словах, на деле непримиримо враждебна всему русскому, в чём бы оно ни было выражено, в первую очередь к русской классической литературе. В настоящее время русскоязычная словесность возведена в ранг государственной. Русская литература стоит на совершенно противоположных принципах, поэтому воспринимается властью как самая серьёзная и самая главная помеха реформирования русского и других коренных народов России на западный лад, но это ей вряд ли удастся совершить... Я знаю всего лишь одну попытку создания положительного образа буржуа в русской литературе. Это откупщик Муразов во втором томе «Мёртвых душ», который Гоголь предал сожжению. Огонь, в котором, испепеляясь, корчились страницы его рукописи, все последующие русские писатели воспринимали как предостерегающий сигнал: богатство, а тем более полученное воровским и грабительским путём, как чёрного кобеля не отмыть добела. Каждого из нас можно силком заставить признать праведность и легитимность наживы. Но русская литература с этим никогда не согласится...

Чистяков облилизал пересохшие губы и потянулся к своему стакану. Я не последовал его примеру, Митя тоже. Чувствовалось, что поэту удалось его расшевелить, и он поглядывал на него с ожиданием, надеясь услышать продолжение прерванного монолога.

– Я, конечно, не знаток русской литературы, – тихо вымолвил Митя. – Но в твоих словах чувствуется правда, которая нужна людям.

– Не знаю, кому нужна моя правда, – махнул рукой Чистяков. – А пока я поймал вас и принудил слушать, как ты, Митя, говоришь, правду. Я отдаю себе отчёт, что мои мысли о двух литературах на русском языке вряд ли придутся по вкусу

интеллигентной публике. Но не будем спешить с выводами и, прежде чем ступить на поляну русскоязычной словесности, давайте решим, каждый для себя: способен ли он воспринимать правду, полученную непосредственно от жизни, не внушённую ему мнимым доброжелателем, а самую настоящую голую правду?.. Ведь что греха таить, все мы, и аз грешный, при свете правды начинаем чувствовать себя неуютно, даже как-то зябко и дрожко. Мы воспринимаем правду как лично нам грозящую опасность, нас охватывает тревога, неудержимое желание куда-нибудь спрятаться, забиться в какую-нибудь сырую и тёплую щель, чтобы только не чувствовать, не видеть, не знать раздевающего нас до души света правды!..

Митя смотрел на Чистякова во все глаза и даже поёрзывал на стуле от охватившего его возбуждения. Он почувствовал в нём родственную душу правдолюбца и бессребреника и ждал от поэта новых откровений. Я решил ему не препятствовать в излишней чувств перед лирическим забулдыгой, пусть пока молод, поиграется в своё удовольствие, порезвится перед тем, как понять, что человеку, где бы и кем бы он ни родился, определено каждому в свой срок познать тщетность усилий что-либо изменить в этом мире в лучшую сторону.

– Ах, если б ты знал, как ты прав! – горячо произнёс Митя. – Я по себе чувствую, что стал во многих случаях равнодушен к правде, иногда даже кажется, что без неё, без правды, жить людям удобнее, не надо стыдиться, надсажать душу раскаянием. За короткое время в России я понял, что люди почём зря врут друг другу, и государство врёт народу из соображений сохранения стабильности. Однако в нашем разговоре правда необходима: ты ни мало – ни много затронул вопрос такой важности, что без установления истины не обойтись.

– Я ещё вчера в ментовском клоповнике понял, что ты моего поля ягода, – Чистяков хлопнул Митю по плечу. – И мы, стало быть, сошлись в том, что будем говорить о русской литературе и правда нам необходима как воздух. Теперь желательно бы узнать мнение третьего участника нашего застолья.

– Валяйте, только не споткнитесь, – я не сдержал ухмылки. – Даже после самых убедительных доказательств мне будет трудно поверить в то, что нельзя подержать в руках.

– Разве стихи Пушкина – не доказательство истинности русской литературы? – обиделся поэт.

– Для меня достаточно и этого, – сказал я. – Но для губера,

мэра и председателя Заксобрания Пушкин – не более, чем ностальгическое воспоминание о школьном детстве.

– Русская литература была не нужна любой власти, кроме советской. Все

помалкивают сейчас об этом единственном периоде в истории цивилизации, когда литература была нужна власти. Тогда власть и литература решали единую задачу очеловечивания людей посредством художественного слова, и два поколения советских людей, те, что победили германский фашизм, и те, что уравнивали по военной мощи СССР с США, были воспитаны не попами и муллами, а русской классической литературой. И не только воспитаны: писатели пушкинской школы определили их нравственные ориентиры на всю жизнь, а они диаметрально противоположны рыночным заповедям либерализма.

– В таком случае эта литература должна быть уничтожена, потому что декларирует неприемлемые для Всемирного банка принципы, – бодро заявил я.

К моему удивлению Чистяков не принял моего вызова и не затеял спора вокруг пустого места, каким, по моему мнению, для подавляющего числа россиян стала русская литература.

– Нам бы только пережить державное безвременье, – задумчиво произнёс он. – Не дать победить себя хаму, а русская литература возродится, ей даже пойдёт на пользу то, что довелось перенести народу за все оканные годы гонений на русскую душу.

– Как говорится, на бога надейся, а сам не плошай, – продолжал я шпынять Чистякова, которого мне удалось, кажется, загнать в угол. Но он примолк не из-за того, что исчерпал аргументы, а потому что опустел стакан, и Митя взял на себя инициативу оживить поэта шампанским.

– Вы, конечно, обратили внимание, что истукан Бродского сделан из чёрной пластмассы?.. Меня, признаться, даже мороз по коже пробрал, когда его распеленали. И сразу догадка мелькнула, что его не просто по недостатку пластмассы белого цвета сделали арапом Петра Великого, каким был дед Пушкина. Это следует опустить без комментариев. Сразу скажу, что в чёрном истукане нет никакого подтекста и никакой конспирологии. Он реально выражает именно то, что и предназначен выразить – Чёрного Человека, того самого, что когда-то явился пушкинскому Моцарту, мерещился, но так и

не показался Гоголю, гнался за Есениным, а теперь стоит бок о бок с Пушкиным во дворе дома Языкова.

– Держись, Митя, – сказал я. – Кажется, поэт выкликает нечистую силу всей русской литературы.

– Её и нечего выкликать, она уже среди нас, – угрюмо молвил Чистяков. – И она не такая уж безобидная, какой хочет показаться. Это двести-сто лет назад Чёрный Человек и Чёрные Человечки были умозрительными фигурками. Их появление, скорее всего, вызывалось тем творческим напряжением, с каким писатель вглядывался в темноту, скрывающую в себе каждую букву создаваемого им шедевра. «Стремясь постигнуть красоту, я вглядывался в темноту», – сказал Шиллер или кто-то ещё, не важно, и был прав. Красота в своём первоизданном виде, мне кажется, похожа на солнце. Она ослепляет бросившего на неё взгляд выплеском темноты, которая и получила название Чёрного Человека. Надеюсь, я хоть отчасти донёс до вас свою мысль?

– Только отчасти, – сказал я. – В глазах потемнеть может у каждого, не только у писателя. Причём же здесь Бродский?

– А при том, что сейчас потемнело в глазах не у одного писателя, а вся русская литература погружена в потёмки невостремованности, замалчивания и чудовищного извращения усилиями не каких-то призраков, а вполне реальных людей, чьей целью является подмена национального сознания русского народа систематизированным бредом глобализма, либерализма и мультикультурности. На деле это выглядит как подмена понятий – всё русское и нерусское смешивается и объявляется российским, и первой жертвой этого насилия после Октябрьской революции стала русская литература. Сметливые обитатели местечек повалили в неё на руководящие должности в издательствах, журналах, на институтские и университетские кафедры, но что опаснее всего, не зная языка и народа, они принялись создавать для него литературу, и великая русская литература очень скоро была загажена словесными помоями первопроходимцев социалистического реализма.

– По-моему, ты перебарщиваешь, – сказал Митя. – Так уж и всё – помой?

– Это словечко принадлежит философу Василию Розанову, правда, говорил он о самых натуральных помоях в своей повести «Философия урожая». Довелось Василию Васильевичу как-то заехать в молдавское село Сахарну, где он подивился тому, что в

чистом зелёном селе небольшая его часть черна и безжизненна: только вонючая грязь, залитая во дворах помоями, и высохшие деревья. Задумался Розанов и поделился с читателями мыслью, что у того, кто здесь живёт, стремление к плодородию не идёт дальше своей постели. Его плодородие – размножиться только самому и никому больше. Мне – всё, но я даже этим всем пожертвую, чтобы у остальных не было решительно ничего! Конечно, речь шла о каком-то отсталом во всех отношениях местечке, но уже через три года случилась революция, и обитатели подобных местечек хлынули в русские столицы, чтобы занять квартиры и служебные кабинеты изгнанных за границу или расстрелянных дворян. Бунин, Куприн, Шмелёв и прочие писатели-дворяне оказались за границей, а к кормилу литературного процесса Троцкий приставил своего шестнадцатилетнего племянника Авербаха, который стал, ни много ни мало, вождем Пролеткульта. И вокруг него тотчас закружились неисчислимы, как тундровый гнус, оравы рускоязычных литераторов. Каждый из них не только кропал убогие стишки и рассказы, но и стремился стать Чёрным Человеком талантливого русского писателя. Символическая пара – Есенин и Мариенгоф, якобы дружбаны, но что у них общего? А вот у Пушкина и Бродского общее есть.

Чистяков сделал паузу, промочил горло шампанским и как бы невзначай

подвинул поближе к себе картонную коробку с вином, наверно, чтобы не забыть её на столе. Меня это позабавило: только что рассуждал о поэзии, самом высоком и трепетном из искусств, и тут же произвольное желание предаться ослепляющему пороку винопития. «Я – бог, я – червь», – припомнил я строчки какого-то поэта и сказал:

– Нам, кажется, пора заняться делом.

– Он не договорил, а я не дослушал, – возразил Митя. – Так что общего между Пушкиным и Бродским?

– То, что они оба великие, но каждый по-своему.

– Как гений и злодейство? – предположил я. – Один велик – как гений, другой – как злодей?

– Какой из Бродского злодей? – рассмеялся Чистяков. – Вряд ли бы он решился подсыпать яд, а уж тем более застрелить поэтического противника на дуэли. Я сомневаюсь, чтобы он к кому-нибудь испытывал зависть. А вот уморить Александра Сергеевича своим гнусавым речитативом ему было вполне по

силам. Надеюсь, вы знакомы с декартовой системой координат, на них, как известно, фиксируются и положительные и отрицательные значения величин? Так вот, Пушкин и Бродский диаметрально противоположны в своих значениях для русской поэзии.

– Ты меня заинтересовал, – сказал Митя. – Сегодня же познакомлюсь со стихами Бродского в Интернете. Что-то должно в нём быть значительное, раз его признают не только читатели, но и писатели.

– Нет, русский человек невозможен! – в сердцах вскричал Чистяков. – Я тебе битый час объясняю, как губительна для русского народа русскоязычная литература, а добился обратного – нашёл ещё одного читателя для Бродского. Но ведь и молчать дальше нельзя: русские и все, кому они не чужды, даже не догадываются, что живут в донельзя загаженном духовном пространстве. И в первую очередь это относится к литературе, ибо она из отдельных человеческих особей образует народ, связывая каждого друг с другом нерасторжимыми духовными скрепами, определяет направление его движения во временном пространстве. Если непредвзято и без страха иудейска оглядеть обширную поляну отечественной словесности, то со стыдом и горечью надо признать, что она затоптана, заплёвана, испорочена, испоганена русскоязычной писательской братвой. Русских писателей здесь днём с огнём не сыскать, они кое-как ещё пошевеливаются в сотне региональных столиц, печатаются за свой счёт, издают вскладчину альманахи, нищенствуют и видят своё предназначение в сохранении пушкинской традиции, чтобы она не сгинула на гигантской помойке литературной Москвы. Я не оговорился: литературная поляна столицы уже два десятка лет как превратилась в дурно пахнущее кладбище словесного мусора, заросшего крапивой русофобской прозы, дурман-травой фантастики, чертополохом детективов, пышным пустоцветом «бабьей романистики» и бледными поганками мемуаров. Но это ещё не весь пейзаж – ровнехонько посередине русскоязычной литературной помойки стоит, выше храма Христа Спасителя, циклопическая фигура всему русскому, а вокруг неё приплясывают ведущие русскоязычные писатели...

– Хватит! – схватившись руками за голову, вскрикнул Митя. – Я не в силах вместить всего, что ты наговорил. Если четверть из того, что я услышал, правда, то Россия – даже не во мгле, я

боюсь даже произнести, в чём она сейчас бултыхается. Но ведь есть же какой-нибудь выход?

Чистяков с сожалением глянул на Митю, сгрёб со стола картонку с вином и, уходя, обернулся:

– Выход всегда один и тот же: – Ваше слово, товарищ маузер!

– Стоп! – вскрикнул я и, крепко взяв Митю за руку, увлёк его за собой. – Ты этого не говорил, а мы – не слышали.

- 3 -

Спальный терем на острове был срублен из кедровых брёвен и в лучах восходящего солнца походил на огромную янтарную шкатулку с серебряной крышкой, слюдяными окнами, обрамлёнными розово-голубыми наличниками и широкой верандой вокруг второго этажа, с которой открывался просторный вид на Заволжье. Козырев любил старину и природу, но комаров истребил, чтобы они не мешали хозяину острова почитать с супругой при открытых настежь окнах на кровати, сделанной в Италии по эскизу известного дизайнера с непременным условием, чтобы в интерьере спального лежбища не использовалось золото, на которое были так падки все российские скоробогатеи. Андрей Ильич считал использование золота для украшения жилищ дурным тоном, и как-то обнаружив в особняке губернатора отделанное благородным металлом сиденье в отхожем месте, назвал хозяина верным ленинцем, чему тот очень удивился и потребовал объяснений.

– Дорогой Ильич, – нравоучительно произнёс Козырев, – говорил, что при коммунизме уборные станут делать из золота. У тебя, Семён Семёнович, золотой стульчак, стало быть, ты живёшь при коммунизме, с чем я тебя торжественно поздравляю.

Губернатор от подобного заявления поначалу опешил, но, будучи человеком смешливым и ловким, счёл лучшим проглотить замечание олигарха и даже расхохотался.

– Какой я коммунист, Андрей Ильич! Я знаю только одну партию – «Единую Россию». Пора бы и тебе приобщиться к партийному строительству.

– Я и участвую – налогами, – недовольно буркнул Козырев. – А остров? Он, можно сказать, стал базой отдыха для правящей

партии.

Андрей Ильич лукавил: остров обходился ему не так уж и накладно, во

всяком случае, много меньше, чем содержание местного футбольного клуба автозаводу, но приbedняться всегда было привычкой богатых людей, и Козырев не стал исключением из этого правила. Однако было бы правдой сказать, что остров в это лето отнимал у него почти всё свободное от занятий «Народной Инициативы» время, и затеянное строительство приёмных хором было для Андрея Ильича таким же важным делом, как производство молочной продукции, колбас, уборка зерновых и рост банковских счетов в офшорах.

Приёмные хоромы он заказал в Ярославле. Мастера поначалу срубили сруб у себя, получили одобрение заказчика, разобрали строение, сплывили его по Волге и сейчас завершали наверх крыши, где устанавливалась узорная башенка, из которой по команде хозяина должен выскакивать петух с возгласами – от поздравительных до матерных, – которые Андрей Ильич самолично наговорил и накричал на звукозаписывающее устройство.

С веранды ему было хорошо видно, как плотники приколачивают балясины и прочие узорчатые, точёные и верченые прибабасы к просторному под шатровой крышей крыльцу. На нём могло свободно поместиться всё Законодательное собрание региона во главе со своим председателем и провести заседание, чтобы вынести решение – объявить остров региональной офшорной зоной, чем-то вроде Кипра или Монако.

Эта игривая мысль частенько посещала Козырева, когда он спозаранку оглядывал свои владения, но сегодня голова у него была занята другим – предстоящими именинами, которые Андрей Ильич намерен был провести с невиданным доселе размахом, но ему пока не хватало стержневой идеи гульбища.

Андрей Ильич вернулся с веранды в спальную комнату, подсел на кровать к жене и пощекотал ей ушко неожиданным предложением.

– Хочешь на празднике быть боярыней Козыревой?

– Как это – боярыней?

– А так! Я буду Стенькой, а ты боярыней. Искупаешься ещё раз, а я тебя спасу. Или ты забыла, что у нас с тобой пятнадцатая годовщина свадьбы? Я хочу, чтобы эту годовщину и именины

Стеньки Разина отпраздновать в одном флаконе, как сейчас говорят умники.

– Я бы предпочла отпраздновать только с тобой, – сказала Аля, вставая с кровати совершенно нагая, что подтолкнуло мужа обхватить её за плечи и жадно поцеловать.

– Мы и так с тобой здесь всегда одни. Можно и даже нужно раз в год расслабиться.

– У меня нет желания падать в воду, да и кого этим удивить? Всё это было, когда я была молода...

– Что за ерунда! – воскликнул Андрей Ильич. – Это я так сказал для проверки своей памяти, она у меня пока не дырявая, но того и гляди прохудится. А ведь это тебя, Алюся, должно беспокоить больше всего. Разве не так?

– Ты меня утомил своими подозрениями, – надула губы Аля. – Дня не проходит, чтобы не услышать от тебя намёков, что я у тебя приживалка.

– Я тебя ни в чём не подозреваю, но должен же я подумать, как распорядиться тем, что имею, в том числе и тобой.

Аля притворно зевнула, потянулась и, поигрывая грудями и ягодицами, подхватила халат, облеклась в райских птиц и драконов, и воскликнула, как теледива из рекламного ролика:

– Разве я недостойна твоей милости?

– Вот что я люблю в тебе, Алюся, так это то, что ты никогда не унываешь. Моим завещанием твоё будущее обеспечено. Я, конечно же, пошутил, предлагая тебе ещё раз побывать в роли княжны на празднике. Но ты права: это баловство уже не про меня. Пусть этим занимается молодежь. Кстати, Игорь тебе не говорил, кого он припас на этот раз? Надеюсь, это будет и красавица, и умница, и комсомолка?

– Он всё время в бегах, – пожал плечами Аля. – Но, кажется, тебя ни разу не подводил. Хотя сейчас он занят Митей.

Козырев цепко глянул на неё и потянулся к сигаретам, однако Аля успела их схватить первой.

– Не кури натошак!

Андрей Ильич натянуто улыбнулся, сглотнул накопившуюся во рту горькую слюну и взял протянутый супругой стакан апельсинового сока.

– Чем чёрт не шутит – может, в этом стакане ты подарила мне лишний день жизни, – весело произнёс он. – Во всяком случае, будем на это надеяться.

Освежив нутро, Козырев заторопился: неподалеку стрельнул

выхлопом лодочный мотор, и это было сигналом, что его ждут на пристани ровно в то время, которое он вчера назначил шкиперу Алексею Ивановичу.

Для поездки Андрей Ильич обрядился в белые штаны из джинсовой ткани, бордовую рубаху с короткими рукавами и, чмокнув Алю в щёчку, спустился по лестнице, вышел на крыльцо и трусцой припустил в сторону пристани. Он не успел преодолеть и двадцати метров, как рядом появился полковник Ершов и принялся на бегу излагать боссу оперативную обстановку.

– На Шипке всё спокойно, – подытожил бывалый гэбист свой доклад.

– Что, нигде даже дымком не пахнет? Может, мы уже по раскалённым уголькам с тобой бежим, но об этом и не догадываемся.

– Вы лучше меня, Андрей Ильич, знаете, что люди вашего калибра – единственная опора всей вертикали власти, а народ сейчас супротив неё даже не шелохнётся. Так что на Шипке всё спокойно.

Километровая дистанция не утомила Козырева, он лишь чуть-чуть запыхался и припотел.

– Ну, а как там мой наследник?

– На этом фланге есть новость, – помявшись, сказал Ершов. – Не знаю

только, хорошая она или плохая.

– Валяй, какая есть.

– Есть сведения, проверенные на всё сто процентов, что Митя познакомился с некой девицей и даже её трахнул.

– Вот это новость! – поразился Андрей Ильич. – Не ожидал я от него такой прыти. Но ты меня обрадовал и за это – достоин награды.

Козырев сунул руку в карман, где всегда хранил несколько металлических жетончиков с выгравированной на каждом суммой наградных денег от одной тысячи рублей до десяти. Ершов выжидательно уставился на хозяйский карман, как пёс, ожидающий подачку, и ему повезло обогатиться на семь тысяч рублей.

– Ну и кто она такая, – замешкался, подбирая слова, Козырев, – эта нечаянная любовь?

– Педагогичка. Полное досье будет у меня сегодня.

– Это ни к чему, – нахмурился Андрей Ильич. – Конечно,

невредно было бы узнать, есть ли у неё трипперок, но об этом ему надо было думать заранее. Ты помнишь свою первую? Или для вас в гэбэшном училище существовал особый порядок посвящения в мужики. Вам, наверно, для этого забесплатно доставляли валютных проституток, а потом вы сдавали зачёт по сексуальным штучкам-дрючкам?

– Ничего такого в помине не было, – покраснел Ершов. – В этом вопросе каждый умирал в одиночку. Но с блядством у нас было строго. Невест проверяли кадры и подходили к этому шепетильно.

– Будет врать! – осерчал Козырев. – Щепетильно? Откуда же среди вашего брата столько предателей? И не вороти рожу в сторону. Все вы – редиски. Правда, и повыше вас овощи были в предателях. Но ты, Ершов, никогда мне не ври! В порошок сотру!

– Я никогда не давал вам повода усомниться в моей преданности, – провякал Ершов.

– А сейчас дал. Словечко-то, какое – щепетильно! Забудь его и больше не произноси.

Полковник испортил ему настроение одним неосторожным словом, которое разбередило в Андрее Ильиче никогда не покидавшую его подозрительность, что все вокруг только и ждут, когда он даст слабину, чтобы наброситься на него и затоптать насмерть, как вора-карманника, пойманного за руку в подгулявшей ярмарочной толпе. Такое Козыреву довелось видеть, когда ему было лет семь, на барахолке, куда он пришёл вместе с матерью покупать зимнюю шапку. Толпа в несколько тысяч человек клубилась между торговых рядов: кто продавал, кто покупал, кто приценивался, и ничто, казалось, не предвещало беды. И вдруг почти рядом с ними раздался истошный вопль: «Мужики! Что стоите? Бейте его – он бритвой весь карман исполосовал!» Кричала женщина, указывая на парня, который, пинаясь и царапаясь, вырывался из её рук. Люди эти вопли будто и не слышали. Женщина выпустила вора из рук, и тот, не удержавшись на ногах, упал на прилавок с посудой. На него набросились торгаши и все, кто был рядом. Меньше чем за минуту человека растоптали и размазали по жёсткой от утреннего морозца земле.

– Вы как сегодня поедите? – потревожил хозяина Ершов. – Вертолётом или на катере?

– А ты что, то и то заминировал? – скривился Козырев. – В

таком случае поедет вместе – на катере.

Полковник к хозяйским штучкам привык и не обижался, тем более что его терпение хорошо оплачивалось. В гэбэшной конторе начальник издевался над ним за бесплатно, а Козырев платил, да ещё, как сегодня, и приплачивал.

Бывалый шкипер шапку перед хозяином не ломал, но был в меру почтителен, и встретил Андрея Ильича на борту катера коротким рапортом.

– Судно к отплытию готово.

Козырев пожал твёрдую и шершавую, как неструганное дерево, ладонь старого речника и легко перепрыгнул на покачивавшийся на прибойной волне катер, который, взревев мотором, помчался из бухточки на открытую воду. Андрей Ильич любил скорость, как на суше, так и на воде, она его приводила в состояние, близкое к ощущению счастья и даже восторга. Но он знал, что это состояние обманчиво, и человек, радуясь скорости, никогда не находится так близко от своей смерти, как во время гонки неведомо куда и непонятно зачем. Козырев, как ни пытался, не мог обуздать своё влечение к скорости, поэтому после нескольких совершённых им дорожных аварий порвал водительское удостоверение и больше за руль не садился. Однако близкие к нему люди знали о его страстишке, и шкипер Алексей Иванович крикнул, перекрывая шум двигателя:

– Идём на абордаж! – и отпустил ручку газа, после чего катер приподнялся над водой на крыльях и пулей промчался мимо прогулочного теплохода времён наркома речного флота Ежова, переполошил рыбаков, подрёмывавших в лодках над длинными удочками, нырнул под мост через Волгу и вскоре причалил к стенке речного вокзала, где хозяина встретил шофёр-охранник и спец по землеустройству из мэрии.

– Ты ничего не забыл? – сказал Козырев, открывая двурцу джипа.

– Всё со мной. Я вчера там был и осмотрел участок, – доложил чиновник.

– Добро. Дуй за мной и не отставай.

Городские улицы были забиты автотранспортом, все спешили по своим делам, но в отделанном дорогой кожей салоне джипа работал кондиционер, и было свежо от мановений воздушных потоков, пахнувших цветущей полынью. Этот запах был для Андрея Ильича напоминанием детства, из которого

ему помнились и полынная горчинка в парном молоке, и шекочущая ноздри пыль в сенах и на крыльце, только что подметённом свежим полынным веником.

– Откуда такой запах в салоне? – сказал Козырев. – Или ты, Сева, здесь ни при чём?

– На станции техобслуживания постарались, – шофёр, приюхиваясь, пошевелил ноздрями. – Полынью пахнет.

Ближе к окраине поток машин поредел, по сторонам шоссе жилые дома сменили производственные корпуса, складские помещения, градирни и трубы теплоцентрали, теплицы пригородного сельхозпредприятия, сушильные камеры и печи обжиг кирпича, за которыми джип свернул в сторону посёлка. Андрей Ильич оживился, протёр затуманенные дрёмой глаза и с интересом стал оглядываться по сторонам. Здесь всё было ему сызмала знакомо, и он почувствовал зябкое волнение от скорой встречи с родительским домом, где не бывал уже более десяти лет и никогда бы не вспомнил о нём, если бы не звонок мэра, сообщившего о скорой распродаже участков земли под коттеджное строительство на покинутой жильцами части посёлка.

«Тебе, Андрей, – напомнил мэр, – следует позаботиться об участии своего родового гнезда, пока оно не попало в руки какого-нибудь проходимца».

Новость застала Андрея Ильича врасплох, он и думать забыл, что где-то на окраине города стоит принадлежащая ему насыпная изба-развалюха. Занятый делами «Народной Инициативы», он давно для себя постановил никогда не вспоминать о своей жизни далее того дня, когда заимел свой первый миллион долларов.

– Мне скоро стукнет двадцать лет, – иногда говорил Андрей Ильич, и все воспринимали это как удачную шутку богатея, но для него эти слова значили очень многое.

Козырев действительно считал, что до путча 1991 года он жил притворством, а вот после – явил свои способности, свою натуру во всей своей хищной наготе, которой не было никакого дела до наивных иллюзий и прекраснодушия рабочего паренька с городской окраины. Последние двадцать лет подняли его на такую высоту, что прошлое измельчилось до микроскопических размеров, но, как оказалось, было живёхонько, и звонок мэра стал тем толчком, что заставил Андрея Ильича споткнуться, задуматься и приостановить своё движение к миллиарду

баксов на целые сутки.

Уютно покачиваясь на покойных подушках сиденья джипа, он совершенно некстати вспоминал из прошлого то, что не красило биографию успешного человека эпохи Путина. Козырев с содроганием и неприязнью к себе понял, что ничегошеньки не забыл из прекраснотушного бреда о коммунистических идеалах, которым его напичкала советская пропаганда, и он сам занимался этим сначала на комсомольской, затем и на партийной работе. В голове опять вспыхнули вроде навсегда забытые лозунги: «Экономика должна быть экономной», «Партия – наш рулевой», «Народ и партия едины», «Нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме», «Больше демократии, больше социализма» и тому подобные речевые фигуры, которые уже не находили никакого отклика в сознании, но замусорили его навсегда. Андрей Ильич открыл автохолодильник и прибегнул к джину с тоником, чтобы провентилировать мозги и обрести здравомыслие.

Зарубежное зелье помогло, и голова очистилась настолько, что Козырев припомнил недавний разговор с Ершовым о Мите, и позавидовал сыну. Ему уже таким не бывать, ему уже ни за что не схлестнуться походя с какой-нибудь встречной красоткой в кустах, чтобы тискать и мять её до умопомрачения, а потом с мычанием и стоном поделиться с ней переполнявшим чресла текучим огнём жизни. И, отдышавшись, почувствовать восторг молодого петушка, о котором тот возвещает, запрыгнув на плетень, срывающимся воплем всему белому свету.

Козыреву такие подвиги были уже не по плечу, ему оставалось только вспоминать о былых утехах. Вот и вчера после нескольких неудачных поползновений к супруге он сбил себе дыхание и долго не мог успокоиться и уснуть, пока его не одолела спасительная дрёма. И Андрей Ильич, облегченно вздохнув, погрузился в неё, слыша успокаивающий то ровный, то трепетный, приснившийся ему листовяной шум берёзы перед палисадником родительского дома.

Берёзка была посажена вскоре после того, как Андрюшка появился на свет, и, к удивлению соседей и прохожих, не погибла, а прижилась на глинистой почве благодаря матери, не забывавшей поливать худосочный саженец. Историю деревца Андрюшка узнал в день, когда ему исполнилось шестнадцать лет, и она его тронула почти до слёз. Он тут же выбежал из дома к ровеснице, которую с этой поры стал считать за свою

названную сестру. И, проходя мимо, всегда останавливался возле неё, прислушивался к шуму листьев, бережно трогал молодые ветви, гладил атласную кору ровного, точно свечка, белого с чёрными крапинами ствола.

«Я ведь совсем про неё забыл, – упрекнул себя Козырев, когда въехал на пыльную улицу, где стояла его изба, приговорённая, как и все другие, к сносу, чтобы освободить землю для строительства коттеджей. – Конечно, берёза живёт дольше человека, но и она, как и я, далеко не молода. Её могли загубить из-за древесины, она у корня, наверно, в мой обхват, и дров из неё выйдет – вся поленица».

Из-за разросшихся садов и палисадников свою избу Козырев увидел, только подъехав к ней вплотную. Берёза была жива, но только наполовину. Одна её половина покачивала ветками и пошумлиwała зелёной листвой; другая – обращённая к давно покинутой избе – была высохшей и топорщилась мёртвыми ветками. На верхушке дерева сидела ворона, которая угрожающе проверещала что-то своё, воронье, когда Андрей Ильич захлопнул дверцу джипа.

Ограда, ворота и весь двор заросли почти непроходимым бурьяном, и Козырев едва пробился через него к крыльцу. Чуть помедлил, распахнул незапертую дверь и, осторожно ступая по сгнившим половицам, вошёл в сени, прокрался к входной двери в избу и заглянул в её темное, пахнущее грибной сыростью нутро. Шофёр подал ему фонарь, и плотный луч света высветил печку со стоявшим на плите ржавым чугуном, сломанную железную кровать и проросшие через сгнивший пол блёклые стебли малинника.

– Надо уходить, – сказал шофёр. – Крыша еле держится, нас может накрыть.

– А что это там? – Козырев повёл фонарём в правый угол. – Точно – икона. Надо её, Сева, забрать.

– Посторонитесь, Андрей Ильич, пройду.

– Я сам, – помолчав, твёрдо сказал Козырев и осторожно шагнул в комнату. Половица закрипела, но не подломилась, и, настороженно глядя себе под ноги, он почти дошёл до угла, как доска под ним стала проваливаться, но ему удалось избежать падения и встать на выступ шлакоблочного фундамента. Взяв икону, Андрей Ильич достал из кармана платок и стёр с образа паутину и пыль.

Религия в торгово-промышленных операциях

«Народной Инициативы» занимала ничтожно малое место и присутствовала разве что на освящении новостроек, но это было не более чем данью моде на православие. Иногда Козырев присутствовал на этих торжественных мероприятиях, но чаще избегал их, потому что они заканчивались поповским попрошайничеством, которое Андрей Ильич расценивал как попытку получения дани под видом богоугодного поступка. Но в глубине души он никогда не был атеистом по той простой причине, что ему во всех делах сопутствовала удача, даже в самых сомнительных начинаниях, а других у него не было, да и не могло быть, потому что каждый свой миллион он брал с бою и никогда не проигрывал.

Повезло Козыреву и на этот раз: в насквозь прогнившей и развороченной избе он не пробил себе ступню ржавым гвоздём, не сломал ногу или руку, даже не оцарапался, а перепачканный паутиной, пылью и гнилой древесной трухой продрался сквозь заросли бурьяна на улицу.

– Заверни во что-нибудь мягкое и сохрани, – он протянул икону шофёру и поманил землеустроителя. – По сколько соток участки накроили?

– По десять. Но вас это не касается, – чиновник почтительно кашлянул. – Сколько записать за вами?

– Запиши за мной вот эту берёзу и к ней двадцать соток.

– Для вас это маловато, – заметил чиновник.

– Я строить ничего не буду. Засажу весь участок берёзами.

Землеустроитель подошёл к своей машине, открыл портфель и, достав блокнот, что-то в нём записал. Он оказал Козыреву услугу и ждал ответного жеста, но не дождался. Козырев о нём уже забыл и расспрашивал прохожего пожилого мужика в соломенной шляпе.

– Этот край посёлка совсем обезлюдел, а Кулацкий-то жив?

– Что ему поделается? – мужик придирчиво оглядел приезжего. – А ты землю здесь хочешь купить?

– Уже купил. Ты в Кулацком всех знаешь?

– Ну не всех, но многих. А у тебя к кому дело?

– Знакомый там жил, даже приятель, – сказал Козырев. – Антон Селюн. Правда, давно это было. Не знаю, что с ним.

– А что ему сделается? Жив и живёт себе кум королю и сват министру.

– Надо же! – покачал головой Андрей Ильич. – Даже как

сват министру?

– У нас там все так живут, кто живой, – усмехнулся мужик. – А вот про тех, кто помер, ничего не ведаю. Может, и лучше нашего живут, а, может, хуже. Во всяком случае, спроси у своего знакомого. Он сейчас с богом общается, и ему про всё загробное ведомо лучше нашего.

Он взялся за ручки тележки, на которой лежали ржавые трубы, краны, соединительные муфты, куски арматуры, и покатил её по дороге, а Козырев подошёл к своей берёзе, и та, будто привечая его, шумнула листвой на живой стороне.

– Как думаешь, Сева, выживет она или завянет к осени?

Шофёр отломил сухую ветку, осмотрел излом, поковырял ногтём.

– Она не в этом году посохла, а в прошлом. Но если в эту весну ожила, оживёт и на следующий год. Живут ведь парализованные на одну сторону люди, а дерево живучей человека, особенно берёза.

– Завтра привезёшь сюда рабочих, пусть приберутся: избу уберут и все двадцать соток зачистят под посадку берёз осенью. А берёзе нужен специалист-лесовод. Скажи Ершову, чтобы отыскал в сельхозакадемии самого лучшего. Ясно?

– Так точно.

Андрей Ильич ещё раз окинул берёзу сверху до низу запоминающим взглядом, погладил атласную кору и, сорвав листок, направился к джипу. Сева мобильником сделал несколько снимков дерева и поспешил за хозяином.

– К чему эта фотосессия? – поинтересовался Козырев.

– Покажу знающим людям, – сказал Сева. – И лесоводу пригодится.

Козыреву всегда по душе были люди сметливые и догадливые. Сева к тому же был честен и неболтлив, и в трудном деле на него всегда можно было положиться. За эти качества он был приближен к телу президента «Народной Инициативы» и был самым дорогим шофёром-охранником во всей области.

Встреча с прошлым взволновала Андрея Ильича и живо напомнила о восторженно-простодушном юнце, каким он был в шестнадцать лет, когда получил паспорт, подчистил его, прибавив себе два года, потому что на работу брали с восемнадцати лет, и явился, замирая от страха, в отдел кадров кирпичного завода. На его счастье, старый лагерный опер, а тогда начальник отдела кадров, сделав вид, что не заметил

подчистку, подмахнул заявление и возвёл Андриюшку в откатчики кирпича. Вне себя от счастья он прибежал домой, известил мать, и та не могла сдержать радостных слёз, что сын сам, без понуканий, пошёл работать и теперь им станет легче жить и, бог даст, они выбьются из нищеты и заживут по-людски, то есть займут телевизор, велосипед и швейную машинку.

С первой полочки Андриюшка купил себе велосипед и сначала гонял на нём по посёлку, распугивая кур и дразня собак, но скоро у него появилось другое увлечение – книги. Но и природа своё требовала, и как-то возле берёзы он впервые поцеловал женщину. Крадучись, они прошли в дровяной сарай, где стоял топчан, и к утру его так расшатало и раскачало, что тот со скрипом и треском круто наклонился, и они, не расцепляя объятий, покатались на покрытый рогожной дерюжкой пол и на нём закончили ранее начатое действие.

«А ведь я уже прожил жизнь, – вдруг понял Козырев. – На топчане я был с женщиной в первый раз, вчера на итальянском лежбище у меня с Алей ничего не вышло. И нечего врать самому себе, что ты ещё – ого-го!»

Андрей Ильич вздохнул и стал поглядывать по сторонам, чтобы не проехать мимо дома старого приятеля, который ни разу не дал ему знать о себе, хотя имя президента «Народной Инициативы» было широко известно каждому потребителю, поскольку значилось на каждом пакете молока, кефира, сметаны и другой молочной продукции.

«Наверно, живёт себе куркулём, – усмехнулся Козырев. – Разводит свиней, индюков, павлинов, держит корову, гектар огорода, ему в магазин нет нужды ходить, у него – всё своё. А денежки в кубышку складывает, но не рубли, а доллары и евро. А ведь я не виделся с ним почти полвека, с тех пор, как в отпуск из армии приезжал».

-4-

Повезло Козыреву в конце второго года службы: ему присвоили сержантское звание и наградили краткосрочным отпуском. За два года он подзабыл, как выглядит его барачно-избяной посёлок на окраине города, но при встрече с ним не испытал радости узнавания малой родины, слишком уж

бесприютно и заброшенно она выглядела. Дымила труба над котельной, клубился угольно-пыльный смог над цехами кирпичного и керамзитного заводов, на улицах антрацитно поблёскивала под лучами неяркого солнца чёрная грязь.

Родительский дом ещё больше скособочился на левую сторону, где была печь, кровля замшела, калитка, когда Андрей её толкнул от себя, зашоркала по кирпичам, которыми была выложена дорожка к невысокому крылечку.

Мать встретила его слезами радости, не знала, куда усадить и чем угостить ненаглядного Андриюшеньку, суетилась вокруг него – маленькая, худенькая, заметно сдавшая за последние два года, но ещё до конца не утратившая своей природной живости.

– Ты, может быть, освободишься от казённой одежды? – сказала она, открывая дверцы старого платяного шкафа. – Всё твоё висит на плечиках, чистое и выглаженное.

– Покажусь соседям в форме, пройду по посёлку и переоденусь, – решил Андрей после некоторого раздумья. – А вот в сапогах по избе ходить негоже.

Он снял китель, разулся и прошёл по чисто вымытым половицам к стене, на которой висела большая рамка с фотографиями родственников, начиная с послереволюционной поры, когда фотоаппараты стали в деревнях совсем не редкостью, а привычным спутником людских торжеств и траурных событий. Оба его деда погибли во время Отечественной войны, отец захватил войну краем: сначала учился в ремесленном училище на токаря, затем работал токарем на заводе, и в действующую армию его призвали в предпоследний год войны. Ему повезло – вернулся домой и к токарному станку в конце победного сорок пятого года.

В те годы женщины в численном отношении преобладали над мужчинами, Илюшка Козырев очень скоро поменял свою жену-простушку – на крашеную стерву, которая приехала в гости к соседям и так вскружила ему башку рассказами о своей шикарной жизни в Подмоскowie, что увела его за собой, как телка на верёвочке. Он так и не увидел своего сына до пяти лет, когда вернулся к своей первой жене, но та его не пустила сторяча на порог, в чём потом каялась до пятидесяти лет, пока из неё окончательно не выветрились воспоминания молодости.

Пока он рассматривал фотографии, мать успела замешать муку на молоке, разожгла керосинку и начала быстро, один

за другим, метать блины на стол, где Андрей не давал им отлежаться и остыть, а, свернув конвертиком, быстро макал в сметану и отправлял целиком в рот, какой бы толщины тот ни уродился на сковородке. Съев десятка два блинов, Андрей запил их кружкой молока, встал из-за стола и потянулся к кителю.

– Уже уходишь? – всплеснула руками мать. – Ты, Андрюшенька, долго не ходи, вина не пей, не связывайся со здешним хулиганьём.

Поселковая улица была пуста, но через два дома его окликнул сосед Пётр Анисимович, с которым Козырев раньше часто хаживал на рыбалку.

– Андрюха, ты?

– Я, дядя Петя. Вот в отпуск приехал.

– И сколько ещё служить? – Пётр Анисимович от сарая, где складывал дрова, подошёл к калитке. – Как медному котелку?

– Следующей осенью демобилизуюсь.

– Конечно, а как же, – Пётр Анисимович вынул из кармана пачку «Примы» и предложил сигарету. – Балуешься?

– Бывает, – усмехнулся Андрей. – А ты сколько служил?

– Мне, брат, точно досталось, как медному котелку. Призвали в начале сорок второго, а демобилизовали в сорок седьмом. А ты, я гляжу, в командиры вышел или в пехоте это просто?

– Я связист, – сказал Андрей. – А петлицы красные, потому что в мотострелковом полку.

– Что же мы на ногах толкуем! – спохватился Петр Анисимович. – Заходи, гость дорогой! А я тебя, нет-нет, да и вспоминаю, где, думаю, мой побратим по рыбалке. Там-то речка есть?

– Не до рыбалки, – Козырев открыл калитку и прошёл знакомой дорожкой к сараю, где хозяин не только хранил дрова, но и рыболовные снасти, а в тёплые летние дни переселялся туда жить.

– Садись, Андрюша, я сейчас, – Пётр Анисимович достал из небольшой кадучки несколько мочёных яблок, положил их на стол, а рядом поставил початую бутылку водки.

– Сын в отпуск приезжал, вот и осталось. Он сейчас у меня знаешь кто?.. Капитан «Метеора», того, что по реке бегаёт.

Сосед наполнил небольшие стаканчики.

– С отпуском, Андрюша!

Они выпили, крякнули, закусили мочёным яблоком.

– Я вот всю жизнь возчиком проработал, – задумчиво произнёс Пётр Анисимович. – И всё потому, что грамоты не знаю. Могу расписаться, вывеску прочитать, вот эту этикетку на бутылке, а вот ни одной книги не прочитал за жизнь. Другие цену своей грамотности не знают, а я знаю, потому, что её у меня нет. Мой Фёдор благодаря ей капитаном стал, ты вот – связист, а я как глядел под хвост своему коню, так больше ничего и не видел!

– Зачем ты так, дядя Петя, – не согласился Козырев. – Я вот ни в Берлине, ни в Вене не был, а ты там побывал – и не туристом, а победителем, с орденом Красной Звезды, боевыми медалями.

Хозяин опять наполнил стаканчики и добавил закуски. На стол взлетел чёрно-красный петух и замахал крыльями. Андрей столкнул его на землю и взял сигарету.

– Я воевал топором, – усмехнувшись, сказал Пётр Анисимович. – Сам-то ни в кого не стрелял, а вот по нам, сапёрам, стреляли и бомбили. Города брали грамотные, а мы, таёжная темнота, дороги мостили через грязи и реки, мы у боевых людей на подхвате были. Орден дали, медали, а за что – не знаю, геройства в моей жизни не было.

Козыреву пришлось по душе честность старого солдата, и он взял стаканчик:

– Твоей жизни, дядя Петя, как ты её прожил, нам, грамотным, завидывать надо по-хорошему. За это давай и выпьем.

– Не скажи, Андрюша, не скажи! – запротестовал Пётр Анисимович. – Сейчас грамота всему голова. Вот у тебя десятилетка, ты грамотный?

– Не знаю. Скорее всего, малограмотный, – подумав, ответил Козырев. –

Русский у меня шёл на тройки...

– Да я не про эту грамотность, – нетерпеливо перебил его сосед. – Я по радио слышал, что таким нужно диктанты писать. А профессия у тебя есть?

– Есть. Радиотелеграфист второго класса.

– Это армейское баловство, – пренебрежительно произнёс Пётр Анисимович. – Настоящей профессии у тебя нет, такой, чтобы тебя кормила, одевала и детей позволяла на ноги поставить. Значит, Андрюша, ты фактически безграмотный, как и я. Но я лошадь могу запрячь, а ты и этого не умеешь. Вот и говорю, что тебе учиться надо по-настоящему, в техникуме,

а лучше в инсти-туте и в партию поступаи, теперь дорога одним партийным. Моего Фёдора ни за что бы капитаном не поставили, если бы он не был партийным.

Козырев усмехнулся и, отстегнув булавку, вынул из внутреннего кармана кителя кандидатскую карточку. Пётр Анисимович был поражён до глубины души, но стаканчик водки помог совладать с волнением, он шумно выдохнул, вытер руки тряпкой и произнёс дрогнувшим голосом:

– Можно, я гляну?

– Вообще-то в чужие руки партийный документ отдавать запрещено, но ты, дядя Петя, свой человек.

– Конечно, свой, а как же, – подтвердил сосед и, раскрыв карточку, стал читать, что в ней написано, шевеля сухими потрескавшимися губами.

– Точно, Козырев. И фотка твоя. Ну, ты, Андрюшка, молодец! Однако, чтобы настоящим начальником стать, надо к партийному билету ещё институт приложить или речной техникум, как мой Фёдор.

Мать обрадовалась его скорому возвращению с прогулки, а ещё больше тому, что он, перекусив, переделся в рабочую одежду, взял топор и принялся колоть берёзовые чурбаки. Дров было много, Андрей занимался ими и весь следующий день, набил поленьями сараюшку и сложил вокруг неё выше своего роста поленицу.

Помахивал Андрей топором на своём дворе, но, нет-нет, да поглядывал на дальний конец посёлка, прозванный Кулацким из-за того, что там обитали хозяйственные и прижимистые мужики, жившие за высокими заборами в шлакоблочных домах, окружённых курятниками, крольчатниками, свинарниками, коровниками и непременно в каждом дворе голубятнями.

«Что-то там поделывает мой приятель Антон? – нет-нет, да и подумывал Андрей. – Пока я в армии, он, наверно, столько ума набрался, что теперь мне до него не дотянуться. Шутка сказать, в аспирантуру поступил, а там, наверно, весь «Капитал» наизусть надо знать. Теперь Антону прямая дорога в учёные, профессором будет. Он мужик хваткий, такой на ровном месте не споткнётся».

Отношения между ними нельзя было назвать дружбой, и по мере того как в Андрее армейская служба вытесняла стремление к умничанью, то об Антоне он стал вспоминать всё реже и реже.

Но приезд в отпуск был достаточным поводом, чтобы надеть парадную форму и, начистив сапоги, бляху ремня, пуговицы и значки, отправиться в гости к старому приятелю. Он шёл по Кулацкому посёлку, отмахиваясь от собак выхваченным из плетня берёзовым дрючком, который не выпустил из рук, пока из-за ворот не раздался знакомый голос.

– Хватит шастать по чужим домам! Иди прочь, не то собаку спущу.

– Это я, Антон! Андрей Козырев.

Щёлкнул крючок на воротном оконце, оно распахнулось и донеслось:

– погоди, сейчас пса в конуру загоню.

– Ты кого это от своих ворот отгонял? – спросил Козырев, входя в просторный заасфальтированный двор. – Что – незваные гости захаживают?

– Покоя нет от цыганок, – раздражённо махнул рукой Антон. – С утра до ночи шлындают, попрошайничают и тырят, что плохо лежит.

– Это Пушкин виноват, – усмехнулся Андрей. – Поэт видел в них свободных людей.

– А я тут при чём? – буркнул Антон. – Люди их боятся. От страха недалеко до ненависти.

– Чем они так страшны?

– Кинут огонь, и все сгорим. Это у них воля или там свобода, сядут на телегу и уедут от моего пепелища, а у меня здесь, брат, хозяйство, свиньи, двадцать голов. Слышишь, как меня поторапливают, чтобы я их кормил?

Антон распахнул верхнюю половину ворот свинарника, и на Андрея жадно уставились, повизгивая и похрюкивая, остромордые и поджарые свиньи. Он удивился их худобе и подколот хозяина:

– Ты их к скачкам готовишь? Вот этот на стометровке олимпийского чемпиона на полдистанции запросто кинет.

– Рано их закармливать, пусть костяк нарастёт и окрепнет, – сказал Антон. – Я уже пятую партию откармливаю, научился животноводству.

– Ты ведь в аспирантуре учишься, – удивился Андрей. – Зачем тебе свиньи или денег не хватает?

– А кому их хватает? – усмехнулся Антон. – Тебе хватает?

– Я на гособеспечении.

– А я должен сам о себе думать.

– Но ведь до коммунизма осталось всего ничего! – вскинулся Козырев. – А там всего будет вволю.

Антон поскуцнел и, взяв два ведра, наполнил их густыми помоями из железной бочки. Затем вылил свинячью еду в большое деревянное корыто. Свиньи почуяли запах запаренного хлеба, картошки, капустных очисток и заголосили, и захрюкали. Опростав бочку, Антон открыл загон, и вокруг корыта сразу же началась давка и свалка.

– И при коммунизме будет так же, – сказал Антон. – Самые проворные и сильные окажутся возле кормушки раньше других. Человеческую природу не изменить ни диктатурой пролетариата, ни проповедью Христа. Или тебя армия ещё не отучила от детской веры в светлое будущее?

– А ты, я вижу, – Андрей пнул опустошённое свиньями корыто, – торопишься захватить здесь место?

– Будет у тебя семья, тогда поймёшь, как живут люди. Мне тоже не сахар со свиньями возиться, но куда деваться? Аспирантская стипендия семьдесят рублей, жена получает на двадцатку больше. Свиней откармливать – занятие почище, чем спекуляция, за ту и срок можно схлопотать. А на свиньях я разжился: дом железом покрыл, «Победу» почти новую с рук купил, на банкет после защиты диссертации деньги есть. И тебе могу занять, если надо.

– А как же твоя партийная совесть? – ухмыльнулся Козырев. – Даёт спать по ночам? Не гложет?

– Причём здесь партия? Я ничего противоправного не совершаю. Полгектара картошкой засаживаю на корм свиньям, жмых и зерно покупаю в колхозе.

– А со свинячьих денег ты партийные взносы, конечно, не платишь? – язвительно сказал Андрей. – Или отдаёшь всё до копейки?

Антон обиделся, засопел и пошёл к собачьей конуре.

– Мне пора в институт ехать. И тебе пора уходить. Я сейчас пса выпущу, а он лютый.

Андрей пожал плечами, вышел на улицу и побрёл по обочине в сторону своего дома. Когда его догнала и громко просигналила «Победа», он не оглянулся. То же самое сделал Антон, для него Козырев стал обыкновенным пешеходом и ещё одним безликим участником дорожного движения.

В оставшиеся до отъезда дни Андрей успел основательно перебрать уличный забор, заменил подгнившие столбики и

штaketник, выкрасил зелёной краской ворота и сколотил из фанеры новый почтовый ящик, который укрепил на воротном столбе.

– Для солдата письма – первейшее дело, – одобрил его работу Пётр Анисимович. – Я, хоть и неграмотный, тоже слал весточки с фронта.

И, заметив недоумевающий взгляд соседа, поторопился объяснить:

– У нас во взводе был бойкий парень, так он таким, как я, письма по нашим словам писал. А тебе скоро уезжать?

– Завтра.

– Тогда погоди, – заторопился Пётр Анисимович. – Я мигом обернусь.

Бывалый фронтовик знал, что нужно солдату в дорогу и скоро вернулся с большим куском солёного сала, завёрнутым в белую тряпицу и заманчиво пахнущим чесноком. Козырев, для вида, поотнекивался, но подарок из рук не выпустил.

-5-

– Нам сюда! – указал Андрей Ильич на дом, возле которого сидела на лавочке пожилая женщина и покачивала детскую коляску.

– Вам, видно, отца Антония надо, – сказала она. – Дом – его, но здесь его сын с семьёй живут. А он сам при храме поселился, уже лет десять как с той поры минуло.

– Он что, поп? – удивился Козырев.

– Это его спросите, кто он? – отмахнулась женщина. – А для меня он – отец Антоний.

«Боже, сколько раз за жизнь человек может измениться до неузнаваемости. Чего другого, а обращения в священнослужители я от Антона не ожидал. Он ведь так прочно стоял на земле, но взял и вознёсся на воздух. Ведь не наживаться же он пошёл в попы, прихожане в Кулацком или куркули, или нищета, с таких поживиться нечем. Стало быть, что-то с ним произошло, раз он из неверующих атеистов переметнулся в попы», – размышлял Козырев, подъезжая к небольшому рубленому храму, уютно расположившемуся на взгорке, чуть в стороне от посёлка, в котором почти каждое домовладение представляло собой свиноферму и тонуло в мочах и навозе, стекавших в грязную речку и загаженный пруд.

Храм был одноглавым и с виду небольшим, но когда Андрей Ильич в него вошёл, то ощутил, что в нём было соразмерно и уютно, устроено как в большой русской избе: домотканый половик – от порога до иконостаса, маленькие половички перед особо чтимыми иконами, украшенными вышитыми полотенцами, тюлевые занавески на окнах.

– Лба не перекрестил, а прёшься в божий храм! Тут тебе не музей, чтобы пялиться по сторонам да полы затаптывать, – зашипела на него горбатая старушонка.

– Мне попа надо увидеть, – смущённо произнёс Андрей Ильич.

– Попа? Все попы на кладбище. А у нас, слава богу, священнослужитель, отец Антоний.

– Его-то мне и надо.

– Иди к избе, он там во дворе прибирается.

За высоким из плотно подогнанных досок забором слышалось одышливое покряхтывание и глухие удары. Козырев приоткрыл калитку, навстречу высунулся пёс, обнюхал гостя и, виляя хвостом, отступил в сторону.

– Заходи, заходи! – раздался голос хозяина. – Он тебя признал за своего.

– Я и на самом деле свой, – сказал Козырев, прикрывая за собой калитку. – Здравствуй, Антон! Не помешал?

– Я никому в беседе не отказываю, а с давним приятелем рад встретиться, – сказал хозяин и положил колун на толстый суковатый чурбак. – Вот запасаю на зиму тепло. Прошу в избу.

– У тебя и во дворе хорошо. Посидим на пенушках, поглядим друг на друга. Сколько не виделись, даже не припомню. Наверно лет сорок?

– Около того, – ответил хозяин, присаживаясь на чурбак. – Да ты садись, в ногах правды нет. Нигде её нет, а ту, какую господь пожаловал человеческому роду, люди изгадили ложью, извратили попытками улучшить человеческую породу всякими лжеучениями. Бог един, и правда должна быть одна, и в ногах, и в голове, а главное – в душе, она, горемычная, единственная, кто мучается за все наши грехи.

Андрей Ильич опустил на чурбак и оценивающим взглядом смерил старого приятеля. Антон был старше его несколькими годами, но выглядел свежо, седая борода его не старила, а лицо молодили глаза, вспыхивающие яркой синью.

Он был одет в тёмную рясу, а голову покрывала суконная шапочка.

– Когда же ты, Антон, уверовал и нашёл твою правду?

– А ты ничуть не изменился: норовишь уязвить одним словом. У меня правды нет, она вся у бога, я говорю только это, и не что иное.

– И ты не изменился, – сказал Козырев. – Как во что уверуешь, так другого не видишь, не слышишь. От упрямства и ко мне не обратился за содействием. Храм можно было поставить и о пяти главах. Дай мне свои банковские реквизиты и завтра я перечислю тебе, скажем, миллион рублей или больше. Проси сколько надо по старой дружбе.

– Деньги на храм, конечно, нужны, но от тебя не возьму, – тихо молвил священник. – Этот храм построен на честные деньги, то есть добытые настоящим трудом, а не спекуляцией.

– Какой же я спекулянт? – вскинулся Козырев. – У меня в собственности реальные производства. Я произвожу востребованную продукцию от молока – до кирпичей и автомобилей. Спекулянты в Москве, а здесь я – главный пахарь и главный налогоплательщик. Ты ведь экономист и должен это понимать не хуже меня.

– Был такой грех, мнил я себя знатоком экономии. Даже тебя, помнится, заразил этой дурью. Помнишь, как восторгался Прудон: «Собственность – это кража!» В неизбежное пришествие коммунизма верили до умопомрачения. Назовём это грехами молодости. Но в наши годы пора смотреть на всё трезвыми глазами и говорить друг другу правду, обыкновенную житейскую правду.

– Ну-ка, ну-ка, – заёрзал на чурбаке Андрей Ильич. – Желательно бы узнать подробности о нашей сермяжной правде. А то я погряз в суете и ни о чём другом, кроме прибыли, не успеваю подумать.

Лежавший рядом с хозяином пёс вскочил на ноги и побежал к калитке встречать старуху, которая только что отругала Козырева в храме.

– Дарья! – крикнул хозяин. – Принеси газетку, что на моём столе лежит! – Он глянул на гостя. – Моя Ольга Фёдоровна уже пять лет как умерла. А эта помогает по хозяйству.

– Моей Ленсты скоро двадцать лет как нет, – вздохнул Андрей Ильич.

Они помолчали, задумавшись о своём. Затем отец Антоний

ободряюще произнёс:

– Наша опора в детях. Мои выросли не бездельниками, а про твоего скажу: умница и сердце у него доброе!

– Откуда ты про него знаешь? – воскликнул Козырев.
– Он приехал совсем недавно. Нет, в нашем городе каким-то непостижимым образом всё становится известным. Это просто беда.

– И эта беда называется гласность, – хозяин взял из рук старухи газету и протянул гостю. – Вот тут на третьей странице про выступление твоего Дмитрия на каком-то собрании.

Андрей Ильич взял газету, нашёл статью, мельком глянул на заголовок и вернул хозяину.

– Толкуют о прогрессе, может, он и есть в технике, а человек нисколько не умнеет, тогда какой же прогресс? Ты ведь помнишь, как я умничал, пока в армию не призвали? Умничал, пока не понял, что плетью обуха не перешибешь. Вот и мой наследник стал умничать. Глаголет глупости о каком-то вранье, будто до него об этом не говорили.

Отец Антоний развернул газету и, глядя на гостя поверх страницы, строго молвил:

– Никакого умничания здесь нет. Твой Митя сказал самую нужную правду.

– И что это за правда? Что все врут? Скажите, на милость, какое открытие!

Отец Антоний сожалеюще глянул на Андрея Ильича и медленно произнёс:

– Митя напомнил нам, что не может быть справедливости там, где нет совести.

– И это всем давным-давно известно, да что толку! – запальчиво воскликнул Козырев.

– В этом ты ошибаешься, – возразил отец Антоний. – Четыре действия арифметики худо-бедно все знают, а в таких коренных понятиях, как совесть, стыд и душа, человек совершенно необразован и, соответственно, не способен принять основной закон жизни – справедливость. А без неё русскому человеку – смерть.

– Как бы ни так, – ухмыльнулся Козырев. – Его тысячу лет давят, гнобят, унижают, но он этой справедливости никогда не видел, и ничего, до сих пор живой, и, судя по тому, как голосует на выборах, никакой справедливости ему не надо.

– Странно слышать, что ты считаешь так называемые

демократические выборы торжеством справедливости и делаешь вывод, что народ голосует за жуликов и воров по своей охоте.

– А разве не так? Народ имеет право выбора, а как он им воспользуется – зависит от него самого.

– Что тут скажешь? – отец Антоний взял из рук старухи кружку с квасом и передал гостю. – Испей, все пьют и нахваливают. А я чуток погожу, остыть надо, а то разогрелся, махая колуном.

Андрей Ильич в меру испил квасу, поставил на соседний чурбак кружку и

вопрошающе глянул на хозяина.

– Тебе бы об этом лучше спросить у своего Мити, – сказал отец Антоний. – Народ отлынивает от выборов или голосует, не глядя в бюллетень, потому что сами выборы – узаконенное враньё. Все знают, что из десяти воров надо выбрать самого ловкого вора и проходимца. Но чёрного кобеля не отмыть добела и неправда возбуждает в человеке злость и возмущение тем, что враньём пронизана вся, как сейчас принято говорить, вертикаль власти. До чего бы только государственного не коснулся человек, то его сразу обжигает враньём до полного умопомрачения.

– Можно подумать, что в других странах этого нет, – хмыкнул Андрей Ильич. – И там всё на вранье замешано.

– В этом ты, кажется, неправ, – отец Антоний приложился к квасу и опорожнил кружку досуха. – Там давно, а в Англии уже почти тысячу лет, существует юридическое обоснование справедливости, по-другому сказать, там враньё узаконено, все это знают и соглашаются его терпеть во имя общего спокойствия. На Западе справедливость – это закон и порядок, а у нас есть только жажда справедливости, и наше коренное отличие от них в том, что русский человек никогда не верил, не верит, и не будет верить в возможность устроить жизнь на заёмных юридических началах, никак не подкреплённых народным правосознанием. Это твой сын знает, но я не пойму, почему он обнародовал своё мнение в столь неподходящем месте?

– Что ж тут непонятного? – проворчал Андрей Ильич. – Нахватался верхушек, как я в своё время, возомнил не весть что и решил, что сборище журналюг и шестёрок нуждается в нравственном просветлении. Но я, собственно, не пойму твоего

столь горячего недовольства враньём. Не нами оно началось, не нами и закончится. Пусть думают об этом те, кто отвечает за государство.

– Я что-то не помню, чтобы за враньё кто-нибудь отвечал. Такого не было ни при царе, ни при коммунистах, ни при демократах. Но, в принципе, ты прав. Кто-то должен быть в государстве ответственным за самое главное, что есть в человеке – за его бессмертную душу, которую сильнее всего калечит ложь, неправда, враньё. Главными распространителями зла в мире являются обманутые люди, которые зачастую даже не ведают о своей заразности и искренне верят, что красота спасёт мир, и образцом этой красоты считают чёрные пластмассовые пугала на улицах города, от которых шарахаются прохожие. И с этим что-то надо делать.

– Наконец-то я тебя Антон, узнаю! – обрадовался Андрей Ильич. – Узнаю

тебя, каким ты был в молодые годы, когда мы с тобой, помнишь, так рьяно верили в коммунизм, что ходили в военкомат записываться добровольцами на Кубу. Сейчас об этом вспоминать и смешно, и грустно.

– Не знаю, как ты, а я мало изменился.

– Даже став священником?

– На глупости все горазды, – нахмурился отец Антоний. – Прошлым летом, чтобы спастись от одолевших меня тягостных мыслей о почти неизбежной гибели России, я написал письмо президенту.

– Кому-кому? – привстав с чурбака, изумлённо переспросил Козырев. – Президенту?

– Да, президенту Российской Федерации. Что в этом необычного?

– И о чём же твоё послание отцу нации?

– Я задал всего один вопрос: кто в России отвечает за человеческую душу?

– Да, вопросец, ну прямо на засыпку, – задумчиво произнёс Андрей Ильич. – И что ответил народный заступник? Или его помощники замылили твой вопрос? И ты получил невразумительную отписку из областной администрации.

– Ответа я не дождался, – улыбнулся отец Антоний. – А вот архиепископ Пров пожурил меня за самовольство перед всем священством епархии.

– А разве он, все архипастыри, синод, наконец, сам патриарх не ответственны за православную душу?

– На этот вопрос трудно ответить однозначно. Мы живём в безответственное время. Страну угробили – и нет виноватых. И патриарху, и архиереям сейчас не до того, чтобы печься о душе. Им народ не нужен, вот беда, так беда!

– Как это не нужен? – удивился Андрей Ильич. – Для кого же тогда церковь, если не для народа?

– Я так понимаю, что где-то там, на самом верху, вдруг обнаружили удивительную вещь, что народ наш не достоин своих пастырей. Священство каким-то образом очистилось от греха, а людское стадо запаршивело, и его нужно понуждать к покаянию за то, что приняли советскую власть, отшатнулись от церкви и с тоской поглядывают в советское прошлое. Эта опасная выдумка может погубить православие в России. Первый же прихожанин, которому я предложу покаяние, скажет, что церковь в лице многих иерархов приветствовала свержение царя и победу масонов над Россией и в первую очередь должны покаяться патриарх и высшее священноначалие.

– Да ты, Антон, самый настоящий бунтовщик! – рассмеялся Андрей Ильич. – Не боишься, что тебя лишат сана?

– Какой я бунтовщик? Я не могу спокойно глядеть, как народ отворачивается от церкви, как она сама превращается в идеологическую контору при администрации президента России. А сейчас церковь особенно необходима и народу, и государству, которые уже четверть века находятся в безостановочном падательном состоянии.

– Я далёк от церковных дел, – сказал Козырев. – Но мнение простых людей меня интересует всегда. К тебе ведь приходят самые разные люди. Что они думают? Чем озабочены?

– Народ озабочен одним: как прокормиться и заплатить за квартиру. Ду-

мать ему не о чем, когда всё за него решено. Народ ждёт чуда!

– Какого чуда?

– Воскрешение Сталина, вот что нужно людям.

– Так прямо и говорят, что нужен Сталин? – хмыкнул Андрей Ильич.

– Его имя произносят нечасто. Но уже человек пять объявили буквально следующее: «Батюшка, я знаю, как спасти Россию. Нужно расстрелять каждого сотого – и страна оживёт».

– И кого же они зачисляют в расстрельные списки? – помолчав, спросил Козырев.

– Всех подряд, не исключая себя. Люди говорят то, что чувствуют. А чувствуют они безысходность от всеобщего вранья. От него и ненависть друг к другу. А взаимная и всеобщая ненависть – это и есть бунт, бессмысленный и беспощадный, и нашему бунту уже двадцать лет, с августа 1991 года.

– Что-то я тебя, батюшка, не пойму, – усмехнулся Андрей Ильич. – Нет в России никакого бунта. Этой зимой во всех подразделениях «Народной Инициативы» независимые социологи из Москвы провели опрос. И каждые девять работников из десяти оказались довольными своим экономическим положением, и только половина хотела улучшить жилищные условия.

– У меня свои данные на этот счёт, – сказал отец Антоний. – Внешне на-род спокоен, но душа каждого находится во власти бунта, и каждый мыслен-но уже перестрелял всех, кто ему не по нраву, и готов это сделать наяву, если найдёт себе подходящую партийную стаю с готовым на всё вожаком. Все партийные лидеры на сегодняшний день плюгавы, народ за ними не пойдёт. Но без вождя он не может, поэтому находит его в своём недавнем прошлом.

– Опять Сталин?

– Раз нет великих людей среди живых, то народ поднимает из могилы Сталина. Оживить его нельзя, но можно канонизировать, что во мнении народном уже фактически происходит.

– Наш народ глуп, – пренебрежительно бросил Козырев.

– Это ж почему?

– Он не может жить в беспривязном состоянии, ему нужен пастух с крепкой дубинкой.

– Не буду спорить. Но далеко не всё так просто и однозначно. Пойдём в храм, и я кое-чем тебя удивлю.

– Ты меня и так наудивлял, дальше некуда, – сказал, вставая с чурбака Козырев. – Погляжу и на то, что в храме, хотя я там уже был.

Отца Антония ждали несколько человек.

– Благослови, батюшка!

– Бог благословит. Я что-то вас не знаю?

– Сказывают, икона тут святая объявилась, – сказал старик в заношенном офицерском кителе, на котором отсвечивал

солдатский орден Славы. – Вот и пришли поклониться.

– Посидите на лавочке, отдохните. Я к вам скоро выйду, и мы обо всём

побеседуем, – сказал отец Антоний и, подойдя к церковному крыльцу, тихо заметил: – Людская молва как вода растекается с нашего храмового взгорка. Эти люди за тысячу вёрст пришли из вятской земли, по автомобильным номерам видно.

– Так что это за чудо? – поспешая за батюшкой, сказал Андрей Ильич.

В храме было всего двое молящихся, и отец Антоний, мягко ступая по холстинным половикам, повёл Козырева в северный придел храма, скрытый от посторонних глаз полупрозрачной, из толстых плетёных нитей, занавеской. Там было темно, и священник затеплил три свечи, которые высветили тесное без окон помещенье, где была всего лишь одна, писаная на доске, довольно большая икона. Отец Антоний трижды перекрестился, приложился к образу и, опять трижды перекрестившись, отошёл в сторону, освобождая Андрею Ильичу обзор местной святыни.

Козырев глянул на неё и обомлел: на него глядел Сталин. Вождь был без головного убора, в длинной шинели и солдатских сапогах. Левее его, в глубине иконы, была изображена одетая по-простонародному пожилая женщина. Андрей Ильич кашлянул и вопросительно посмотрел на иерея.

– Это и есть чудо?

– Уже четверо верующих свидетельствуют, что моление перед иконой «Блаженная Матрона благословляет Иосифа Сталина» помогло двоим из них избавиться от тяжёлой болезни, а двое других получили исполнение своих благочестивых желаний.

– И как архиепископ Пров? Его не перекосило от лика вождя народов?

– Пока он делает вид, что ему о моём самовольстве неизвестно. Николай Второй приобщён к лику святых, но ведь он бросил Россию на произвол судьбы, а Сталин спас Отечество, что бы о нём ни говорили и каких бы собак на него ни вешали предатели родины.

– Не знаю, что и сказать, – развёл руками Андрей Ильич. – Мне Сталин не мешает, но для наших демократов – это как красная тряпка для быка. Как бы ты ни прикрывал эту иконку занавесками, скоро о ней пронюхают журналисты и разнесут по

всей округе, а потом и по стране.

– В Петербурге один батюшка уже пострадал от этого, но я, Андрей, за своё священство не держусь. Самое большее – отставят от служения, но молиться ведь не запретят. Возьму икону и уйду в избу. Пенсия у меня есть, а похоронить дети и внуки позаботятся. Если выбирать, где мне быть, то честнее быть с народом, чем с клириками, набранными из бывших комсомолов и партийцев.

– А что, и такие есть? – удивился Козырев.

– Наша церковь как Ноев ковчег: в ней всякой твари по паре. Но при Сталине и до перестройки в ней было не в пример больше православия, чем сейчас, потому что она была гонимой. В священники шли истинно верующие. Вообрази: сейчас попы по воздуху летают, как ангелы. Намедни рядом с храмом один приземлился на дельтаплане с мотором. Садись, говорит, прокачу: храм свой узришь с высоты птичьего полёта. Я отказался, так он меня дураком обозвал. А он меня почти втрое моложе.

Они вышли из храма и стали прощаться. Андрей Ильич взял с отца Антония слово, что когда того будут одолевать трудности, он обязательно известит о них президента «Народной Инициативы».

Сева завёл джип и подкатил к хозяину. Андрей Ильич распахнул дверцу и, устроившись на сиденьи, произнёс с затаённой грустью:

– Ты многое во мне разбередил, Антон. Как раньше, почти полвека назад.

Отец Антоний проводил взглядом умчавшийся в клубах пыли автомобиль, усмехнулся и тут же укорил себя за то, что был слишком откровенен в суждениях перед Козыревым и, страх сказать, несдержан в оценках церковной жизни, что было не чем иным, как всплеском восторжествовавшей над смирением гордыни. И он, войдя в храм, опустил на колени и сорок раз прочёл Иисусову молитву.

Очистившись от мирской скверны, которую внёс в его жизнь весь пропитанный насквозь, как губка грязью, сребролюбием, угождением плоти и гордыней финансово-промышленный воротила, отец Антоний обратил свой просветлённый взор на приезжих вятичей. Проведя их в придел к иконе с изображением Сталина, оставил там одних, а сам прошёл в каморку, где занялся отписками, которые от него требовало епархиальное

управление.

Через некоторое время его побеспокоила прислужница, сказав, что приезжие люди хотят с ним попрощаться. Отец Антоний вышел из храма, держа в руках «Молитвослов», которым одаривал верующих по своему выбору, и был приятно удивлён, что пребывание в приделе с иконой Сталина оздоравливающе подействовало на верующих, особенно это было заметно на ветеране войны. Он смотрелся совсем молодцом, будто побывал на Параде Победы, куда только подевался понурый искательный взгляд, слабый голос – старый солдат от общения с генералиссимусом будто в живой воде искупался и орден Славы обмыл: тот сиял на старом офицерском кителе как новенький и только что полученный из рук Верховного Главнокомандующего.

– Не обессудь, батюшка, прими наркомовские сто грамм, – сказал он, протягивая отцу Антонию гранёный стаканчик с водкой. – И угостись рыжиками свежего посла. Сам брал.

Отец Антоний был непьющий, но от предложения не стал отказываться, уж очень душевно оно прозвучало и, не дрогнув, опорожнил посудину и захрустел ядрёным грибочком такой вкусноты, что не удержался от похвалы и тут же получил в подарок запечатанную баночку рыжиков вятского посла.

– Вы у нашего Блаженного Андрея не были? Советую побывать, – сказал он, благословив каждого. – У вас есть где остановиться?

– Мы у родни гостим, за Волгой. На могиле Блаженного вчера побывали, там и услышали об иконе Сталина, – сказал ветеран. – А завтра Ленинские места оглядим, или это сейчас грешно для верующего человека? Ленина как

только не ругают. Может он, и правда, в аду мучается?

– Не людского ума это дело, – мягко молвил отец Антоний. – Кто первым в рай попал?.. Разбойник. Говорят, что Ленин был жесток. Но по своей ли воле? Может, сам господь наказывал Россию через его окаянство? Нам сие неведомо. Сказано: не судите и судимы не будете.

Отец Антоний вернулся к прерванной отписке в епархию и осилил её лишь к обеду, после которого прилёг в амбаре, где было всегда свежо, на лавку, и недолгим сном укрепил свои силы, чтобы продолжить служение, освободившись от суетных воспоминаний, кои навлёк на него своим появлением Козырев. Однако испив послеобеденный стакан чаю, он опять вспомнил

о своём недавнем госте и подумал, что надо было заставить его хотя бы раз перекреститься и поставить свечку перед образом Николая -угодника, покровителя всех путешествующих и торгующих, чтобы испытать Козырева – жив ли он или совсем ооченел душой и уже не способен откликнуться на слово божественной истины.

Ещё пять лет назад священнику не приходилось подталкивать зашедшего в храм человека приобщиться хоть как-то к православию. Храмы и совершавшиеся в них священнодействия воспринимались людьми, заблудившимися в перестроечной кутерьме и бедламе, как островок спасения от насилия, где они найдут покой измученной душе и обретут уверенность, что их жизнь имеет высший смысл и значение. В действительности всё оказалось совсем не таким, что рисовало воспалённое воображение только что выбравшемуся из-под обломков коммунистического чуда советскому человеку. И он неприятно удивился, узнав, что православие считает человека существом греховным и обречённым всегда находиться в падательном состоянии, и ему предстоит осознать свою греховность, дабы спасти душу искренним покаянием.

Наиболее ретивые батюшки приступали к тем, кто ещё только-только стал захаживать в храм, с требованием исповеди и немедленного исполнения все-го, что полагается исполнять глубоко религиозному человеку. И многие отшатнулись от церкви, которая скоро стала, по мнению народа, ещё одной го-сударственной конторой, и простому человеку следует обходить её стороной. Если после Октябрьской революции народ отпал от церкви, которую гонения и репрессии излечили от многих недугов, коими она страдала в дооктябрьский период, то после двухтысячного года началось отпадение церкви от народа, который, как никогда прежде, нуждался в утешении и поддержке.

Глава третья.

- 1 -

Новый день начался для меня с крепкого толчка в плечо. Я с трудом разлепил веки, проморгался и увидел Любу, которая была уже готова к утреннему променаду: в лёгкой майке,

шортах, белых кроссовках, в руках – сумка с купальником и полотенцем.

– Догоняй, лежебока, – поцеловав меня в щеку, она направилась к выходу. – И не забудь сегодня явиться к своему начальнику.

– Для меня только ты начальник, – сказал я, поднимаясь с кровати, но жена меня не слышала, поскольку уже была полностью со своими духовными приятельницами, «рерихнутыми» особами бальзаковского возраста, которые, пользуясь тёплой погодой, устраивали время от времени коллективные омовения в зацветших липкой зеленью стоячих водах водохранилища.

Вечером я пообещал Любе, что пойду на пляж вместе с ней, утром почти пожалел об этом, ибо вовремя вспомнил, что собирался окунуться не для того, чтобы составить компанию жене, а совершенно с другими целями, скажем так, разведывательного характера, о чём вчера напомнил, прощаясь, Андрей Ильич:

– Как там себя чувствует оппозиция губернатору? Какие козни готовят против нашего благодетеля Семёна Семёновича? Они, наверно, тебя потеряли? Наведайся к ним на пляж, только далеко не заплывай.

– Какую лапшу приготовить для этой шустрой публики?

– Ври, что хочешь, только не завирайся, – посмеиваясь, сказал Козырев. – Брякни, что я, как и они, жажду справедливости и последние дни занят только тем, что думаю, как оказать поддержку их общественному движению. Кстати, как обозвала себя эта бражка?

– Движение за справедливость и достойную жизнь.

– Приятно слышать, что в России не перевелись ещё мечтатели и радетели о народном счастье, – усмехнулся Андрей Ильич. – Но, помнится, ты отзывался о них совсем по-другому?

– Никакие они не радетели: там собралась те, кто по самым разным причинам выпал в осадок после запрета КПСС и путча, к которым примкнули разочаровавшиеся в либерализме ельциноиды и просто дурачки с учёными званиями.

– Однако ты сбегай на пляж и узнай, все ли они там живы, здоровы, что замышляют? Наш губер опасается, что они как-нибудь самоликвидируются и этим доставят ему немало хлопот: надо будет создавать оппозицию самому, а это накладно. Но

без неё – какая демократия? А она, зараза, сейчас важнее всего для губернаторского благополучия.

– А нам эти болтуны зачем? – засомневался я. – В «Народной Инициативе» самая полная демократия, англичане позавидуют.

– Ершову кто-то шепнул, что эти сраные оппозиционеры надумали вовлечь в свою шайку моего Митю, – медленно произнёс Козырев. – Конечно, он взрослый человек, но нашей жизни не знает. Что-то запрещать ему я не собираюсь, да и бесполезно. Судя по тому, какая в нём уйма прекрасноты, то он обязательно вляпается в какую-нибудь историю. Охотники подсобить ему в этом всегда найдутся.

Андрей Ильич прошёлся по кабинету, остановился возле распахнутого окна, через которое доносился шум городской улицы и продолжил:

– Митя – парень с норовом, это я ещё до истории с гусём понял. Потом, как по щучьему велению, эта девица явилась. Из этих случаев я делаю вывод, что он не способен учиться на чужих ошибках. Ему, чтобы самому понять очевидную вещь, надо о неё обязательно споткнуться и крепко удариться. Когда-то я и сам таким был – во времена туманной юности, – и припоминаю, с каким трудом избавился от прекрасноты иллюзий. И твоя задача – поддержать Митю, если он, не дай бог, споткнётся.

– Это дело не одного дня, – сказал я. – Как бы его не обидеть. Мне как, держать его всё время на руках, или можно, когда надо, шмякнуть об асфальт?

– Делай как знаешь, – пробурчал Андрей Ильич. – Но не надо никаких радикальных сотрясений – ни ума, ни души. Митя мягок, из него можно лепить кого угодно.

После этих слов я понял, что хотя Козырев и ворочает сотнями миллионов долларов и от него зависит жизнь нескольких тысяч сотрудников «Народной Инициативы», но в глубине души он остаётся обыкновенным родителем, готовым потакать своему чаду буквально во всём. Я и сам ещё год назад был точно таким же отцом весьма дерзкой и острой на язык девицы, не знал, как управиться с ней без ругани и угроз, но, слава богу, явился мне на выручку долговязый и рыжий лейтенант, только что окончивший военное училище, и увёз мое чадо в Котлас, откуда она временами испускает обращенные к матери истерические вопли, что ей не на что жить. И Люба,

наплакавшись в телефонную трубку Але, получает от неё конверт с деньгами, отправляет перевод и опять с головой погружается в светскую жизнь, которую ведут обеспеченные сытые бабы нашего славного и во всех отношениях похвального города.

Когда-то я взбегал на Венец без остановки и одышки, но служба в «Народной Инициативе», связанная с ненормированным рабочим днем и почти ежедневным пренебрежением к здоровому образу жизни, изрядно повредила моему самочувствию, и на кроссовую пробежку я давно не был способен. Сегодня даже с дивана поднялся с трудом и, кое-как умывшись, позвонил в офис концерна, чтобы вызвать служебную машину.

Свежая кремовая рубашка, белые джинсы и босоножки чешской выделки помогли мне вернуть уверенность в своих силах, чтобы совершить очередной микроподвиг во славу концерна. Глянув на себя в зеркало, я взял пакет с плавками и полотенцем, спустился со своего этажа вниз и, выйдя на улицу, сел в поджидавший меня «фордик».

День обещал быть жарким. Поднявшееся над Заволжьем солнце потеряло чёткие очертания и превратилось в жгучий ступок огненного расплава, обильно сочившегося на истомленную многодневным зноем землю и серебристо-зеленоватое зеркало водохранилища, на петляющую по береговому склону дорогу к мостовому переходу. Возле него я покинул служебное авто и направился в сторону пляжа, где по бетонной береговой кромке прогуливались ведущие оппозиционеры нашего города, совмещающие приятные и полезные воздушно-солнечные омовения с перемыванием косточек и перетряхиванием грязного белья всей руководящей головке региона.

Переодевшись в фанерной кабинке, я пристроился к оппозиционному шествию, прислушиваясь к тому, что глаголил вожак этой разношерстной компании, известный говорун и всезнайка, владелец и редактор антигубернаторской газеты «Стресс» Максим Синюгин. Моё появление не осталось незамеченным, шествие забуксовало, кое-кто стал останавливаться, чтобы поздороваться или окинуть пренебрежительным взглядом лакея и прихлебателя местного олигарха. На подобные язвительные поползновения я отвечал

лёгкой усмешкой и ласковым взглядом, и понятно, почему: эти люди имели роскошь выражать свою неприязнь ко мне открыто, а я был на работе и выполнял поручение шефа, потому и вёл себя соответственно моменту – улыбался, шутил, словом, был и рубахой-парнем, и симпатичным мерзавцем.

Каждый из этой компании был человеком начитанным, некоторые имели учёную степень и в своём деле запросто могли поставить меня в глупое положение, но у меня было тайное оружие – импровизация, способность и умение ставить самых отпетых циников и умников в тупик, однако оно не потребовалось. Пока я просчитывал варианты, как задеть Синюгина за живое, тот взял инициативу на себя:

– У Козырева кишка тонка, чтобы встретиться напрямую с общественностью, и он послал тебя?

– Меня послала сюда жена, – брякнул я. – Вон она тусуется с рехихнутыми бабами. Но я не пойму, причём здесь Андрей Ильич? Потом, какая вы общественность? Вы, кажется, оппозиция?

Синюгин встряхнулся и притопнул босой ногой по бетонной дорожке.

– С губернатором бодаться бесполезно – он находится под защитой властных структур. А вот господина Козырева наше движение привлечёт к судебной ответственности. Что вы на меня уставились? Разве вам об этом неизвестно?

– Ровно ничего, – честно заявил я, догадавшись, что Андрей Ильич, посылая меня на встречу с оппозиционерами, намеренно усложнил задание, чтобы я разобрался во всём от начала до конца.

– Может, хватит загадок? – меня охватило раздражение.

– Вчера я послал Козыреву факсом письменные требования общественности, чтобы он вернул остров народу.

– Ни больше, ни меньше? – хмыкнул я. – Вернуть народу? Это слишком общее понятие. Какой структуре вернуть? Ведь содержание острова стоит больших денег. Кто будет платить за освещение, отопление, ремонт зданий? Или вы собираетесь всё, что на острове построено, сжечь, и вернуть его народу в том состоянии, в котором он был законным образом куплен «Народной Инициативой»?

Синюгин замешкался с ответом, и вместо него загалдели его сообщники. Первый раунд встречи с политизированной общественностью был явно за мной, это нужно было закрепить,

и я крикнул:

– Предлагаю продолжить дискуссию в воде!

Бухнувшись с разбега в реку, я долго не выныривал и гадал, последует ли Синюгин за мной, но когда пробкой выскочил из воды, то увидел рядом его круглую бритую голову.

«С какой стати он прыгнул за мной следом?» – подумал я.

И сразу же догадался, что заглавный оппозиционер решил переключиться с губернатора на олигарха по той причине, что губера он бичевал своими хлесткими статейками забесплатно, без всякой надежды получить с него отступное, а с полумиллиардера Козырева за умелый и грамотный шантаж он мог поиметь кругленькую сумму в «зелени». Сопоставив свою догадку с напутственными словами Андрея Ильича, я понял, что редактор и владелец скандальной газетёнки вполне может использовать для осуществления своего плана простодушного Митю, который даже не подозревает, какие в нашем провинциальном болоте водятся опасные нечисти, если способен выложить всю свою подноготную первому встречному алкашу вроде поэта Чистякова. Синюгину вывернуть Митю наизнанку и выставить на посмешище всему городу не составит особого труда, причём он сможет это сделать без опаски получить бейсбольной битой по своей черепушке: Козырев никогда не прибежал к криминалу и если уничтожал тех, кто переступил ему дорогу, то в рамках действующего законодательства.

Я глянул на поблескивающую лысину Синюгина и с отвращением отвернулся в сторону другого берега.

– Свою позицию я обозначил, – заявил Синюгин. – Она предельно ясна: вернуть остров народу.

– Это я уже слышал. А что ты хочешь для себя, ненаглядного? Миллион?

– Деньги – грязь! – с пафосом продекларировал Синюгин.

– Стало быть, ты жаждешь справедливости?

– И её тоже, – сплюнув попавшую в рот грязь, сказал прожжённый газетчик. – Подплыви поближе – и я продиктую свои условия тебе на ухо.

– Подплыть – всегда, пожалуйста, – и я стал приближаться к Синюгину. Затем поднырнул к нему вплотную и пнул между ног.

Синюгин завизжал что есть мочи, и принялся колотить по воде руками и ногами. Визг жоака нашей оппозиции

подхватили его соратники, поднялась суматоха, но никто на выручку Синюгину не поспешил, и мне пришлось присматривать, чтобы с ним не случилось лихого. Наконец он причалил к ступенькам бетонной лестницы, выполз на неё и принялся искать и плевать, подрагивая отвислым брюхом.

Завывая подвесным мотором, к месту происшествия подлетел катер с двумя спасателями

– Где утопленник? Этот?

Прямые вопросы не понравились Синюгину, и он пополз на четвереньках по бетонной лестнице на берег.

– Понятно! Да он на ногах не стоит и лыка не вяжет, – догадался рулевой катера. – Наверно, пьян ещё со вчерашнего. А ну-ка, все в сторону, отчаливаем!

Оставляя за собой пенный след, катер умчался в сторону вышки, украшенной разноцветными флагами, а Синюгина подхватили соратники и уложили на лежак, чтобы он набрался сил. Посоветовавшись, они решили вызвать для него такси и стали сбрасываться на оплату проезда.

Эта заварушка не прошла мимо моей востроглазой и примечательной всё вокруг супруги, и она не замедлила явиться, чтобы провести собственное расследование.

– Кто это? – спросила она, указывая на лежак с распростёртым на нём телом профессионального оппозиционера.

– Говорят, что это жертва несчастной любви, – небрежно произнёс я. – Обыкновенная история: жена – изменщица, муж – растяпа, не нашёл ничего лучшего, как утонуть в зацветшем водохранилище.

– Но он шевелится, – строго глянула на меня жена. – У человека горе, а ты посмеиваешься. И ни грамма сочувствия. Нет, общение с Андреем Ильичом действует на тебя дурно. Вам обоим нужно заняться духовной практикой. Надо будет посоветоваться с Алей, как лучше это сделать...

Люба продолжала многословно развивать свою идею, но я торопливо переоделся, бросил мокрые плавки в урну и побежал босиком по песку, держа в руке босоножки, к выездной дороге, чтобы перехватить направлявшееся к пляжу такси.

– Это вы вызывали? – выгнулся из машины молодой парень. – Куда поедем?

– В центр, – сказал я, захлопывая за собой дверцу. – Но не сразу, а сначала прокатимся по бетонной дорожке вдоль края берега. Надо глянуть на одного человечка.

Водитель не удивился моей просьбе и неторопливо проехал до кучки оппозиционеров, которые появлению такси очень обрадовались и стали помогать одеться Синюгину: один подавал ему штаны, другой – рубаху, третий – кроссовки. Но их оживление было недолгим: я велел таксисту притормозить машину и запечатлел на сотовый телефон поднимающегося с карачек вожака оппозиционеров и членов его шайки. Увидев, что его фотографируют, Синюгин от ярости взвыл и запустил в меня кроссовкой. Я перехватил обувку на лету и, крепко держа в руке, захлопнул дверцу машины.

– А теперь в центр.

– Как это следует понимать? – сказал Андрей Ильич, когда я, постелив на стол газету, поставил перед ним свой трофей. С какой стати ты притащил этот стоптанный обносок?

– Это вещественное доказательство покушения на мою жизнь со стороны известного вам господина Синюгина. Не далее как четверть часа назад он запустил в меня кроссовкой в присутствии многих очевидцев данного злодеяния.

– Это любопытно! – оживился Андрей Ильич. – И чем же ты ему не угодил?

В нескольких словах, не живописуя, я рассказал о посещении пляжа. Но даже в сдержанном изложении моё совместное купание с вожаком оппозиции произвело на Козырева впечатление, хотя он сначала недоверчиво поглядывал в мою сторону, но потом принялся хохотать и стучать по столу ладонями, словом, впал в сильнейшее возбуждение, как малое дитя на впервые увиденном представлении клоуна. Таким своего босса я ещё не видел и стал беспокоиться за состояние его здоровья, но мало-помалу он успокоился, вызвал референта по общим вопросам и велел ему отвезти кроссовку в редакцию газеты «Стресс» и вручить законному владельцу.

– Скажи этому мудаку, что Андрей Ильич кланяется и советует ему переехать на постоянное место жительства куда-нибудь подальше, скажем, в Коста-Рику.

Референт сгрёб со стола кроссовку вместе с газетой и удалился. Козырев стал серьёзён, на скулах обозначились желваки.

– Я ещё не доложил вам самое важное: Синюгин угрожает взбаламутить общественность и отобрать у вас остров. И он, кажется, настроен воинственно и бескомпромиссно.

– Знаю, – процедил сквозь зубы Андрей Ильич. – Он давно

уже вокруг меня закладывает круги. Но я с поганцами дела не имею.

– Что ему надо?

– Так, пустячок. Хочет стать депутатом городской думы. Вот я и подумал: а почему ты до сих пор не депутат?

– Но до выборов ещё три года, – сказал я. – И вакансий нет и не предвидится.

– Вакансию можно организовать, – ухмыльнулся Андрей Ильич. – В гордуме по каждому второму депутату крупными слезами тюрьма плачет. Или тебе роль народного избранника не по нраву?

– Боюсь, что с депутатскими обязанностями мне не справиться.

– Твои обязанности посложнее депутатских. А я пока тобой доволен.

– Мы с вами сработались, потому что наши желания совпадают в самом важном пункте, – сказал я и выжидательно глянул на босса.

– И что это за пункт? – шевельнул бровями Андрей Ильич.

– Мне с вами комфортно, потому что вы не заставляете меня врать. Ваш Митя правильно говорит, что враньё для человека пагубнее любой отравы. И я склонен думать, что вы мне платите хорошие деньги только за то, что я всегда говорю вам правду.

Козырев пристально посмотрел мне в глаза и усмехнулся.

– Прозвучало как объяснение в любви. Теперь, наверно, я должен сказать нечто подобное тому, что от тебя услышал, а может, тебя обнять?.. Но, в принципе, ты мыслишь верно: бизнес нуждается в правдивой, то есть соответствующей реальности, точной информации, и ты верно заметил, что я тебе плачу очень хорошие деньги за правдивые сведения, а не за какую-то отвлечённую правду. Правда, говорит наш архиепископ Пров, есть только у бога, а мы бултыхаемся во лжи, и о правде в наше время могут вякать только те, кто, подобно моему Мите, не знает российской действительности.

– Но иногда стоит пренебречь правдой, – сказал я, глядя мимо хозяина. – Синюгин – это такая опасная тварь, что, может, надо ему уступить и помочь взгромоздиться в депутатское кресло.

– Ты забываешь, что мне почти семьдесят лет, – проворчал Андрей Ильич. – В эти годы пора занять хоть какие-то принципы. Но сейчас речь идёт не о них: этот журналиста

дурно пахнет, а после сегодняшнего случая просто воняет, поэтому прикасаться к нему я не хочу. Займись им сам, тем более что ты уже с ним почти разобрался.

– В каком смысле заняться? – насторожился я. – Может, поручить это ребятам Ершова? Они его по своим каналам прощедят и найдут достойную для него уголовную статью годика на два поселения. Синюгин за это время угомонится, и от него не будет ни шума, ни пыли.

– Забудь, что ты сказал, и не умничай, – помрачнел Андрей Ильич. – Главное для меня на сегодня – уберечь от этого прохвоста Митю.

– Разве Синюгин на него что-то имеет?

– Ершов говорит, что у того в каждой ментовке есть осведомитель и поэтому о задержании Мити нарядом милиции ему известно. Не удивлюсь, если он завтра размажет этот эпизод в своей вонючей газетёнке, тем более, что после твоей выходки он, наверно, ошалел от злости и обиды.

– Что же теперь делать? – слегка подрастерялся я. – Извиниться?

– А вот этого никогда не делай, – погрозил пальцем Андрей Ильич. – Этой твари недоступны ни прощение, ни покаяние. Оставим это Ершову, этот случай по его части, пусть разбирается. А ты не выпускай Митю из виду. Надеюсь, он не омрачит мой день рождения какой-нибудь выходкой. Разузнай, что у него с этой девицей? Ершов так и не доложил мне толком, в каких они отношениях. Трахаются или только разговаривают?

– Насколько я понял, эта особа с норовом. Денег от Мити не взяла, он же хочет ей помочь, но как? У меня есть планчик, как совместить приятное с полезным и развести этих голубков со временем так, чтобы они сохранили друг к другу только приятные воспоминания.

– И что ты задумал?

– Надо лишить их взаимоотношения серьёзности и остроты. Надо заменить их игрой. Я имею в виду близкий праздник. Семидесятилетие – достойный повод, чтобы юбиляру принять поздравления от атамана всея гулевой Руси...

– Не продолжай! – воскликнул Андрей Ильич и погрузился в недолгое раздумье. – Значит, ты хочешь Митю обрядить в Стеньку Разина, а эту особу – в княжну? А она согласится? А он не взбрыкнёт?

– С какой стати? – удивился я. – Предложи вы губернатору стать Стенькой Разиным, и он бы не отказался, только попросил бы отодвинуть праздник поближе ко дню выборов в Государственную думу. Мне важно знать ваше отношение к этому предложению.

– Возражений у меня нет, – сказал Андрей Ильич, – как и горячего одобрения. Но ты поговори с ними.

– Митя сыграет свою роль бесплатно, а ей надо заплатить и хорошо заплатить, чтобы она приняла эти деньги как отступное и отказалась от попыток захомутать парня. Какой суммой я могу располагать?

– Вот уж чего не знаю, того не знаю, – осклабился Андрей Ильич. – Но ты позвони Михаилу Прохорову, узнай, сколько стоили ему девки в Куршавеле? Столько и заплати.

Конечно, это была шутка. Но она означала, что Андрей Ильич и своё семидесятилетие не прочь был украсить ярким представлением, о котором раструбили бы по всей стране падкие на всё жареное газеты и телекомпании и задаром разрекламировали «Народную Инициативу» и её президента.

Я привстал со стула, чтобы распрощаться с Андреем Ильичом и приступить к выполнению щекотливого поручения, но он остановил меня и поманил пальцем к себе.

– Загляни-ка в мой компьютер, – криво усмехнулся он. – Ершов нашёл в Интернете свежее писание моего Мити. Оказывается, он завёл Живой Журнал и выложил на всеобщее обозрение свою очередную идейку. Прочти, прежде чем отправляться к нему с разговором, чтобы эта статейка не была для тебя новостью.

Андрей Ильич щёлкнул «мышкой» и повернул дисплей в мою сторону, я приблизился к нему и вопросительно глянул на босса.

– Читай, читай! Я и не догадывался, что его интересуют такие заумные темы.

Сбережение души как русская национальная идея

Большинство граждан нашей страны и непредвзято относящиеся к нам иностранцы считают Россию самодостаточной державой, которая располагает такими колоссальными природными и духовными ресурсами, что они вполне могут обеспечить поступательное развитие

государства в обозримом будущем. Вместе с тем почти единогласно признаётся, что сегодняшняя Россия находится в расслабленном, расцентрированном состоянии, обусловленном распадом Советского Союза, который под смех и рыдание сограждан раскололся на части, а из взбаламученного болота застоя всплыли обломки прежней государственности, из коих самым большим оказалась обкромсанная со всех сторон Россия.

Бывшим партвождям национальных республик достались баснословные богатства; и задача легитимизировать свои карманные государства была ими решена через их признание мировым сообществом и провозглашение национальных идей, состоящих (за исключением Белоруссии) из антисоветизма, русофобии, а кое-где и героизации фашистских прихвостней.

В России власть предержащие поисками национальной идеи озаботились гораздо позднее, когда закончились «либеральные безумства» приватизации госсобственности, а её новым владельцам законодательно была гарантирована неприкосновенность. Теперь надо было разумно объяснить гражданам, чем стала Россия, избравшая «демократический консерватизм» как магистральный путь развития. И российские СМИ ещё полтора года назад наперебой вещали то об одном, то о другом открытии национальной идеи, но явился кризис и смёл из общественной жизни всё, что не соответствует рыночной необходимости.

Не будем этим огорчаться: болтовня о национальной идее неизбежно вспыхнет в ближайшее время, но мы говорим о ней уже сегодня потому, что национальная идея для России – это не пропагандистский слоган, а коренной смысл жизни для всех, кто воспринимает свою страну как Родину-Мать. Но прежде чем подойти к существу дела, следует беспристрастно оценить духовное состояние всех россиян и особенно русских, потому, что на них в первую очередь был обрушен проект расчеловечивания державообразующего народа. Сейчас не место выяснять, кто за этим стоит, важны результаты этой акции и оценка духовного потенциала России. И, стиснув зубы, следует признать, что распад Советского Союза нанёс неизлечимые душевные повреждения многим десяткам миллионов людей. К ним относятся как те, кто по факту стал клятвopеступником, а зачастую предателем: члены КПСС, комсомола, военнообязанные, принявшие воинскую присягу,

милиционеры, чекисты, так и те миллионы наших сограждан, кто встал на путь стяжательства, воровства, вандализма, оплёвывания отеческих святынь и морали. Это привело к тому, что в 1991 году в стране разразилась психическая эпидемия со стопроцентным поражением всего народа, которая только сейчас пошла на спад. Именно в это время и начала рушиться русская национальная идея, о существовании которой никогда не говорили, но жили её смыслом, за исключением самых отъявленных атеистов, все народы СССР.

Можно только гадать, осознавал ли равноапостольский князь Владимир, погружая в днепропетровские воды для святого крещения древних русичей, всё величие совершаемого им действия, но мы сегодня обязаны торжественно провозгласить его единственным и неоспоримым отцом русской национальной идеи, потому что принятие Православия сделало нас более тысячи лет назад одушевлёнными людьми: душа-язычница стала христианкой и заняла в человеке основополагающее коренное место национальной идеи. Именно душа является единственным сверхценным смыслом человеческого бытия, земного и посмертного. И если говорить о русской душе вообще, то её нужно понимать как видимое только Богу зарево над Россией, в котором слились множество единичных пламенеющих верой в своё спасение человеческих душ. В 988 году национальной идеей России стала душа человека независимо от его вероисповедания, потому что Богом-Любовью спасение обещано всем землянам.

Материалисты о душе предпочитают помалкивать, атеисты считают её пустым местом, в богословии это одно из самых заглавных понятий, а из обычных людей, не отягчённых специальными знаниями, о душе пытаются лепетать только поэты, и то далеко не все, а лишь те, у кого есть врождённая тяга к постижению непостижимого. Редакторам душа никогда не нравилась – ни советским, ни теперешним, однако, пользуясь случаем, рискну высказать несколько незрелых мыслей в надежде, что кто-нибудь из людей, действительно знающих, внесёт ясность в заявленную тему.

Не вызывающее уже полтора века возражений определение души принадлежит В. Далю: «Душа ж. бессмертное духовное существо, одарённое разумом и волей...» Сопоставим с другим определением того же автора: «Смерть ж. (мереть) ... конец земной жизни, кончина, разлучение души с телом, умирание,

состояние отжившего...», «человек рождается на смерть, а умирает на живот, на жизнь», – вот действительно величественная идея, которая определяет наше человеческое всё – бессмертную душу. И цель каждой жизни – сбережение души от повреждений грехами, хотя Бог и оградил её от уязвлений двумя заслонами – стыдом и совестью.

Первый заслон – это стыд, который начинает обжигать и знобить душу, когда к ней пытается прикоснуться что-нибудь противоестественное. Стыд заставляет нас вступать в схватку со злом, которое в наши дни маскируется под толерантностью и призывает дать место в жизни тому, что от начала человеческого рода считалось грехом и поганством. Стыд до сих пор является действительной защитой души, но его очистительное действие чаще всего совершается уже после дурного поступка, когда тот уязвит совесть, в которой, как в сберегающем коконе, пребывает человеческая душа. В этом случае, как пишет Василий Великий... «для рассуждающих здраво самое тяжкое наказание – стыд, известно, что оно будет и на суде, потому что одни воскреснут «в жизнь вечную», а другие – на вечное поругание и посрамление». (Дан. 12.2)

Преодолев стыд, грех поражает совесть, и та начинает терзать и мучить душу до полного её омертвления, то есть до бесчувствия. И надо признать, что число людей с бесчувственной душой множится и скоро составит ту критическую массу, когда излечение народа может стать невозможным. Что за этим последует, предсказать нетрудно, и в первую очередь нужно осознать, что солженицынское «жить не по лжи» разрешает каждому определять для себя свою правду, но народ всегда жил и живёт по совести, и она дана каждому от Бога, а не от политбюро и администрации президента или мирового правительства. Но руководители страны взглянуть правде в глаза как-то стесняются, хотя нужно безо всяких отлагательств и оглядок признать душу народа (и каждого человека) национальной сверхценной идеей, а для её сбережения объявить вне закона довлеющее над людьми иго антиценностей, восторжествовавших в России.

Конечно, пропасть между властью и народом не исчезнет в один день, но, сохраняя душу народа, власть в России со временем сможет стать по-настоящему легитимной, поскольку будет поддерживаться и Богом, и людьми, а не возникать, как сейчас, из бедлама партийных выборов.

Душа как вектор развития страны – единственный проект, достойный вселенского предназначения России.

Нашими недоброжелателями уже многое сделано, чтобы лишить народ чувства стыда, ослепить его совесть, но полностью обесстыдить русского человека невозможно, потому что его суть, то есть душа, скорее расстанется с телом, чем даст себя превратить в нравственного уродца.

В каждом человеке есть бессмертная Божья искра, по-другому назвать – душа. Куда же она стремится? Что обретёт в конце своего пути?

*Она стремится к своему истоку:
И только ей, вселенской гольтьбе,
Господь поволит знать к нему дорогу
И крестный путь изведать на себе.*

-2-

– А что, – сказал я, – Митя действительно умник, без всяких кавычек. Написать такое дано далеко не каждому.

– Настоящий ум проявляется не в словах, а в делах, – не согласился Козырев. – Я понял это окончательно не далее как вчера, когда беседовал с твоим диктофончиком, вернувшись из поездки в свои молодые годы на городскую окраину к родительскому дому. Якать не люблю, поэтому говорю о себе как о постороннем человеке.

Он вынул из ящика стола диктофон и нажал клавишу. Говорил Андрей Ильич неторопливо и отчётливо, временами делая небольшие паузы.

«...Правду люди говорят, что у бога всего много. Взять, к примеру, снежинки: сколько их с неба падает, тьма-тьмушая, а ведь все друг от дружки отличаются своими узорами. Что в таком разе говорить про человеческую породу: и обличием люди разные, и норовом, особенно русский народ. Согласен, что наш человек не знает свободы, как англичанин, и никогда не знал, но право на личную дурь у него никто не отнимал и даже не покушался на это, ни Орда, ни французы и немцы, ни дорогой товарищ Сталин, ни прочие генсеки, а ныне президенты. Конечно, власть пыталась всякий раз подстричь людишек под одну гребёнку, да все бестолку. Русскому человеку – как об стенку горох: что социализм, что буржуинство, у каждого наперёд всего стоит свой норов, своё понятие о жизни, иногда вполне глупое, даже дурацкое, но своё.

Вот и Андрюшка Козырев таким уродился, имел, как и всякий русак, свою особинку. С молодых ногтей в нём обнаружилась бездна простодушия, помноженная на упрямое сопротивление начальственному духу, в чём бы тот ни проявлялся. Правда, некому было загнуть вовремя Андрюшке салазки: отец куда-то сбежал, а мать по слабости характера не смогла внушить сыну, что родное начальство надо почитать как своего ангела-хранителя. Без этого на Руси нельзя ступить и шагу, хоть родись ты с золотой ложкой во рту, обязательно найдётся какой-нибудь чиновный прыщ, который уязвит строптивца до самых печёнок, покажет ему кузькину мать и небо с овчинку.

По младости лет, до поры до времени, Андрюшка не ведал про свою особинку, случая не было, чтобы она выказалась, да и не перед кем было выпендриваться. Жили они с матерью в насыпной избёнке на краю посёлка, яслей и детсада поблизости не было, и до первого класса Андрюшка обретался возле дома в огороде промеж грядок или на задах, в лопухах и конопле, где с соседскими мальцами играл в обычные для того времени детские игры.

Тогда люди жили просто и бедно, время послевоенное, страна едва отдышалась от войны, разных там телевизоров и других электронных причудалов, искривляющих развитие детского ума, не было, всякий человек появлялся на свет с чистой, как вытертая классная доска, душой, на которую жизнь записывала свои корявые письмена. И Андрюшке было записано: строить светлое будущее всего человечества – коммунизм, не помышляя ни о чём ином, поскольку всё иное – родимые пятна капитализма, а их нужно выводить, не гнаться за деньгами и личными шмотками-манатками. В светлом будущем будет всё общее и всего будет вдоволь.

Другой бы усомнился, но Андрюшка, простая душа, во всё это светлое будущее уверовал, что там обязательно будет править справедливость, все станут жить по правде и совести и до того времени рукой подать, вот он, Андрюшка, повзрослеет, и всё сбудется.

А пока пришлось ему после девятого класса бросить школу и идти на завод. Видел, как тяжело матери приходится кормить-одевать его, орясину, получил паспорт и сразу в отдел кадров. Там ему работу нашли быстро, в формовочный цех, кирпичи сырые от пресса на электролафеты закатывать.

На «кирпичиках», так между собой люди кирпичный завод

прозвали, в основном работал молодняк, что из деревень сбежал. Деревенским паспорта стали давать, а в городе не прописывают, вот они и пёрли на «кирпичики», здесь и общежитие, и зарплата была, а не трудодни, как в колхозе.

Отработал Андрюшка на формовке год, окончил вечернюю школу. И ничего лучшего не придумал, как поступить в техническое училище учиться на слесаря-ремонтника. Только поступил, как послали его на уборку урожая, тогда это было обычным делом.

Поставили Андрюшку на копнитель, показали педаль, на которую следует нажимать, когда агрегат соломой наполнится, и строго указали, чтобы он ставил копны на одной линии одну за другой, тогда волокушей способнее их в скирду собирать. Проинструктировал Андрюшку бригадир и махнул рукой трактористу. Трактор выстрелил очередью дымка из выхлопа, задрезжал, завыл, наконец тронулся с места и поволок за собой комбайн «Сталинец», огромную громыхающую махину, мини завод на колёсах по производству зерна. В копнитель полетела солома, а ещё больше земляной пыли с половой. Пока соломы было немного, Андрюшка расталкивал её по сторонам вилами, но она так пёрла из комбайна, что с ней не было сладу. Он нажал на педаль, но копнитель не опрокинулся. Андрюшка ещё раз нажал на педаль, опять бесполезно. Он замахал руками и заорал. По комбайну к нему прополз мальчишка, штурвальный.

– Прыгай в копнитель! – крикнул он. – Иначе не опростаешь!

Андрюшка, не раздумывая, бросился ногами вперёд в копнитель, дверцы разомкнулись, и солома вместе с ним вывалилась на землю. Он лежал под копной, понемногу приходя в себя от испуга, в ноздри набилась сухая пыль, Андрюшка чихнул и стал выбираться наружу.

– Ты что, стервец, натворил! – раздался над ним грозный, с булькающей хрипотцой, голос.

Андрюшка встал на четвереньки, открыл глаза и увидел прямо перед собой хромовые начищенные сапоги. Поднял голову выше – перед ним в галифе и кителе-«сталинке» стоял разъярённый начальник. Вокруг были ещё люди, и среди них председатель колхоза.

– Ты как копны ставишь, вредитель! Это – твой?

– Городской, – хрипло вякнул председатель.

И тут на Андрюшку накатила стух, он этак гордо распрямился и брякнул правду-матку:

– Что вы на меня орёте, товарищ? Я такой же советский человек, как и вы. И не кричите на меня!

Человек в кителе от удивления и неожиданности даже почернел, а затем затопал ногами и прохрипел Змеем Горынычем:

– Судить мерзавца!

Андрюшка пожал плечами, повернулся и пошёл прочь. В деревне возле дома, где он ночевал, его ждал предколхоза.

– Рви, парень, когти отсюда! Скоро следователь явится. Беги задами на большак и лови попутку.

– Кто это был?

– Первый секретарь райкома партии. Беги! Меня ты не видел.

Тот не заставил себя упрашивать, подхватил свой чемоданчик и поспешил на большую дорогу. К вечеру он был дома.

– Ты что-то скоро, сынок, – сказала мать.

– Не хочу учиться, – ответил, пряча глаза, Андрюшка. – Пойду на стройку.

Зачислили Козырева плотником самого низшего разряда, дали в руки топор, и стал он приколачивать доски и горбыли к опалубкам, в которые затем заливали бетонный раствор для фундаментов. Работа была легче, чем на формовке, в одну смену, два выходных в неделю, и начал Андрюшка книжки почитать, но не как все нормальные люди про любовь или войну, а политические, за сочинения самого Владимира Ильича Ленина взялся. Но читал не всё подряд, а про коммунизм выискивал, что сказал вождь про это самое неизбежное счастье всех людей. Однако мало что отыскал, Ленин о коммунизме написал всё мельком да впопыхах, видно, торопился сначала революцию сделать, а потом уж поразмыслить, как народ ошастливить.

В заводской библиотеке он разговорился с соседом по посёлку Антоном, тот вместе с Андрюшкой на формовке вкалывал и учился заочно на экономиста.

– Корень всего в экономике, – сказал Антон – А вся экономика в «Капитале» Карла Маркса. Знаешь такую книгу?

– Слышал, но не читал, – ответил Андрюшка.

– Вот возьми его и читай. Там всё есть.

Козырев взял первый том «Капитала», но через месяц пришёл к Антону.

– Ничего я не понял в «Капитале».

– И я не понял. Но это не беда. Сейчас в газетах про коммунизм каждый день пишут. Ты в курсе, что в Москве идёт съезд партии?

– Слышал по радио. А что?

– Вот тебе газета, – сказал Антон. – Здесь написано, что коммунизм у нас будет через двадцать лет.

– Да ну, вот здорово! – обрадовался Андрюшка. – Значит, мы с тобой ещё при коммунизме успеем пожить!

Доклад Хрущева был в тыщу крат понятнее «Капитала», и Козырев прочёл его залпом. Потом перечитал ещё два раза, благо что выходные были, и в понедельник захватил его на работу.

Плотницкая работа на опалубках – дело не слишком хитрое, стучи топором, швыркой пилой, гвоздями большими работали, в губы не зажмёшь, подхватывали их из ящика, поэтому плотники с утра и до вечера о чём-нибудь да говорили, в основном про политику. После смерти Сталина разговорчивое время настало, всякий человек вдруг заимел своё мнение, хотя черпал его из газет или телевизора. Андрюшка тоже встречал в разговоры и нёс всякую околесицу про светлое будущее. Мужики с ним работали битые, учёные – кто фронтом, кто лагерной зоной. Они не подсмеивались над парнем, когда тот им доказывал, какая удивительная гармония и благоденствие воцарятся среди людей при коммунизме, однако допытывались, где всё это он вычитал. А тому и ответить было нечего. Так что газета с докладом попала к нему в руки как раз вовремя.

– Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме! – объявил Козырев, разворачивая газету.

– Что так прямо и написано? – спросил кто-то.

– Вот и написано, – сказал Андрюшка и показал отчёркнутые карандашом строчки. – В жизнь воплотится лозунг: «От каждого – по способности, каждому – по потребности».

Мужики не спорили, раз в газете написано, значит, это правда. Только бывший власовец буркнул:

– По нашим потребностям давно уже коммунизм, надо считать, на дворе.

Остальные не сомневались:

– Раз начальству надо, чтобы коммунизм был, так пусть и

будет. Мы – за.

– Вот ещё в «Моральном кодексе строителя коммунизма» сказано: «Человек человеку – друг, товарищ и брат».

Тут прораб появился, мужики за топоры схватились, за пилы, а Андрюшка стоял с развёрнутой газетой в руках.

– Политинформацию проводишь? – буркнул прораб.

– Да нет, – замялся Андрюшка. – Про коммунизм тут написано.

– Правильно делаешь, что газеты читаешь, глядишь, дураком не помрёшь, – сказал прораб. – А сейчас, мужики, собирайтесь, берите инструмент и садитесь в автобус. И ты, Козырев, не отставай, может, сегодня и увидишь, как люди при коммунизме жить будут.

Сели всей бригадой в автобус и поехали. Долго ехали, город проехали, поле, лес впереди замаячил. Возле него и остановились, вышли из автобуса, глядят, а вдоль края леса дома новые из сосновых срубов стоят, где в два, а где в целых три этажа. К одному из таких домов, похожему на сказочный терем, и подвёл прораб плотников.

– Нужно, мужики, забор вокруг поставить, – сказал прораб. – Учтите, работа ответственная.

– Что это, шабашка? – спросил Андрюшка. – Платить за работу кто будет, Пушкин?

– Молчи, парень, и посапывай в две дырочки. Не твоего ума дело.

Из терема хозяин колом выкатился, рожа: щёки сзади видно.

– Вы мне забор сделайте, чтобы ни одной щёлки не было, плотно доски подгоняйте, как в бочке!

Проскочил мимо плотников, сел в легковушку и укатил, только пыль столбом за ним поднялась.

Через неделю вокруг дачи стоял забор из фугованных досок, плотники вернулись на опалубки. Подошёл день полочки, и оказалось, что их надули, заплатили меньше, чем обычно. Бригадир пошёл разбираться в контору, вернулся и махнул рукой.

– Оказывается, нам ту неделю, что мы забор делали, закрыли по тарифу. А это меньше, чем сдельно.

Мужики недовольно зашумели, кто сплюнул, кто выматерился, а бывший власовец ткнул в Андрюшку пальцем:

– Ты собираешься двадцать лет коммунизм ждать, а тот хряк, кому забор ставили, давно при коммунизме живёт!

Возмутился Андрюшка и давай подбивать мужиков на сопротивление начальству:

– Рабочие должны бороться за свои права. Надо объявить забастовку, выдвинуть требования, написать в газету!

Мужики сочувственно слушали, бригада в этот день так и не приступила к работе, а утром к началу смены на стройплощадку примчался управляющий трестом. Он бурей налетел на Андрюшку, обложил матом, затопал ногами, только огнём из своего хайла не опалил.

– Растопчу! Размажу! Шкуру сдеру! – вопил управляющий – Вон из моего управления! С волчьим билетом!

Плотники разбежались кто куда, а Андрюшка, хотя и вспотел от страха, но не дрогнул.

– Это не ваше стройуправление, – сказал он. – Собственность на средства производства при социализме общенародная, и вы такой же работник, как и я.

Управляющий трестом умолк, пристально вглядываясь в стоящего перед ним парня.

– Умник, – осклабился он. – Точно – умник. Он часом у вас не больной?

Прораб пожал плечами.

– Я его предупреждал.

– Вот что, – решил начальник. – Гони его в шею, по статье! Остальных лишит прогрессивки! Я вам сделаю козью морду, забастовщики!

– Неудобный из тебя человек растёт, Козырев, – сказал, проводив начальника, старый прораб, битый во всех передрыгах строитель, неоднократно побывавший под следствием и судом.

– Это почему, – заершился Андрюшка.

– Много болтаешь, а по сторонам не оглядываешься. Для такого, как ты, главный враг – собственный язык. И начальство их не любит, и жёны бросают.

– Я правду говорю. Должна быть одна справедливость для всех.

– Помалкивай в тряпочку, оно лучше будет. А теперь ступай к кадровику, может, без статьи тебя уволит.

Кадровик, отставной лагерный опер, был уже в курсе дела.

– Распустили вас, сволочей, – проворчал он. – Нет на

вас, уродов, Лаврентия Павловича! Десять лет назад за твои делишки тебе бы срок впаляли, а сейчас закон другой. У тебя приписное свидетельство, скоро призовут, поэтому уволить не имеем права.

Андрюшке объявили строгий выговор и оставили в бригаде. Но мужики начали его сторониться, чуть он заговорит – все от него врассыпную. Козырев душу отводил в разговорах с Антоном. Тот его слушал и книжки давал почитать, всякую философию и политэкономия. От них у Андрюшки большая каша в мозгах заваривалась. Но тут догнала его повестка из военкомата...»

– Ну как, годится для книжки про мою жизнь? – сказал Козырев.

– Ещё как! – воскликнул я. – Такое выдумать невозможно. Можно, я это перепишу?

– Ты, я гляжу, недалеко ушёл от Мити, – усмехнулся Козырев. – Всё это надо выбросить и забыть.

Крепко ошибаются те, кто думает, что богатеи тратят деньги без всякого счёта и на что им вздумается. Скажу сразу, это мнение не соответствует действительности, сужу по «Народной Инициативе», где каждая копейка строго учитывалась и тратилась в соответствии с требованиями рынка, то есть только на то, что было выгодно акционерам концерна. Празднование юбилея президента Козырева было предусмотрено финпланом, бумажная казуистика переключалась из развитого социализма в ельцинско-путинскую эпоху без всякого для себя ущерба, поэтому я взял листок бумаги и скоренько настроил заявление на получение пятидесяти тысяч рублей для авансирования Митиной пассии после заключения с ней договора на участие в скороморшном представлении.

Андрей Ильич внимательно прочитал моё требование, кое-что зачеркнул и дописал.

– Не жмотничай! – нравоучительно произнёс он. – Что такое сейчас пятьдесят тысяч? Отдай этой, как её там, сто тысяч, а договор оформим на триста.

– Не много ли будет за такую уйму деньжищ всего один раз

сигануть в Волгу?

– Даже мало, – хмыкнул Андрей Ильич. – Митина влюблённая блажь обойдётся мне никак не меньше пятиста тысяч рублей. Триста – за амортизацию этой особы и двести тысяч – отступные. Или я что-то не так говорю?

– Отступные – это уже лишнее. Митя вряд ли увлечётся ею всерьёз.

– Я плачу двести тысяч не за то, что она отлипнет от Мити, а за молчание в будущем, когда они разбегутся в разные стороны.

– А вдруг этого не случится? – сказал я, забрав подписанное заявление. – Или случится, но не так скоро.

– Тогда это обойдётся мне в такую же сумму, но в долларах, а может, в фунтах стерлингов, смотря по тому, где они захотят провести медовый месяц, – хладнокровно сказал Козырев. – Я им мешать не буду по той простой причине, что не смогу. Митя не беден, у него есть свой капитал, которым он вправе распоряжаться по своей воле. Кстати, спроси его, не думает ли он и на мой день рождения разразиться какой-нибудь новой статейкой? А эта мне понравилась, только сейчас людям не до души, все заняты выживанием.

Андрей Ильич повернулся к компьютеру и стал перечитывать статью сына, а я из его кабинета направился в бухгалтерию. Там за полчаса сварганил договор на оказание услуг гражданкой такой-то по проведению культурно-массового мероприятия для сотрудников «Народной Инициативы» на триста тысяч рублей, из коих сто тысяч ей вручаются в виде аванса немедленно, по подписанию ею данного трудового соглашения.

Пока сотрудница распечатывала в четырёх экземплярах юридически безупречный документ, я созвонился с Митей и понял, что он не один.

– Только что пришёл Чистяков.

– За опохмелкой? Ты его балуешь. Поводился кувшин по воду ходить.

– Нет, он трезв. И от него пахнет одеколоном.

– Понятно, – догадался я. – Опохмелился «Шипром». Но ты никуда не уходи, я скоро буду. Кажется, я придумал, как помочь Соне.

Ответом мне было радостное восклицание влюблённого пробирочника, но я не стал выслушивать благодарности, сунул мобильник в карман, спрятал вычитанные экземпляры

договора в папку, получил деньги и покинул офис концерна.

Стрелки часов на башне возле дома Мити указывали на полдень. Зная, что в гостях вряд ли мне предложат пообедать, я зашёл в магазин, где отоварился продуктами, которые были приготовлены на предприятиях «Народной Инициативы», и был слегка удивлён, что все они стали дороже процентов на семь, хотя о повышении официально не объявлялось. За два десятка лет жизни при новоявленном буржуазном строе народ крепко усвоил, что грабит его не кто-нибудь лично, а инфляция. А на неё управы нет, и не предвидится, поскольку она исходит из таких дебрей экономических взаимоотношений, заглянуть в которые не под силу даже нашему самому умному и честному правительству, какое только было в России за все времена существования государства.

– Что решено с Соней? – едва открыв дверь, сказал Митя.

– Ты хочешь посвятить в свои дела этого лирического охламона? – я кивнул в сторону кабинета, где находился Чистяков.

– Пойдём на кухню.

Закрыв за собой дверь, он повернулся ко мне с таким безоглядно-трепетным ожиданием, что я невольно позавидовал его способности так страстно переживать заурядное любовное приключение. Митя искренне верил, что первая встреченная им на берегу Волги девица и есть то самое счастье, что ему послано судьбой, и другого выбора для него больше не существует.

– Как решил отец?

– Причём здесь он? Андрей Ильич такими мелочами не занимается. Вопросы подобного рода находятся в моей компетенции, – нагло заявил я и значительно нахмурился. – Соня может быть принята на работу как одно из главных действующих лиц водной феерии, которая будет представлена на юбилее президента «Народной Инициативы».

В кухню сунулся Чистяков, но я сделал запрещающую отмашку, и он слинял в кабинет.

– Задумано представление с участием Степана Разина с разбойничьей ватагой, которая исполняет знаменитую песню «Из-заострова настрежень...» сбросанием персианской княжны за борт в набежавшую волну. Тебе поручается исполнить роль атамана, а твоей ненаглядной – княжны, с выплатой бешеного гонорара – трёхсот тысяч рублей, или десяти тысяч долларов.

Митя вопреки моим ожиданиям не запрыгал от радости, а засопел и заходил по комнате.

– Чем же твоя милость не удовлетворена? – сказал я. – Не хочешь – откажись. Моя Люба да ещё десятки тысяч баб с удовольствием свалились бы в Волгу за такие деньжищи не со струга, а с трубы самого высокого теплохода во всем Волжском бассейне.

– У неё другие принципы!

– Как мне понимать твоё заявление?

– Она на такое не пойдёт, – дрожащим голосом произнёс Митя. – Разве нет какой-нибудь другой работы, которую можно было достойно оплатить.

– А эта работа чем недостойна? Падать в воду она будет не нагишом, а в платье. Ей просто предлагают поучаствовать в самодеятельности за десять тысяч баксов, а ты куражишься. Но ты не имеешь права решать за неё. Во всяком случае, чтобы покончить с этим делом, я должен выслушать её. И не по телефону, а при личной встрече. Поэтому провожай Чистякова и едем к твоей зазнобе.

– Он недавно пришёл, ещё не знаю, зачем, – сказал Митя. – Кстати, он совершенно трезвый.

– Хорошо, поговори с ним, а я послушаю и заодно приготовлю на всех яичницу с колбасой. У меня сегодня во рту даже маковой росинки не побывало.

Чистяков сидел на стуле, упёршись локтями в стол, и читал газету. На наше появление он отозвался ироническим пофыркиванием и, затушив окурок в пепельнице, провозгласил:

– Пока вы там шептались, я вычитал поразительную новость: со вчерашнего дня Путин объявил себя врачом всей Руси! Вот тут чёрным по белому: «Задача власти – не только мёд наливать в чашку, но и горькое лекарство преподнести. Но делать это нужно всегда честно, открыто – и тогда подавляющее большинство поймёт эту власть и поддержит её», – заявил Путин.

– Так и сказал? – живо откликнулся Митя.

– Вот читай.

Митя взял газету, прочитал очерченный ногтем абзац и вздохнул:

– Ляпнул, а что ляпнул? Спроси – не объяснит.

– В чём же тут ошибка? Вроде всё правильно – наш народ

нуждается в постоянной встряске, с ним заигрывать нельзя, – сказал я, наливая на сковородку постное масло.

– Дело тут не в заигрывании, а в признании, что наш народ болен, – сказал Митя. – Такого никто не говорил – ни цари, ни генсеки. И вот явился Путин и объявил себя не вождём и учителем, как Сталин, а врачом народа. Такого ещё в русской, да и в мировой истории не было.

– Ты сгущаешь краски, – заметил я. – У Путина и в мыслях не было того, что ты ему приписываешь.

– А ты никак не поймёшь, что если народу собираются дать горькое лекарство, то он уже признан больным, о чём уже неоднократно заявляли советники. Осталось только по-путински честно объявить русскому народу диагноз его болезни.

– Про это уже четверть века говорят все, от Солженицына до Юргенса, – сказал Чистяков.

– Да не может народ быть больным или здоровым, – осерчал я всерьёз. – Это злобные выдумки.

– А ты как думаешь, Митя? – сказал Чистяков. – Я прочитал твою статью о национальной идее и уверен, что у тебя есть своё трезвое мнение.

– Путина надо благодарить за то, что он хоть и неуклюже, но задел самую болевую точку русского самосознания. Пожалуй, первым сказал об этом Достоевский: «Основная болезнь народная – жажда правды, но неутолённая». Именно этим русский народ болен всегда. Но эта хворь не мешала ни Ивану Грозному, ни Сталину, они, наоборот, сами были заражены этой всенародной болезнью, и это доказывается тем, что они не отделяли себя от народа. Но вот явился Путин, который намеревается дать народу горькое лекарство, чтобы излечить его навсегда от жажды правды, то есть от справедливости.

– Разве извечную тягу народа к справедливости можно считать болезнью? – сказал я, оторвавшись от приготовления яичницы. – Справедливость – не вредная привычка к табаку, от неё никакими лекарствами не избавиться. Она – исконное свойство русской души: вынь из неё справедливость – и от человека останется одна оболочка.

– Ты, Игорь Алексеевич, ещё не знаешь, какую статью написал Митя в Интернете о национальной идее России; в ней – всё о душе, и такое, о чём я даже не догадывался, – сказал Чистяков.

– Час назад прочитал, по рекомендации босса. Андрею Ильичу твоя статья, Митя, тоже показалась интересной. А что Интернет? Есть отклики, комментарии?

Я поставил сковородку на железную подставку и выложил на стол всё, что купил в магазине.

– Глухо, как в танке, – сказал Чистяков. – Я только заглядывал в Интернет. Для публики, которая тусуется в Живом Журнале, сама мысль, что человеку в первую очередь присуща душа и лишь потом – всё остальное, кажется первым признаком ненормальности, но есть и вменяемые люди, и эта статья для них. Надо обязательно её куда-нибудь послать, в журнал или ещё куда-нибудь.

Митя задержался с ответом, поскольку был занят уничтожением моего шедевра кулинарного искусства. Не отставал от него и Чистяков. Пока я был занят приготовлением кофе, они съели яичницу и уже принялись за колбасу.

– Хозяина наказывать не стану, – сказал я. – А тебе, поэт, придётся сделать яичницу для меня.

Чистяков согласно кивнул и потянулся за остатком колбасы, но мне удалось её схватить первым.

– Я свою статью отослал, но не в журнал, а человеку, кто в силу своей должности отвечает за сбережение души каждого человека в России, – сказал Митя. – Ещё две недели назад отослал, когда в Москве был.

– Если ты отправил её патриарху, то его святейшеству, для того чтобы дать тебе ответ, придётся проводить заседание синода, – возгласил Чистяков. – А это дело долгое и бесперспективное. Это здесь ты – Козырев, а там тебя никто и слушать не станет.

– Я послал статью не патриарху, а президенту, – заметно разволновался Митя. – Исполнять, что провозглашено – прямая обязанность главы государства: оберегать не только незыблемость государственных границ, но и целостность народной души от повреждения грехами. Президент обязан инициировать законы, которые чётко определяют, что является чёрным, а что – белым. Между истиной и ложью не должно существовать ничего усреднённого, составленного из этих двух взаимоисключающих друг друга утверждений.

– Не думаю, что ты сможешь заинтересовать президента своим проектом. Он занят реальной политикой, а она испокон веков сторонила правды, как чёрт ладана. Что до

моего мнения, то признаюсь, что враньё не доставляет мне удовольствия, но без него не обойтись, чтобы не помереть с голоду, чтобы содержать семью, чтобы не выделяться среди двуногих своим умничаньем. Ты материально независим и можешь себе позволить учить других уму-разуму. Кажется, Чистяков, тоже присвоил себе такое же право, недаром он, прочитав твой опус номер два, примчался к тебе в гости.

Митя выслушал меня, подошёл к окну, отворил форточку и закурил сигарету.

– Разве моя статья кому-то мешает? – спросил он голосом, подрагивающим от обиды.

– Конечно, мешает, – подтвердил я. – Ты отчётливо упрекаешь светские и духовные власти, что они попустительствуют и даже способствуют разрушению, умалению и даже опоганиванию единственно человеку присущей сверхценной сущности. Кому же это понравится? Может Чистякову? Он возьмёт да и зарифмует твою статью в поэму. Идея у тебя богатая, как раз для создания поэмы, равной лермонтовскому «Демону».

– А что – и напишу! – сказал Чистяков, ставя сковородку с яичницей на стол. – Вот беда: посолить забыл! Ага, вот и солонка.

– Президент на статью откликнулся или нет? – продолжил он. – Может, написать ему, чтобы мне дали грант на создание поэмы. Наш губер поэзию не жалуется, ему современное искусство втемяшилось в башку. Вообрази, Митя: пятьдесят миллионов рубчиков выделяют на двадцать пять грантов. Уже и проекты появились. «Картонный город» – как тебе? Или: нащёлкать фоток на родине художника Пластова и повесить их рядом с иллюстрациями его картин? Может, и мне написать поэму о душе на товарных чеках какого-нибудь супермаркета и получить под это дело несколько миллионов рублей?

– погоди с этим, – сказал я. – Кажется, президент ещё раздумывает, как ему отреагировать на трепетное послание Дмитрия Андреевича. А может, он его отдал в Академию наук, и там сейчас ломают голову над ответом? Хотя что мы такое говорим, ведь вопросов в письме нет, там только ответы. Значит, ответа и не будет.

– Вопрос есть, – сказал Митя. – И ответить на него сможет только президент.

– И что это за вопрос? – загорелся Чистяков.

– Я спросил: «Кто в России отвечает за душу народа?»

– Ну ты даёшь! – всплеснул руками Чистяков. – Ты ведь попал в самую что ни на есть точку, в которую сейчас нацелились все модернизаторы России: от либералов до власовцев. Все они, и президент вместе с ними, считают, что русского человека надо немедленно переформатировать, чтобы окончательно не отстать от столбовой дороги человеческой цивилизации, о русской душе они и слышать не хотят, а ты требуешь, чтобы душа стала национальной идеей России.

– Ты думаешь, президент не ответит? – прошептал Митя. – Конечно, он занятой человек, но у него много помощников.

– Один из таких помощников находится рядом с нами, – развязно заявил Чистяков. – Пусть он тебе и ответит.

– Игорь Алексеевич здесь ни при чём, – сказал Митя. – Конечно, скорее всего, меня ответом не удостоят: и вопрос не от мира сего, и сам вопрошатель не представляет собой ничего такого особенного, так – обыкновенная двуногая мелочь.

– А ты, хочешь, чтобы тебе ответили? – сказал я. – Тогда обратись в Госкомитет по труду и спроси: есть ли в перечне профессий и должностей Российской Федерации ответственный за душу народа? Ответ очевиден – нет такой должности, нет такой профессии. Есть уполномоченные по правам человека, ребёнка, каких-то ещё категорий граждан, но уполномоченного по русской душе нет и вряд ли такой предвидится. Но, допустим, такую должность введут, а что толку? На все сто уверен, что на неё назначат самую никчемную личность, да ещё с израильским паспортом, как у пересмешника Хазанова.

– Сейчас я вижу, что задал глупый вопрос, – сказал Митя. – Конечно, отвечать за чужую душу никто не возьмётся. Каждый из нас вправе распорядиться собой сам, но далеко не каждый способен это сделать, ибо пребывает в сумеречно-дремотном состоянии и не догадывается, что у него есть душа. Наверно, я задал свой вопрос не по адресу: за душу отвечает сам человек, а не президент, ибо он всего-навсего чиновник. Это с царя можно было спросить, с того же Николая Второго: ему дана была от бога держава, он венчался на царство, но Россия державного жениха чем-то крепко не устроила и разобидела, и он от неё отрёкся. А народ как рассудил?.. Раз нет царя, значит, нет и Бога, или он так далеко, что попустительствует разрушению державы. Треснула вера в бога, и эта трещина прошла по душе каждого человека.

– Теперь я понял, кто ты на самом деле! – воскликнул

Чистяков. – Ты протестант! Ты на туманном Альбионе забыл, что Россия – другая страна, и протестантов здесь нет и не будет.

– В таком случае ты должен знать, что без помазаника божьего, без царя, православие немыслимо. Русский человек уже почти целый век оставлен с богом один на один, между ними нет посредников, а нынешние священнослужители равноудалены от бога и народа.

– Откуда тебе это знать? – пробурчал Чистяков. – Ты и месяца здесь не прожил.

– Откуда, спрашиваешь? Отсюда. – Митя постучал пальцем по ноутбуку. – Да и русских в Англии и Франции сейчас пруд пруди. И все недовольны церковью, считают её ископаемым раритетом, врагом прогресса и либерализма.

– А сам-то ты как к ней относишься? – сказал я, заподозрив, что Митя нас разыгрывает, чтобы поумничать, а затем и блеснуть на английский манер остроумным доказательством, что всё сказанное им не соответствует действительности. И я не ошибся.

– Мне от всего сердца жаль, что православная церковь гибнет на наших глазах. Высшие иерархи взирают на народ с пренебрежением, которое дошло до того, что видят в нём причину всех своих несчастий. А русский народ по уровню образования не уступит ни одному народу в мире. Ему о православии должны возвещать не батюшки, окончившие духовные училища, а священники, имеющие основательную богословскую подготовку. Но до этого бесконечно далеко. Что говорить о простом народе, если сам патриарх не захотел или не сумел втолковать президенту, что его главная державная задача – сохранять душу народа от повреждения грехами.

– Кажется, ты уже наворотил лишку, – остановил я Митю. – Ты знаком хотя бы с одним попом, чтобы так с плеча судить о православной церкви?

Митя покраснел и закусил губу.

«Так тебе и надо, – злорадно подумал я. – А то разболтался, как дед Мазай перед зайцами и, кажется, забыл о своей зазнобе, которую Андрей Ильич решил для него купить, чтобы сделать из сына настоящего, без сексуальных заморочек, мужчину».

– Это дело поправимое, – пришёл на выручку своего щедрого на угощения спонсора Чистяков. – Я как раз и зашёл сюда с тем, чтобы пригласить тебя, Митя, к удивительному человеку,

между прочим, твоему читателю, отцу Антонию. Кстати, это он мне показал сегодня твою статью.

– Ты что, по утрам не в пивную идёшь, а в церковь? – удивился я. – И как, помогает, если с перепоя?

– Отец Антоний сказал, что он нигде ещё не встречал столь убедительного выражения русской национальной идеи, – не обращая внимание на мое ёрничество, сказал Чистяков. – И он не прочь с тобой свести знакомство.

– А ты часом не сказал попу, что автор шибко поразившей его статьи не кто иной, как сын очень состоятельного человека?

– Твой наставник, Митя, меряет всех на свой аршин, – ядовито заметил Чистяков. – Да, он спросил, кто автор? На что я ответил, что это – молодой парень, получивший образование в Англии. Отец Антоний этому очень удивился и высказался в том духе, что английское образование, оказывается, может пойти на пользу русскому человеку, если им с толком распорядиться.

– Что ж, Митя, решай, куда тебе ехать? – прервал я болтовню поэта. – Или к попу, или к особе, которую ты намеревался облагодетельствовать. Деньги при мне. Можешь их забрать под расписку и отдать, кому пожелаешь: или тому, кому они предназначены, или попу, или Чистякову – глянь, как он взбодрился, услышав про деньги, словно стакан водки хлопистнул.

– Меня винят в нетрезвии, не ведая о том, что чёрный яд поэзии не лечат молоком, – заявил поэт, окинув меня взглядом, полным презрительного укора. – Пьяницы на Руси не переведутся, а вот поэтов скоро не будет.

– Нет худа без добра, – хохотнул я. – Поэтам в России следует заткнуться хотя бы лет на пятьдесят и не отвлекать народ от прочтения того, что действительно ценно: Пушкина, Тютчева, Блока, Есенина. Великие поэты погребены под кучами словесного мусора, который безостановочно днём и ночью извергают стихотворцы. Про тебя, Чистяков, я не говорю, ты не печатаешься, у тебя всего одна книжка.

– Две, и скоро выходит моё избранное, – не без гордости заявил поэт. – В твёрдом переплёте, тысяча экземпляров.

– Ну это сущая безделица по сравнению с фонтанами рифмованной мурлы, которыми никак не уймётся фонтанировать литературная бестолочь. О тебе говорят, что ты талантлив. Побереги себя и оставь Митю в покое.

– Я сам знаю, как мне поступать! – вспыхнул мой подопечный.

– И принимаю приглашение священника. Но сначала должен увидеть Соню. Я поеду с Чистяковым на своей машине, а ты, Игорь Алексеевич, поедешь следом.

В ответ на столь решительное заявление мне осталось только пожалть плечами. Пробирочник уже не первый раз решил проявить характер. Пусть будет так, пусть он покрутится в компании легкомысленной особы, поэтического алкаша и какого-то сбрендившего на почве русской национальной идеи попа, наверняка выходца из комсомольских активистов. Эта публика быстро прочистит наследнику козыревских капиталов мозги и облегчит содержимое его карманов, чтобы он зарёкся бросаться на шею первому встречному ласковому проходиму.

Чистякову проявленная Митей самостоятельность весьма понравилась, он схватился за телефон, но глянул в мою сторону и выскочил в коридор, плотно притворив за собой дверь. Митя подошёл к столу, выключил компьютер, вынул флешку и сунул в карман.

– Я готов, – сказал он. – Не обижайся, Игорь Алексеевич, но к священнику я поеду один.

– Да ради бога! Только прояви сдержанность, ничего не обещаю: попы мягко стелят, а спать – жёстко. Андрей Ильич поначалу дал им потачку, так они его облепили, как мухи сахарную голову. Не меньше двух лимонов баксов раздал, пока не остыл от религиозного рвения.

– И что, теперь никому не даёт?

– Как же, даёт на день ангела архиепископу пакет с пятидесятью кусками «зелени». На благотворительность.

Чистяков уже открыл входную в квартиру дверь и стоял на лестничной площадке.

– Всё! Конец связи, – произнёс он и сунул трубку в карман. – Отец Антоний нас ждёт в любое время.

Следуя за митиной машиной, я никак не мог понять, чем заманил Чистяков моего пробирочника к попу, если он согласился оторваться от своей зазнобы, которая после получения денежного куша должна была сделать по отношению к потерявшему голову парню ответный шаг? Мне бы никогда в голову не пришло оставить дожидаться цветущую женщину, а самому сломя голову мчаться неизвестно зачем на другой конец города. Для любого мужика это выглядит как явная глупость. А

для пробирочника?.. Но я тут же вспомнил, как Митя уламывал Соню хоть на немножко раздвинуть свои прекрасные ножки, и отверг подозрение, что он несостоятелен в сексуальном отношении. Пробирочник был сверхнормален, иначе бы не поглядывал на Соню мутными глазами и не взмывал, как двухгодовалый бычок, от одолевшей его страсти.

И тут мне пришло в голову, что вокруг Мити, не успев он появиться в городе, сразу стали происходить странные события, и причиной был почти во всех случаях он сам. Разве не странно, что он замутил наше стоячее болото речушкой про враньё. Ну ладно, сказанул один раз, обозначил себя – и наслаждайся жизнью на Бесстыжем острове, так его потянуло нарисоваться в Живом Журнале со статьёй, которую отправил президенту страны. Тут ещё эта шустрая Соня из кустов выскочила. Сегодня вот рандеву с попом. Об этом отце Антонии мне кое-что уже было известно: лет двадцать назад он провозгласил анафему тем евреям, что ломанулись из Советского Союза, оплёвывая всё русское и советское, на свою историческую родину. Его, кажется, на какое-то время архиепископ отстранял от служения в церкви, во всяком случае, до сегодняшнего дня я о нём не слышал. Но судя по тому, что поп якшается с Чистяковым, он не оставил своих прежних ретивых замашек, и от него можно ожидать самой неожиданной выходки. У поэта в приятелях всегда были люди особого пошиба – от бандитов до начальника областного уголовного розыска, который в свободное время виршеплетствовал и отдавал свои стишата на оценку признанному мэтру Чистякову. В определённом смысле поп и поэт были два сапога – пара, и с ними ухо надо было держать остро.

За квартал до Сониного дома Митя прибавил газу, и когда я подъехал к нему, он уже стоял на тротуаре и вглядывался в окна квартиры. Чистяков перетапывался с ноги на ногу рядом с ним и явно намеревался сопровождать своего приятеля, куда бы тот ни пошёл.

– Охраняй машины! – сказала ему весьма пренебрежительным тоном. – Свидетель нам не нужен.

– Да-да, – пробормотал Митя. – Побудь здесь. Мы недолго.

В подъезде Митя не стал приноравливаться к моему неторопливому шагу и кинулся бегом наверх, перепрыгивая через ступеньки замусоренной бетонной лестницы.

«Как его пробрало желание прикоснуться к горячему

бабьему телу», – не без зависти подумал я и глянул в просвет между лестничными маршами.

Послышался звук дверного звонка, скрипнула дверь, раздались радостные возгласы, которые сменились многозначительным молчанием. Митин поцелуй был крепок, и я замедлил шаг, чтобы своим появлением не испортить влюблённым радостную встречу. Наконец торопливые вскрикивания и вздохи наверху прекратились, и послышался громкий шёпот Сони:

– А где твой попутчик? Ведь ты не один вошёл в подъезд.

– Значит, ты меня высматривала в окно? Ждала?

– Конечно, ждала. Но где твой спутник?

– Не беспокойся, – сказал Митя. – Он не отстанет.

Забыв обо мне, парочка удалилась в квартиру, а я, медленно переступая со ступеньки на ступеньку, стал подниматься по лестнице, чувствуя, как во мне начинает побулькивать бесовское варево из зависти, обиды и даже ревности, хотя к последней у меня не было никаких причин. Я был уязвлён тем, что мне уже никогда не быть на их месте, хотя бы потому, что мой сороковник с гаком не давал никаких надежд, что мной прельстится без всякой корысти красивая и страстная женщина. И я почувствую себя молодым, и стану тайком от жены бегать на свидания, и, в конце концов, буду разоблачён в греховной связи, покаюсь и заживу унылой семейной жизнью.

Дверь в комнату была полуоткрыта, и, переступив порожек, я оказался в крохотном коридорчике, из которого просматривалась большая часть комнаты: диван, телевизор на тумбочке, кресло, в котором сидел настороженно поглядывающий в мою сторону Митя. Соня была на кухне и щёлкала электрической зажигалкой, чтобы поджечь конфорку с газом. Она была в лёгком коротком сарафанчике, и, сглотнув слюну, я с трудом оторвал от неё взгляд. Надо было начинать разговор, а у меня в голове потрескивали искры, глаза застилала самая что ни на есть звериная похоть, которая подталкивала меня шагнуть в сторону Сони. Она обернулась, глянула на меня и, поняв моё состояние, презрительно усмехнулась.

– У нас крутая лестница, – произнесла она, продолжая усмехаться. – Не надо было так спешить. Вы забежались и вспотели. У меня есть яблочный сок. Хотите?

Но меня было трудно смутить, и, пройдя в комнату, я бухнулся на диван.

– Вы, Соня, правильно угадали, – развязно заявил я. – Я хочу, но уж, конечно, не сока, а чего-нибудь покрепче. Но увы и ах! Хотя надежд не оставляю. Однако сегодня я здесь по другому поводу. У меня есть для вас одно предложение, но прежде чем я его оглашу, позвольте спросить, как вы относитесь к Стеньке Разину?

– Это так важно? – удивилась она.

– Для вас – да.

– Я знаю о нём совсем немного: что он – атаман, выступал против царя. Кажется, его казнили каким-то ужасным способом.

– Значит, вам известно, что он однажды грозился сжечь наш город?

– Кажется, припоминаю, – сказала Соня. – Это так важно?

– Для вас – да.

– Вы меня заинтересовали. И каким образом Разин стал для меня важным делом?

– Очень просто, – я прошёлся по комнате и остановился рядом с Митей. – Давайте на минуту представим, что он Стенька Разин, а вы...

– И кто же я?

– Пленённая атаманом персидская княжна.

Соня подошла к Мите и, обернувшись в мою сторону, сказала:

– А нельзя ли подробнее. То, что вы говорите, загадочно, неожиданно и звучит как насмешка. Правда, Митя?

– Я пока обо всём этом знаю со слов Игоря Алексеевича, но то, что он намерен тебе предложить, поддерживаю и одобряю, поэтому не торопись отказываться.

– Митя прав, – важно произнёс я. – Как полномочный представитель «Народной Инициативы» предлагаю вам ознакомиться с трудовым договором на оказание услуг по проведению торжественного мероприятия.

Соня взяла договор, прочитала, пошевеливая обольстительными губками, и запротестовала.

– Нет! Это не для меня! Тут не сказано, что я конкретно должна делать.

– Ничего противозаконного и аморального! – воскликнул я. – Митя исполнит роль Стеньки Разина, а вы будете персианской княжной. Займёт это от силы полчаса времени.

– И чем я должна заниматься со Стенькой Разиным?

– Разве вы не знаете, чем они занимались?

– Откуда мне знать такие интимные подробности?

– Вот оно в чём дело! – догадался я. – Вы не знаете слов песни «Из-за острова на стрежень».

– Разве я должна её знать?

– Я тоже её не знаю, – заметил Митя.

– Ты учился и жил в Англии у бывших дворян. Им, конечно, эта песня была не по вкусу, – сказал я. – А Соня почему-то не знает, хотя должна.

– Тогда скажите, в чём там суть. Я, может быть, слышала её, да забыла.

– Сейчас спою отрывочек, – сказал я. – Чего только не сделаешь для того, чтобы люди были счастливы.

Меня, признаться, крепко удивило, что Соня никак не среагировала на несуразно большой гонорар, который должна была получить после выполнения необременительных условий договора. Не произвёл на неё видимого впечатления и сотысячный аванс, что подтвердило моё подозрение, что она вовсе не столь невинная овечка, за какую её принимает мой пробирочник, а тёртая во всех отношениях и выдавшая виды особа, решившая выжать из Мити материальное обеспечение на всю оставшуюся жизнь. Каким образом? Самым верным – забеременеть от влюблённого в неё по уши парня, а дальше выкручивать из него деньги через суды, благо они в России благосклонны ко всем забрюхатившим шлюшкам. Я глянул на Соню беспощадно остро, давая ей понять, что вижу её насквозь и наткнулся на её не менее вызывающий взгляд, в котором прочитал уже знакомое мне пренебрежение.

– Что же вы не споете? – сказала она и, подойдя к Мите, положила ему на плечо руку.

И я запел. Сначала тихо и неторопливо, затем во всю мощь своего неслабого голоса, отчётливо проговаривая каждое слово песни. Первый куплет мои слушатели воспринимали с полуулыбкой и переглядыванием друг с другом, но уже с третьего куплета песня захватила их целиком, в чём не было ничего удивительного, ибо какой русский не отдаст свою душу на волю стихии, когда слышит или самозабвенно исторгает из своей груди:

Волга, Волга, мать родная!

Волга – русская река!

Не видала ты подарка

От донского казака!..

Воспевая со всей мощью, на которую был только способен, последние две строчки я в каком-то возбуждённом затмении приблизился к Соне и, включив голос в полную силу...

«Мощным взмахом поднимает

Он красавицу княжну», –

подхватил хозяйку квартиры на руки и, выбежав на балкон, проводил:

«И за борт её бросает

В набежавшую волну!»

Не знаю, поверила ли Соня в моё намерение выбросить её за ограждение балкона, но, обхватив руками и ногами, так плотно и горячо прижалась ко мне, что я почти дотянулся губами до её рта, однако Митя успел на выручку и так преобильно сжал мой локоть, что я поспешил избавиться от своей ноши.

– Что там у вас происходит? – закричал снизу Чистяков. – Вы что, загуляли? Я не сторож, чтобы стеречь ваши машины!

– Скоро выйдем! – обнадёжил его Митя и бережно сопроводил Соню в комнату. Я поправил воротничок рубашки, вытер платком с лица пот и покинул балкон, на который уже начали пялиться соседи.

– Вот видите, Сонечка, прошло всего несколько минут, и за это время сцена с княжной была почти полностью отыграна. Конечно, в натуре Мите придётся выпустить вас из рук, и вы упадёте в воду. Но вас тут же спасут. Надеюсь, вы умеете плавать?

– Умею, – прошептала Соня. – Но я ещё не дала согласие.

– Для страховки можно будет в её одежде предусмотреть пробковый пояс, – предложил Митя. – Но самое главное – я буду рядом.

– Все нюансы мероприятия будут проработаны со службой спасения МЧС, – сказал я. – Но наш разговор, кажется, подошёл к самому важному – выплате аванса.

Соня растерянно глянула на Митю, а тот протянул ей ручку.

– Подпиши ради моего спокойствия. А ты, Игорь Алексеевич, будь добр выпиши чек на предьявителя.

– Обойдёмся без банковских манипуляций, – проворчал я с хмурым видом, потому что страсть как не любил расставаться даже с чужими деньгами, которые попали мне в руки. – Пишите, Соня, подробную расписку, за что вам выплачены сто тысяч

рублей, и укажите свидетеля, при котором была произведена эта финансовая операция.

За время, когда писалась расписка, Соня успела несколько раз бросить взгляд на солидную стопку тысячерублёвок, которая находилась от неё на расстоянии вытянутой руки. Она так раздумянулась от привалившего ей неожиданно-негаданно счастья, что стала походить на свежеевпеченную и смазанную коровьим маслом пшеничную булочку, которую мне неудержимо захотелось съесть всю – до последней крошки, чтобы удовлетворить сосущий моё грешное нутро известно какой голод.

Но правду говорят, что бодливой корове бог рогов не даёт, и, едва с улицы донёсся зовущий вопль Чистякова, Соня забрала деньги и бархатно промурлыкала:

– Скажите, Игорь Алексеевич, уличному крикуну, чтобы оставил нас с Митей в покое. Нам нужно поговорить.

– Да, очень нужно, – пробормотал в ответ на мой вопросительный взгляд влюблённый пробирочник.

– Погуляйте с часок на улице, а лучше займитесь своими делами, – сказала Соня. – Спасибо за всё, что вы для нас с Митей сделали.

Последняя фраза меня позабавила: получив стотысячный куш, девица уверовала, что ухватила бога за бороду, не догадываясь, что все её отношения с Митей находятся под контролем и могут быть прерваны в один миг. И, конечно, это сделаю не я, а хлопцы начальника службы безопасности Ершова, которые, вполне может быть, уже нашпиговали квартиру прослушками. И теперь им только остаётся запротоколировать письменно и на электронных носителях факт передачи денег, дабы господин президент «Народной Инициативы» знал, что деньги акционеров потрачены в полном соответствии с планом мероприятия юбилейного торжества.

– Играйте, голубки, да не заигрывайтесь! – с этим напутствием молодым я покинул квартиру, в которой бы с удовольствием остался сам до полного истощения кошелька и физических сил.

«Мите сейчас не позавидуешь, – подумал я, спускаясь по лестнице. – Воображаю, как он, изнемогая от страсти, не решается стащить с её попки ажурные трусики. Но у него всё получится, если только он не вообразит её девственницей, а

свою попытку сойтись с ней не посчитает изнасилованием и не начнёт испытывать нравственные муки. Но, думаю, Соня не допустит подобного варианта событий, она день назад была готова потрахаться за пару кусков с первым встречным, а сегодня можно это сделать и по взаимной симпатии, и за кучу деньжищ».

– Где Митя? – встретил меня вопросом Чистяков.

– Наверно, как джентльмен ополаскивает свои пропотевшие чресла под душем, – объявил я полную правду.

– Не может этого быть! – вскричал поэт. – У нас встреча с отцом Антонию.

– Сбегай и узнай.

Чистяков последовал моему совету и бросился в подъезд, затопал по лестнице, затем до меня донеслись через открытые окна певучие трели музыкального звонка, тяжёлые удары в дверь, несколько злобных выкриков, и я понял, что не ошибся: Митя, забыв о встрече с проповедником божьего слова, предпочёл тешить беса в компании с очаровательной одалиской.

– Ну и подруга у Мити – зверь в юбке! – кисло сказал Чистяков, показавшись в дверном проёме подъезда.

– Эй, поэт! Лови! – раздался сверху голос Сони.

На асфальтовую дорожку мягко шлёпнулся целлофановый пакет, в котором Чистяков обнаружил солёного подлещика, пятьсот рублей и записку.

– Что за ультиматум? – поинтересовался я.

– Пишет, чтобы я вернулся сюда через четыре часа.

– У Сони насчёт тебя коварный план. Она тебя раскусила с одного взгляда, – сказал я, открывая дверцу своей машины.

– Что ты имеешь в виду? – встрепнулся Чистяков.

– Деньги и подлещик даны тебе, чтобы ты напился и не мешал влюблённым своими глупостями.

Отъехав от подъезда, я остановился и связался по сотовому с боссом. Выслушав меня, он хохотнул:

– Значит, уединились и ... разговаривают?

– Конечно, разговаривают и дело делают.

– Ладно. Будем надеяться, что всё в ажуре. Но я должен увидеть Митю сразу, как он покинет эту квартиру, – Андрей Ильич сделал паузу, затем счёл нужным объяснить. – Я по его рожке определю, справился он с мужским делом или спасовал.

– Митя после randevу собрался к священнику. К какому-то

отцу Антонию.

Последовало продолжительное молчание. Видимо, Андрей Ильич считал варианты решения и, наконец, глухо вымолвил:

– Не мешай ему. За ним присмотрят.

Эти слова я истолковал в благоприятном для себя смысле, что Козырев мной доволен и оставшуюся часть дня я могу считать своим личным временем. Милость босса была кстати, потому что общение с такими коварными обитателями человеческого террариума, как редактор и правозащитник Синюгин и обольстительная до умопомрачения Соня, не могло не вызвать во мне болезненного приступа аллергии, который можно было утишить и на время снять только бутылкой настоящего шампанского в обществе самого надёжного друга, способного тебя понять и простить.

Советская власть испарилась, но дефицит остался, и за бутылкой французского шампанского мне пришлось ехать в клуб для избранных, где оттягивались по полной программе лучшие люди нашего города, сделанный вполне по-русски, то есть с баней, картёжной игрой и красотками с высшим образованием. Иметь свободный допуск в этот привилегированный вертеп – было заветной мечтой всякого, кто мнил себя бизнесменом. Но двери были открыты лишь для того, кто имел в кармане свободный от всяких обязательств и ограничений миллион баксов и мог десятую часть от него потратить, не моргнув глазом, за один вечер.

Я, конечно, к столь значимым персонам не относился, но у меня была клубная карточка гостя. И, махнув ею перед носом охранника, я проследовал по лестнице, устланной настоящей кремлёвской дорожкой, в зал, где приобрёл в буфете литровую бутылку настоящего французского шампанского, купил два килограмма настоящих швейцарских шоколадных конфет и, небрежно рассчитавшись с буфетчиком, покинул креативную точку европейской сладкой жизни в нашем отсталом в промышленном и культурном развитии средневожском регионе.

В послеобеденное время улицы города были относительно свободны от наплыва автотранспорта, но не успел я выехать на шестирядную магистраль, где почти никогда не было заторов, как стал очевидцем и участником автостолпотворения. Машины стояли на обеих полосах движения, и внимание водителей было приковано к человеку в белом кителе с золотыми погонами,

тёмных брюках и генеральской фуражке, который, покуривая трубку, шёл по полосе разграничивающей транспортные потоки, а за ним топал с жезлом в руке гаишник и заученными жестами призывал водителей продолжать движение.

– Что случилось? – сказал я, обращаясь к водителю притормозивших возле меня «Жигулей».

– Не видишь, начальнику вздумалось прогуляться по проезжей части. Генерал какой-то балует.

Водитель впереди стоящей машины открыл дверцу и встал в полный рост.

– Нет, это не генерал, а много выше – маршал. Я в кремлёвском полку служил, всё видел.

– Что он здесь потерял, на проезжей части?

– Может орден выронил?

Водитель «Жигулей» оказался любопытнее и проворнее всех: выскочил из машины, мигом всё рассмотрел и разузнал и вернулся к нам с сияющей физиономией.

– Ну и кто там?

– Нет, вы не поверите, но я сам увидел и узнал его сразу: это, мужики, Сталин!

Заявление показалось мне столь вопиюще нелепым, что я вышел из машины и с высоты своего роста увидел, как вокруг нарушителя дорожного движения собралась толпа человек в тридцать-сорок, многие занимаются тем, что фотографируют мобильниками загадочного пришельца, который дымил трубкой и поглаживал время от времени усы. Он действительно очень походил на Сталина, но, конечно, быть им не мог.

«Всё это случилось неспроста, – резюмировала случившееся. – Ряженый Сталин – это, несомненно, чья-то удачная выдумка, чтобы возбудить толпу. Пока он только прохаживается и демонстрирует себя, и то – какой успех! Одной своей проходкой по шоссе остановил всё движение. А что будет, когда он ещё и заговорит?»

Ответа на этот вопрос долго ждать не пришлось. Подъехала полицейская машина, из неё вышли два офицера полиции и направились к Сталину. Но вплотную приблизиться к нему не смогли, на их пути, как из-под земли, вырос Синюгин и сказал им что-то столь существенное, что полицейские быстренько слиняли, а редактор провокационно-оппозиционного издания с подобострастными жестами и ужимками усадил материализовавшегося вождя в роскошный лимузин и юркнул

за ним следом.

Я с сожалением глянул на пакет с шампанским и шоколадными конфетами: романтический вечер при свечах с Любой мог не состояться, но дело прежде всего, и решил известить Козырева.

– И что ты обо всём этом думаешь? – поинтересовался Андрей Ильич. – Что за театрализованную постановку затевает наш неугомонный оппонент?

– Однозначного ответа у меня нет. Но вполне возможно, что Синюгин готовит к вашему юбилею неприятный подарок.

– Почему ты так решил? – хохотнул Козырев.

– Просто сопоставил ваш день рождения и появление Сталина в обнимку с Синюгиным. Разве этот факт вам ни о чём не говорит?

– От Сталина и я бы не отказался, – весело сказал Козырев. – Давно хочу потолковать с ним по душам, но, увы, он умер. Но сошёл бы и подставной вождь, если только не глупый и способный сказать от имени Иосифа Виссарионовича всю правду-матку.

– Вы предлагаете мне заняться этим делом? – сказал я, стараясь не выдать голосом, что мне такая перспектива не кажется заманчивой, во всяком случае, на сегодняшний вечер.

– Отслеживай ситуацию в обычном порядке. Синюгин пылает жаждой мщения и хочет досадить мне с позиций борца за справедливость. На его вопли народ не сбежится, а вот на Сталина будет ломиться, как на концерт Пугачёвой. Тут-то Синюгин и надеется быть услышанным.

– Но это же чистой воды экстремизм! – деланно возмутился я. – Надо связаться с ФСБ.

– Может, и генштаб подключить, умник? – съязвил Козырев. – Чтобы справиться с Синюгиным, хватит одного участкового. Но есть и цивилизованные демократические инструменты для решения этого вопроса. Есть комитет или комиссия по проведению торжественного мероприятия. Это она, а не я, должна решить, как поступить в данном случае. Ты и Ершов, кажется, в неё входите, вам и карты в руки.

Обычно я общался с боссом раз в три-четыре дня, и каждая встреча для меня была непростым тестом на выживаемость в, пожалуй, самом опасном змеюшнике города, каким, если говорить правду, являлась дирекция «Народной Инициативы», но сегодня я контактировал с Козыревым трижды и, кажется, ни

на чём не поскользнулся. И я знал, кому был этим обязан – своей Любе, её много раз проверенной способности предчувствовать грозящую опасность и отводить от меня неприятности.

Она не удивилась моему раннему возвращению, как будто знала об этом заранее: на плите парило и шкварчило. Я выставил на стол подарки и был удостоен сладчайшего и многообещающего поцелуя, однако шампанское и конфеты были убраны в холодильник, а мне были предложены борщ, гуляш с гречкой и чай.

– Ты совсем избегался, – сказала Люба, опуская в тарелку с борщом большую ложку сметаны. – У тебя такой жалкий вид, будто ты безнадежно влюблён и от этого потерял аппетит.

– Вот уж нет! – воскликнул я и принялся споро работать ложкой. – Ты ведь знаешь, что юбилей босса всегда сопряжён с нервотрепкой и спешкой.

– На этот раз, кажется, пустили козла в огород! – сказала Люба и легонько ударила меня по затылку. – Что, Митина девица и впрямь хороша?

– Не знаю. Я видел её мельком.

– Мельком?

– Да. Передал ей при Мите аванс сто тысяч за участие в шоу с купанием и уехал.

– Везёт же людям! – вздохнула Люба. – Беса тешат да ещё и деньги берут. Меня вот Андрей Ильич не зовёт на роль княжны, а я ему, можно сказать, близкая родственница. Но, кажется, на этот раз вокруг его имени большого шума не будет.

– Это ж почему? – удивился я.

– Странное дело! – всплеснула руками жена. – С позавчерашнего дня об этом все говорят, а ты, как говорится, ни сном, ни духом. Ты что, не слышал, что у нас Сталин появился и по городу разгуливает один, без охраны?

– Сейчас только видел, на Московском шоссе.

– И неудивительно! – затараторила Люба. – Его впервые увидели возле Ленинского мемориала, утром. Он подъехал, вышел из машины и поднялся на второй этаж, в музей СССР. А там как раз туристы с теплоходов. Они к нему, окружили, сначала молчали, а потом спрашивать стали, как да что.

– Это, наверно, артист с какого-то погорелого театра, – усмехнулся я. – Сейчас двойников известных людей пруд пруди.

– Разное говорят. Одни, что двойник, но большинство

считают его прямым потомком Сталина, уж сильно похож, даже рябинки от оспин на лице. Я в энциклопедии портрет нашла, на нём он без рябинок.

– Сталин был рябоват, но его художники, как и Горбачёва, и Хрущева, рисовали без природных изъянов. А этот из артистов. Устроит представление, по тыще с каждого соберёт и укатит, похохатывая над нашей публикой.

– Ты ешь гуляш, а то остынет, – сказала Люба и присела к столу. – Сдаётся мне, этот Сталин приехал к нам не только на заработки, я, заметь, этого не отрицаю, сейчас у всех на уме только деньги, и Сталин – живой человек, кем бы он ни был, ему есть-пить каждый день надо. Но, поверь моему чутью, он приехал сюда по чьему-то наущению. А вот зачем – толком не знаю, хотя есть одна догадка...

– Говори, Любушка, говори! – подзадорил я свою суженую. – Ты ведь не только красавица, но и самая светлая голова на весь город. С тобой, если кто и справится, так только сам Андрей Ильич. Я, кажется, знаю, кто затеял всю эту катавасию с великим вождём и учителей. Это Синюгин! Я видел, как он запрыгнул вслед за Сталиным в чёрный лимузин.

– Ну и запрыгнул! – скептически вымолвила Люба. – Что здесь такого? Всем известно, что Синюгин в каждой бочке затычка. Помнится, ты с ним как-то пропьянствовал целую неделю, но разве это говорит о том, что он твой друг?

– Кто же тогда в этом деле заводила?

– Точно не могу утверждать, но мой нюх и карты указывают на Митю.

– Но зачем ему Сталин? – удивлённо спросил я. – Какое применение он ему найдёт в нашем городе, кроме удивления и неодобрительных толков?

Люба взяла меня за руку, вывела в ванную и, включив воду, горячо прошептала мне на ухо:

– Митя хочет подарить Сталина своему отцу на день рождения.

- 4 -

Чистяков спрятал полученную от Сони пятисотку в карман, заткнул солёного и остро пахнущего леща в верхние ветки молодого клёна, чтобы рыбину не уволок лежавший на бордюре бродячий котяра, отошёл от дома в сторону и глянул на окна

Сониной квартиры. Они в полном соответствии с жанром пылкого любовного свидания были плотно занавешены. И, потоптавшись, Чистяков вернулся к подъезду, открыл дверцу машины, сел на переднее сиденье, включил радио, открыл бардачок, захлопнул его и огляделся по сторонам, ощущая, как на него накатывает давно знакомое чувство тоскливого одиночества, от которого можно было избавиться только одним – налитым всклень стаканом водки.

– Надо идти домой, – пробормотал он. – Здесь ловить нечего. Они будут шоркаться, пока не обессият, скорее всего, до утра. Но не оставлять же машину без присмотра, её за ночь раздербанят – ни колес, ни сидений не будет.

Он вылез из иномарки и подошёл к окну квартиры на первом этаже, из которой на него настороженно и цепко поглядывала хозяйка. Чистяков не любил прикидываться интеллигентом и спросил напрямик:

– Надо за машиной приглядеть. Сможешь?

– Если до утра, то триста рублей, – веско объявила тётка.

– Не дорого ли? – изобразил сомнение Чистяков. – Сейчас ночь короче воробьиного носа.

– Я не одна, а с помощником, – и хозяйка выставила на подоконник маленькую лупоглазую собачонку. – Она никого к машине не подпустит, весь дом на ноги поднимет.

– Хозяина не загрызёт? Он, кажется, застрял здесь до утра.

– Знаю, – усмехнулась тётка. – Гостит у Соньки. Дело молодое. Деньги вперёд, – встревожилась она, заподозрив, что Чистяков намерен обмануть.

– С пятиста сдача найдётся? Я вернусь часиков в восемь вечера и рассчитаюсь.

– Как не быть, – засуетилась тётка. – Пенсийку-то дают каждый месяц. Придешь – покличь в окошко, а то я телевизор буду глядеть.

Чистяков, захватив леща, быстро направился к деревянному мосту через Свягу, рядом с которым он жил в старой части города в избе, построенной ещё его прадедом более ста лет назад и превратившейся от ветхости в покосившуюся хибару, обнесённую дощатым с большими прорехами забором. Поэт мог бы легко и быстро разбогатеть продажей своего домовладения, занимавшего почти десять соток земли, за большие деньги, но у него никогда не возникало даже намёка на желание покинуть своё малое отечество и поселиться в железобетонных стенах

многоэтажки.

После смерти матери Чистяков вопреки ожиданиям соседей не сошёл с круга, не спился подчистую, а даже несколько остепенился, в подпитии не шумел и перестал горланить разудалые русские песни, не давая покоя соседским собакам, а включал радиолу и просвещал околотов старинными романсами и популярными ариями из опер. Соседи относились к нему снисходительно: он был городской знаменитостью. И продавщица ларька, которой он был постоянно должен, легко давала ему в кредит бутылку пива, чтобы он мог освежить опалённое вчерашней попойкой иссохшееся нутро.

К ней, перейдя мост, Чистяков и направился, чтобы купить пачку сигарет, упаковку печенья, кулёк дешёвых конфет и несколько пакетиков с чаем.

– Считай вместе с долгом.

– Ты у меня банку пива брал и полбуханки хлеба, – не задумываясь, сказала продавщица и, взяв деньги, подала сдачу.

– Тебя недавно какой-то мужик спрашивал.

– Кто такой?

– Откуда мне знать. По виду – из небольших начальников.

– Почему так решила? – усмехнулся Чистяков. – На советской машине приехал?

– Он пешком пришёл. Что, я в людях не понимаю? Начальник, из небольших. Да вон он, сюда идёт.

Чистяков обернулся: к нему с озабоченным видом приближался Маркин.

– Что-то я не вижу радости на твоей свободной от следов запоя, но пасмурной физиономии, – озабоченно произнёс журналист. – Надеюсь, ты не забыл своё обещание.

– По-моему, это ты мне пообещал тыщу рублей, если сделаю для тебя одно дрянное дельце?

– Какое оно дрянное? – вскинулся журналист. – Написать несколько строк в корпоративном гимне. А деньги будут, было бы за что заплатить.

– Тогда пошли.

За последние годы улица, на которой жил Чистяков, заметно преобразилась со стороны фасадов. Многие деревянные избы были спереди обложены кирпичом, а по бокам облагорожены пластмассовыми панелями. Прежние хилые заборы из штакетника были заменены на прочные заграждения из толстых досок или железных прутьев.

В добротном уличном порядке домовладение Чистякова смотрелось как сгнивший зуб среди сияющих стальных протезов, но хозяина это не смущало, как и его гостя. Маркин цепко оглядел двор, прошёл в сени, где заглянул в кладовку и, войдя в избу, сразу направился к письменному столу, на котором было несколько книг и кружка с прокисшим молоком, засохший кусок хлеба и куча исписанных листов бумаги.

– У тебя, Чистяков, куда ни глянь, везде лирический беспорядок: и во дворе, и в доме, и на письменном столе.

Поэт косо на него глянул, подошёл к столу и стал шевыряться в бумажках.

– Я недавно написал текст, – пробормотал он, хотя давно и думать забыл о какой-то дурацкой корпоративной кричалке, которую в подпитии пообещал написать. Даже про деньги забыл, а то взялся бы ради них за такую грязную работу.

– Если написал, значит, должен помнить! – обрадовался Маркин. – Бери бумагу и записывай.

– Если бы я помнил всю дрянь, которая бултыхается у меня в башке, я давно бы съехал с катушек, – сказал Чистяков. – Не помню, хоть убей! И не вспомню, хотя бы потому, что ты без бутылки явился. Это, брат, непростительное нарушение этикета. Прошлый раз ты принёс флакон «Столичной», а сегодня скажу так: ты обнаглед.

– А ты не понимаешь, что натворил! – горестно запричитал Маркин. – До юбилея Козырева остались считанные дни, а как я теперь выйду из пикового положения, в котором я по твоей милости очутился?

– Очень просто! – заявил Чистяков. – Ты мне даёшь тысячу рублей, а завтра получаешь текст.

– Поздно! – горестно возгласил Маркин. – Только сегодня. Садись и пиши. После пяти я буду в спор-клубе. Туда и принеси текст, если у тебя осталась хоть капля совести.

– Овёс нынче дорог! Полторы тысячи и ни копейки меньше. А теперь катись и не мешай творческому процессу.

Выпроводив Маркина, поэт и не подумал братья за выполнение заказа. Он открыл настежь дверь, чтобы комнату продувало сквозняком, взбил подушку и разлёгся на диване с привычным намерением поспать часик-другой, чтобы освежить голову и проснуться со счастливым ощущением в «новом» дне. Привычка делить сутки на двое выработалась у него давно, и отступать от неё он не хотел и сегодня.

Распахнутое окно выходило в запущенный сад: от старых яблонь и вишен, кустов малины и смородины на Чистякова волнами накатывали шумы и запахи, причудливо претворяющиеся в сонные видения, иногда настолько живые и ясные, что спящий человек начинал вскрикивать и метаться, стараясь высвободиться из тяжёлых и липких объятий обморочного и болезненного бреда. Чаще всего Чистякову снилось, что он идёт по крутому склону холма, достигает вершины и видит перед собой обрыв, но не может от него отстраниться. Бездна с необоримой силой притягивает его к себе, он начинает соскальзывать вниз, падает, и ощущение бесконечного падения переходит в смертельный ужас, от которого, наконец, его освобождает спасительное пробуждение.

«Господи! – с облегчением подумал Чистяков. – Отчего мне так часто снится этот кошмар? Уж лучше бы снилось дерьмо, говорят оно к деньгам».

Он вспомнил о заказе Маркина, быстро встал с дивана, подошёл к столу и, выдвинув ящик, нашёл листок с текстом песни, над исправлением которой он ломал голову два дня назад и так и не придумал рифмы к сочетанию «Народная Инициатива».

«Так! Так! – лихорадочно зароились в голове автора варианты. – Красиво, Счастливо... Презерватива?.. Слово бойкое, но не пойдёт».

Он заходил по комнате по натоптанной дорожке – от угла до порога, бормоча и размахивая руками. Искомые слова были совсем рядом, но не давались, и Чистяков, остановившись у стены, упёрся в неё лбом и некоторое время стоял в таком положении, пока в крепко зажмуренных глазах не зароились искры. Затем подбежал к столу и быстро написал несколько строчек:

*Андрей Ильич! Живи сто лет счастливо!
И мы за то тебя благодарим,
Что стала навсегда «Народная Инициатива»
Для нас Отечеством, любимым и родным!*

Попав в творческую струю, Чистяков, не останавливаясь, написал ещё несколько четверостиший, пока мыл голову, брился и гладил брюки. Он не мог позволить себе явиться в спор-клуб в затрапезном виде. Среди тех, кто там собирался и активничал, многие были неудачниками и пытались в своё время

взгромоздиться на поэтического Пегаса, но были сброшены на землю и теперь копошились на газетных страницах, злобно-завистливо поглядывая на Чистякова, который время от времени печатал свои стихи в столичных журналах и недавно получил престижную премию Союза писателей России.

Несколько дней трезвой жизни пошли Чистякову на пользу. Он в этом сразу убедился, застёгивая рубашку перед зеркалом и критически разглядывая свою ничем не выделяющуюся физиономию сорокалетнего мужчины, которому на роду выпало жить отличной от других жизнью гуляки и поэта.

«Только бы Маркин меня не кинул, – озорно подумал Чистяков, засовывая рукопись в карман. – Полтора куска – это только начало. Юбилей Козырева ещё не начался, а мне уже кое-что светит».

Он торопливо съел несколько печений, запил холодным чаем и, выйдя из дома, запер дверь на висячий замок, ключ от которого сунул под крыльцо. Солнце свалило за гору, но было безветренно и душно. По крутому извилистому переулку он поднялся на гору, вышел на широкую проезжую улицу, обсаженную высокими тополями, где стало чуть прохладнее, и направился к зданию торгово-развлекательного центра, в котором устраивали сходки любители почесать языки и покрасоваться друг перед другом самые продвинутые люди нашего города.

Пройдя несколько кварталов, Чистяков обрёл уверенность, что Маркин его не обманул и обмен денег на исписанную каракулями бумажку обязательно состоится. Поэт взбодрился и, укрупнив шаги, быстро достиг широченных стеклянно-металлических дверей и, войдя в них, наткнулся на изображённого в полный рост с поднятой в приветственном жесте рукой генералиссимуса Сталина.

Размашистая надпись на плакате извещала: «Встреча с вождём. На вопросы избранного пула журналистов отвечает Иосиф Виссарионович Сталин».

– А что? – пробормотал себе под нос Чистяков. – Давно пора потолковать с дорогим товарищем Сталиным. И спросить его, когда он явится своему народу и поднимет Русь на дыбы?

Он сунул руку в задний карман брюк, вынул билет члена Союза писателей России и, небрежно помахивая красными корочками, прошёл в холл, где сразу наткнулся на Маркина, который сразу вцепился в поэта:

– Написал?

– А то? – небрежно произнёс Чистяков. – А ты часом не оставил бабло вместе с часами на рояле?

– Всё при мне. Уже прозвенел звонок. Сядем вместе и разберёмся.

– Я написал больше обещанного, – заявил Чистяков. – Так что гони полторы тыщи.

– Об этом не может быть речи! – отрезал Маркин и, подхватив его за руку, протолкнул впереди себя в зал, где уже было много народа, но не на первом ряду. И они были вынуждены расположиться почти вплотную с трибуной, которая была пуста, как и два кресла за столом президиума.

Чистякова кто-то ткнул в спину, он обернулся и взял протянутую записку. Повертев её, хотел развернуть и тут же услышал:

– Это не тебе, виршеплёт, а Сталину!

Маркин мгновенно понял, что взяв на себя роль главного передатчика записок вождю, он весь вечер будет на виду, и этим станет вторым по значимости лицом на мероприятии, о котором завтра будут судить-рядить все обитатели нашего города. А у него появится законная возможность дать информашки во все российские газеты о скандальном происшествии в городе и в дальнейшем комментировать это событие за столичные гонорары.

Журналист ловко выхватил у Чистякова записку и, подойдя к трибуне, объявил в микрофон:

– Прошу все записки с вопросами передавать мне, чтобы встреча прошла организованно и культурно.

– Наш Маркин всегда при деле. Уже успел ассистентом к приезжему артисту наняться, – пренебрежительно донеслось из глубины зала.

– Сам ты артист погорелого ельцинского цирка! – возмущённо прокричал кто-то, явно нарываясь на скандал, но перепалки не получилось. В зал вошёл Синюгин и зычно провозгласил:

– Объявляю вечер встречи с вождём открытым!.. А теперь, друзья, давайте поприветствуем нашего дорогого гостя, который, несмотря на свою титаническую занятость, нашёл время посетить родину Владимира Ильича Ленина и согласился ответить на вопросы, так сказать, сливок журналистского сообщества нашего региона.

Синюгин захлопал в ладоши, но к нему присоединились

всего несколько человек, остальные предпочли не выражать явным образом своего отношения к весьма неоднозначному мероприятию, а выждать. Таких было большинство, но Чистяков не принадлежал к их числу, он бурно захлопал в ладоши и, повернувшись к залу, крикнул:

– Кто тут против Советской власти?

Ответом ему была внезапно воцарившаяся тишина, в которой прозвучал спокойный с едва заметным акцентом голос:

– Я думаю, здесь нет ни одного явного врага Советской власти. Есть обманутые, есть те, кто в силу обстоятельств согласился сотрудничать с антинародным режимом, но это столь незначительные проступки, что их не видно за главным злом, которое сегодня захватило власть над Россией. Главная болезнь России сегодня – это охватившее всех поголовно равнодушие, можно назвать это эпидемией равнодушия, которая пронизала все поры государства от семьи до высшего руководства.

Эти слова Сталин произнёс при входе в зал, и в ответ не послышалось ни одного звука. На нём был не маршалский мундир полковнца со звёздами генералиссимуса, а защитного цвета полувоенный китель и брюки, заправленные в хромовые сапоги. Левая рука, повреждённая болезнью, была чуть согнута в локтевом суставе, а в правой руке он держал неразожжённую трубку. Его движения были неторопливы и, проходя мимо кресел, он окинул собравшихся строгим взглядом коричневых с прозеленью глаз, и несколько человек почтительно полупривстали с кресел. Но ни один мускул не дрогнул на рябоватом от оспенной болезни лице вождя, он шёл походкой уверенного в себе человека, занятого важным и нужным делом.

Чистяков был настроен на смешливый лад и даже намеревался поприветствовать ряженого под Сталина человека хулиганским выкриком: «Советский паралич самый прогрессивный в мире!» Но когда вождь проходил мимо, он вдруг почувствовал, как его окатило аурой властного магнетизма. И по озадаченным физиономиям ведущих журналистских перьев региона было заметно, что они тоже почувствовали нечто необычное и необъяснимое.

«А мужичок-то не так прост, – подумал Чистяков, опускаясь в кресло. – Ещё и слова не произнёс, а наши либералы хвосты поджали. Но поглядим, однако».

Вождь миновал трибуну и подошёл к столу, за которым стоял Синюгин, сел в кресло и сунул трубку в нагрудный карман.

– Как, вы не будете курить? – воскликнул редактор. – Нет уж, уважьте, курите, сколько душе будет угодно. Вот и пепельница приготовлена, и спички.

Сталин вынул трубку, чиркнул спичкой и пыхнул синеватым дымком.

– Что ж, начнём нашу работу, – неторопливо произнёс он. – Перед тем как приступить к ответам на вопросы, прошу товарища Синюгина ознакомить присутствующих с объективной проверкой комиссией данных по товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу, родившемуся неизвестно где, неизвестно от кого в ночь с 31 октября на 1 ноября 1961 года предположительно в городе Москве. Я правильно говорю, товарищ Синюгин?

– Так точно, товарищ Сталин.

– В таком случае продолжайте.

– Что за комиссия? – счёл нужным заявить о себе Маркин – Кто её назначил, из каких лиц она была составлена?

– Вопрос задан важный, но он может увести нас в сторону от главного, – объявил Синюгин. – В работе комиссии участвовали видные учёные, военачальники, государственные деятели, сотрудники спецслужб. Её вывод неоднократно был предметом разбирательства в судебных инстанциях, и ни одна из них не опровергла тот факт, что в ночь с 31 октября на 1 ноября 1961 года на перезахоронении Сталина за Мавзолеем был найден младенец, мальчик, нескольких часов от роду. Это пока всё, что я могу сообщить на эту тему.

В зале поднялся шум, послышались крики с требованием подробностей обретения младенца, обвинения в покушении на свободу прессы, а кто-то из наиболее продвинутых журналистов язвительно спросил:

– А был ли мальчик?

Синюгин спокойно поглядывал на возмущённых коллег, и когда все они угомонились, вышел к микрофону.

– Надеюсь, теперь я буду услышан и понят. У нас всё ещё живёт в подкорке каждого человека желание – всё отнять и присвоить. Но Россия – это что-то вроде правового государства, и оно охраняет моё право на распространение информации о любом событии, приобретённой добросовестно у законного владельца, на всё время, когда наш гость будет находиться в

нашем городе.

Тишина, воцарившаяся в зале, сменилась протестами.

– Как! – кричали со всех сторон. – Ты притащил нас сюда, чтобы мы напечатали только то, что ты позволишь? Сталин принадлежит всему народу, и лишить нас возможности говорить с вождём ты не можешь. В конце концов, есть статья Конституции об обеспечении гражданам равного доступа к информации. А вы, товарищ Сталин, почему не скажете по этому вопросу своё веское слово.

Вождь как будто ничего не слышал, он сидел за столом и простым остро отточенным карандашом что-то писал в небольшом блокноте. Синюгин тоже помалкивал, но возмущение мало-помалу улеглось, и редактор терпеливо продолжил свою речёвку:

– Будем считать, что разогрев аудитории прошёл успешно. Переходим к содержательной части встречи. Итак, первый вопрос поступил от нашего мэтра, доктора политологии, заведующего кафедрой журналистики госуниверситета господина Игрунова.

Маститый журналист неторопливо поднялся с кресла, поправил очки в черепаховой оправе, оглянулся на соседей и произнёс извиняющимся тенорком:

– Извините, но я не знаю, как обратиться к нашему, э... уважаемому гостю...

– Называйте меня просто – товарищ Сталин, – пыхнул дымком из трубки вождь. – Задавайте свой вопрос.

– Меня как либерала удивляет ваша, товарищ Сталин, самонадеянность. Конечно, я, как и все здесь присутствующие, не верю ни в чудо вашего появления на могиле настоящего Сталина, ни в то, что имя Сталина кому-то нужно. Всё это дешёвый красно-коричневый пиар, помогающий зюгановцам держаться на плаву как политической партии. Теперь скажите, а не стыдно ли вам притворяться Сталиным?

Чистяков выслушал вопрос Игрунова со смешанным чувством удивления и отвращения. Уж кто-кто, но заглавный либерал, громивший в статьях и телесериалах советскую власть и её вождей, мог бы построже спросить, коли ему представился случай, с диктатора, а он проблеял невесть что и шмыгнул в своё кресло за спину дюжего собкора центрального телевидения.

– Вопрос поставлен неправильно, – спокойно сказал вождь.

– Он должен быть сформулирован следующим образом: нужен ли Сталин народам России или на новом этапе исторического развития страны необходимость в товарище Сталине отпала окончательно и бесповоротно? Вы согласны с моей редакцией, товарищ?

– Говорите, говорите, мы вас слушаем, – пробормотал Игрунов, так и не выглянув из-за плечистого собкора. Он никак не мог успокоиться от совершённого им героического выпада в сторону своего идеологического противника: то краснел, то бледнел, но был чрезвычайно горд своим смелым поступком обличителя и правдолюбца.

– Итак, нужен ли Сталин народам и в первую очередь русскому народу? – задумчиво произнёс вождь. – Чтобы ответить на этот вопрос положительно, нужно согласиться с тем, что почти каждый человек в сегодняшней России в той или иной мере, даже не подозревая об этом, является Сталиным. Кто больше, кто меньше – это уж как кому повезло.

– А как насчёт того человечка, который только что задал вам вопрос? – сухо осведомился редактор коммунистической газетки «Шагом марш» Хватков. – Разве в либерале и власовце может быть хоть пылинка от великого Сталина?

– В этом, как вы его назвали, человечке Сталина больше, чем в ком-нибудь другом, – взмахнул трубкой вождь. – Он и существует только потому, что играет в ненависть к Сталину, как собачонка, что кусает сапог хозяина и одновременно подхалимски виляет хвостом. В этом – все повадки нынешних ниспровергателей Сталина, они кусают и тявкают, а явись хотя бы его тень, упадут на спину и, поджав хвосты, преданно заподвизгивают.

Игрунова все считали выскочкой, кичившимся близким знакомством с самим Владимиром Познером, запросто вызывавшим в свою студию для отчёта о проделанной работе даже премьер-министра России. Поэтому, когда он визгнул из-за спины собкора, что оскорблён сравнением с власовцем и требует извинений, никто не поспешил присоединиться к его протесту, а Хватков бесцеремонно заявил:

– Все наши так называемые демократы – самые настоящие власовцы. Об этом товарищу Сталину известно лучше нас.

Вождь хмуро глянул в сторону лидера региональных коммунистов и продолжил развивать свою мысль:

– Почему, спрашивается, в каждом человеке, даже

в наше время мы обязательно найдём Сталина? Ответ заключается в том, что товарищ Сталин был не только продолжателем дела великого Ленина, руководителем первого в мире социалистического государства, вождём и генералиссимусом, но, что премного важнее, он был для советского народа воплощённой справедливостью. Главной особенностью народа была и есть жажда правды. Сталин утолил эту жажду, и не его вина, что она пришлась не по вкусу дворянству, буржуазии, попам и либеральной интеллигенции. Октябрьская революция провозгласила справедливость высшим принципом нового общественного устройства и репрессировала все паразитические классы, чтобы они не стояли на дороге неизбежного исторического процесса. Измена революции, измена социализму, измена делу Ленина означали предательство справедливости, которая является для народа основой его земного бытия.

– Не надо нам цитировать «Краткий курс истории ВКП(б)!» – крикнул главный редактор областного радио Сечкин. – Из ваших рассказов о справедливости не скроить даже обычного репортажа. Вы лучше оцените сегодняшнюю политическую ситуацию в стране и скажите, что следует ожидать в ближайшем будущем?

– Об этом мы тоже поговорим, но только после того, как вы ответите на вопрос, каким был главный лозунг великого Октября? Даю на обдумывание всем присутствующим две минуты.

Последовало недолгое молчание, затем кто-то сердито сказал:

– Здесь собрались те, кто привык сам спрашивать, а не отвечать. Так что, господин приезжий, можете давать нам свои смелые уроки, а мы вас послушаем.

– Время пошло, – объявил вождь, взглянув на свои наручные часы.

Чистяков решил воспользоваться паузой и плотно притиснул своей ногой ногу Маркина к полу.

– Не хулигань! – пропищал журналист.

– Деньги на бочку! – дыхнул на него Чистяков и, запустив руку в чужой карман, вытащил потёртое портмоне.

– Ты не писатель, а бандит! – свистящим шёпотом заявил Маркин и попытался помешать поэту завладеть деньгами.

Их возня привлекла внимание соседей, Синюгин

неодобрительно глянул в их сторону, постучал карандашом по графину и строго осведомился:

– Что происходит?

– Экспроприация экспроприаторов! – громко на весь зал произнёс Чистяков, засовывая в карман рубахи три пятисотрублёвые бумажки. – Продолжайте, товарищ Сталин, а я вынужден удалиться: мочи нет, как горло пересохло.

Выходка Чистякова развлекла собравшихся, а у Игрунова вызвала прилив храбрости, и он, вскочив на свои хилые ножки, выкрикнул:

– Лозунгом и целью Октябрьского переворота было: «Всё отобрать и поделить!» Об этом сейчас знает каждый первоклассник. Отнять и поделить! Отнять и поделить!

– Преступное враньё! – вспыхнул Хватков. – Это больше похоже на лозунг сегодняшних воров: «Отнять у народа и спрятать в офшорах!»

– Заканчивайте перепалку! – повысил голос Синюгин. – Слово – вождю!

– А вот с этим надо повременить! Всем оставаться на своих местах! Приготовить документы для проверки!

В зал ворвались с десятков омоновцев с резиновыми дубинками, затем в дверях показался полицейский офицер, который цыкнул на попытавшегося проскочить мимо него Чистякова.

– Назад! Документы!

Чистяков подрагивающей рукой подал членский билет Союза писателей и пробормотал:

– Я, товарищ капитан, паспорт с собой не ношу.

Офицер сличил физиономию поэта с фотокарточкой на документе и вернул его владельцу:

– Из зала до окончания проверки не выходить! Ясно?

– Так точно, господин капитан!

Собравшиеся на встречу с вождём ведущие журналистские перья нашей области были людьми, избалованными властью, которую им давала свобода слова, и хотя эта власть была всего лишь четвёртой по значению в государстве, но и она давала им возможность воображать себя значительными персонами и поглядывать на полицию с пренебрежением. Поэтому публика, атакованная ОМОНОм, сначала опешила, затем послышался недовольный ропот, и послышались негодующие голоса.

– Я депутат Законодательного собрания области! – заявил

Хватков и сунул мордастому охламону красную книжечку, но тот и ухом не повёл, а ловко выхватил депутатскую ксиву, а самого депутата вдавил своей лапищей в кресло.

– Я председатель общественного совета при управлении внутренних дел области, – хорохорился Игрунов, извлекая из кармана дорогой мобильник. – Спокойно, господа! Я сейчас свяжусь с генералом полиции, и он расставит все точки над «і»...

Однако дозвониться ему не удалось: дюжий омоновец заломил ему руку за спину, отобрал телефон и сунул в карман пёстрой униформы:

– Предъявите документы!

– Пожалуйста, вот моё служебное удостоверение! – засуетился главный редактор областного радио. – Первый раз вижу работу ОМОНа, впечатляет!

Не прошло и полутора минут, как документы были изъяты и переданы полицейскому офицеру. Он их ссыпал в бумажный пакет и неторопливо спустился к эстраде, по которой нервно прохаживался Синюгин. Сталин сидел, положив ногу на ногу в кресле, курил трубку и спокойно смотрел на приближавшегося к нему капитана. Когда полицейский подошёл к нему вплотную, вождь из лежавшей на столе папки вынул лист гербовой бумаги и протянул офицеру.

– Что это такое?

– Патент на занятие индивидуальной трудовой деятельностью. Не просрочен.

– Вас что, действительно, зовут Иосиф Виссарионович Сталин? – сказал капитан, разглядывая патент.

– Вот мой паспорт, вот справка из детского дома, – Сталин подал полицейскому документы.

– Чем вы занимаетесь сейчас в данном месте?

– У меня встреча с журналистами. Вот, кстати, и договор с господином Синюгиным на проведение этой встречи.

Капитан мельком глянул на договор, бросил на стол и повернулся к самому оппозиционному редактору региона.

– Ваши документы!

Синюгин протянул паспорт и доверительно произнёс:

– Здесь собрались самые известные журналисты области. Здесь нет злоумышленников.

Капитан раскрыл паспорт, отшатнулся от него и радостно хохотнул:

– Здесь точно нет злоумышленников, зато есть отъявленный взяточник! Товарищ Сталин, что лежит в паспорте?

Вождь неспешно приблизился к офицеру, глянул на раскрытый паспорт и пыхнул трубкой.

– Две тысячные купюры.

– Так и запишем. В протоколе.

– Господин капитан! – заюлил Синюгин. – Произошла ошибка. Я готов всё объяснить, но не здесь. Здесь место для дискуссий, а не для деловых разговоров.

– Полиция взяток не берёт!

Офицер жестом велел Синюгину заткнуться и подошёл к микрофону.

– Ваша сходка является незаконной, и я её закрываю. Всем, кроме задержанного, документы будут возвращены на выходе.

– Я арестован? – вякнул оппозиционный редактор.

– Пока задержаны – до выяснения обстоятельств покушения на дачу взятки должностному лицу при выполнении им служебных обязанностей.

– Интересно девки пляшут, – картинно развел руки в стороны Синюгин. – Выходит, я не имею права хранить свои деньги в своём паспорте?

– Конечно, имеет такое право, но только до того момента, когда предъявите его полицейскому. Но у нас ещё будет время побеседовать на эту тему.

– Капитан! – пробасил кто-то. – Оставьте его в покое. Завтра он напечатает в газете, что вы вымогали у него взятку, и вам не отмыться.

Офицер на сочувственный возглас не обратил внимания, он был занят Сталиным.

– Вы можете мне понадобиться как свидетель. Где вы остановились?

– Я прилетел утренним рейсом и пока не знаю, где буду ночевать, – сказал вождь. – Синюгин задержан. Может, и меня, вместе с ним, поместите у себя?

– У меня к вам претензий нет. Пройдитесь по гостиницам, может, вам повезёт.

– Вот-вот, пусть посмотрит, какие гостиницы в культурной столице Европы, – сказал Синюгин. – Но сейчас ночи тёплые, можно и на уличной скамейке заночевать.

Чистяков с всё возрастающим интересом прислушивался к разговору. Сталину надо было помочь, и поэт подал голос.

– Господин капитан! Пусть Иосиф Виссарионович у меня заночует. Вы ведь меня знаете, потому что задерживали на митинге.

– Кто такого баламута не знает в полиции? Ладно. Пусть ночует у тебя, а завтра отзвонись по моему номеру.

Зажав в кулаке визитную карточку, Чистяков потянул Сталина за рукав кителя:

– Пойдёмте, Иосиф Виссарионович, как бы капитан не передумал, а то у нашей полиции на неделе семь пятниц.

На улице былолюдно, но Сталина это не смущало, и он, не отставая, следовал за Чистяковым по тротуару, вызывая у прохожих привычный для ряженого интерес к своему внешнему виду. Чистяков время от времени поглядывал на своего спутника, пытаясь определить его возраст, но вскоре его внимание привлёк пивной ларёк.

– Не пора ли освежиться пивком, товарищ Сталин?

– Я пиво не пью, – холодно сказал вождь. – А от стакана минералки не откажусь.

Чистяков оставил своего спутника возле столика и скоро вернулся с бутылкой «Волжанки» и двумя бумажными стаканами.

– По-полному? – сказал он, нацелившись горлышком бутылки на стакан вождя.

– Не возражаю. По полному, так по полному.

В меру охлаждённая газировка приятно щекотала небо и ударила в нос.

– Крепка Советская власть! – разразился привычной присказкой Чистяков, и тут же спохватился. – Я имею в виду газировку.

– Какие люди, такая и власть, – с горечью произнёс Сталин и отвернулся от компании любителей пива, которая поглядывала в его сторону с нескрываемым интересом.

– Может, перейдём к крайнему столику? – предложил Чистяков.

– Не стоит. Я уже привык, что люди удивляются моему сходству со Сталиным.

– Но по документам вы и есть самый настоящий Иосиф Виссарионович Сталин.

– Федот, да не тот. Впрочем, послушаем, что обо мне скажет публика.

Любители пива были изрядно под хмельком и не сдерживали

себя в разговорах.

– Это тот Сталин, которого в городе видели возле базара.

– А как похож! Может, родня?

– Слух идёт, что родной внук. А ты подойди и спроси.

– Неудобно как-то...

– Неудобно штаны через голову надевать. Давайте затаримся пивом и подвалим к нему с угощением.

– Пора уходить, – забеспокоился Чистяков. – Или вы, Иосиф Виссарионович, намерены вступить с этими забулдыгами в дискуссию?

Сталин вынул из кармана носовой платок, отёр влажные усы и, повернувшись, двинулся через улицу. Чистяков поспешил за ним следом, не обращая внимания на призывные возгласы хмельной компании. Чтобы избежать ненужных встреч, он повёл своего спутника через сплетение переулков, заброшенный сад, по дну оврага, выбравшись из которого, они оказались на задах чистяковского домовладения.

– Картошка не прополота, – заметил, проходя по огороду, Сталин. – Ты что, холостякуешь?

– Можно сказать, сирота, – вздохнул Чистяков. – Но я живу не один. В моей развалюхе кроме меня обитает прекрасная, но капризная дама, с которой я никак не могу поладить.

– Да у тебя спелых помидоров полно, – сказал Сталин и, взяв старое ведро, обобрал помидорный куст, затем нашарил на огуречной грядке несколько зелёных и пупырчатых карапузов. – Значит, твоя дама ещё и ленивая хозяйка: огурцы, лук, горох, кажется, за лето никто ни разу не поливал. Кстати, как её зовут?

– Зовут её поэзия, – усмехнулся Чистяков. – Как себя помню, она всегда рядом со мной.

– Чему же ты не рад? – сказал Сталин. – Разве писать стихи не весёлое занятие?

– По молодости поэзия ласкала и согревала мою душу, а сейчас это скорее мука, чем любовь.

Сталин покрутил водопроводный кран, извлёк из него струйку воды, ополоснул огурец, откусил от него кусочек и тотчас выплюнул.

– Не поливал, вот и выросли горькими, – сказал Чистяков. – Последние пятнадцать лет и стихи идут сплошь горькие, как степная полынь. А вам ваше занятие не обрыдло?

– Из детдомовцев поэты не выходят, потому что у них нет

нормального человеческого детства. Из детдома я попал в ремеслуху, выучился на слесаря, отслужил в армии, закончил институт, прожил жизнь и только недавно узнал, кто я такой.

– Ну и какой? – подтолкнул погрузившегося в воспоминания гостя Чистяков. – Глянули в зеркало и узнали в себе молодого Сталина?

– Всё случилось проще и убедительнее. Ко мне пришёл один из офицеров комендатуры Кремля и рассказал, где меня нашли.

– И вы ему поверили, – усмехнулся Чистяков.

– Поверил? – задумался Сталин. – Скорее, удивился. Но он оставил копии документов, которые, конечно, не были заверены, но выглядели очень внушительно. Уходя, этот человек сказал: «Твоё сходство со Сталиным – самое убедительное доказательство истинности моих слов».

– И вы увидели в себе близкого родственника вождя советского народа? – ухмыльнулся Чистяков. – Считаю, что разговор между нами вступил в такую фазу, что без бутылки не разобраться. Посему прошу в моё поэтическое ателье. Можете следовать за мной без опаски. Конечно, мои апартаменты не сравнить с кремлёвскими, зато прослушки у меня нет и можно говорить всё, что взбредёт в голову.

– А это что, душ? – сказал Сталин, указывая на железный бак, установленный на крыше деревянной будки.

– Желаете ополоснуться? Прошу. А займусь приготовлением гулевого стола. Только не суйте сразу голову под лейку, подождите, пока сойдёт ржавчина.

Поозиравшись по сторонам, Сталин снял китель, повесил его на яблоневый сучок, разулся, освободился от штанов, которые положил на кусты малины, сделал несколько взмахов руками, приседаний, подпрыгиваний и вошёл в душевую кабину, снял трусы и открутил кран. Из лейки брызнула вода, почти горячая и чистая. Куском хозяйственного мыла он помыл голову, плечи, руки, живот, спину и ноги и встал под душ, чувствуя, как его покидает усталость и прибывают силы.

«Никто и не подозревает, – думал он, – что я на самом деле ощущаю себя Сталиным, а не двойником, как другие, кто натянул на себя личину вождя, чтобы получать жалкие подачки за скоморошные кривляния на потеху публике. Сегодня ОМОН помешал мне закончить встречу с журналистами и не дал ответить на главный вопрос: «Как спасти Россию?» Ответ

у меня есть, и Сталин подписался бы под ним безоговорочно: России нужен тридцать седьмой год, сегодня жизненно необходимо расстрелять сто тысяч самых крупных предателей и воров, чтобы спасти державу от гибели».

Впервые эту опасную в первую очередь для самого автора идею массовых репрессий не без колебаний он огласил год назад перед сотрудниками одного из академических институтов, бывшем при советской власти одним из главных опорных пунктов диссидентов. Она была встречена недоуменным молчанием, затем послышались робкие хлопки, переросшие в оглушительные аплодисменты. И человек, озвучивший эту немыслимую в условиях повальной демократии в полном смысле этого слова кровавую идею, на какой-то миг ощутил себя вождём, а не тем, кем он был на самом деле всю жизнь – простым советским инженером на водоканале, получившем по непонятному стечению обстоятельств поразительное сходство с вождём советского народа.

До перестройки это обстоятельство не особенно его тяготило, тем более что он не подчеркивал сходство со Сталином: не носил усов, не напускал на себя важный вид, не курил трубку. Но в один из мрачных осенних дней, когда он уныло прохаживался по заваленной мокрыми листьями парковой аллее, к нему подошла пожилая монашка, поклонилась в пояс, поцеловала руку безработного инженера, и тот услышал от неё такое, что изменило его жизнь самым невероятным и причудливым образом.

Монашка исчезла, но её голос навсегда сохранился в памяти как руководство к действию. И придя домой, он долго рассматривал свою физиономию, затем вырезал из черной бумаги усы, приладил их к верхней губе, поглядел в зеркало и почти уверовал в своё сходство с вождём советского народа. Осторожность заставила его дожидаться, пока не отросли настоящие усы, затем он сфотографировался в фас и профиль и сравнил снимок со снимками Сталина. Сходство было поразительным, но через два-три месяца оно ещё более усилилось. И голос, и жесты, и походка стали вполне сталинскими, как и манера держать трубку и внимательно-добрый чуть вприщурку взгляд мудрого вождя и учителя.

Обретя внешнее сходство с вождём, он не поспешил на Красную площадь, чтобы зашибать деньги фотографированием в обнимку с туристами. Это занятие ему претило. Он

захотел как можно теснее духовно сблизиться с настоящим Сталиным и трижды прочитал собрание сочинений вождя, а некоторые его работы выучил наизусть и мог цитировать по памяти целыми страницами, примеряя их к политической обстановке в стране. Урезав свои потребности до минимума, на сэкономленные деньги он заказал в военном ателье маршальское обмундирование и, обрядившись то в один, то в другой мундир, расхаживал по квартире, цитируя вождя, и дискутировал с дикторами, комментаторами и политологами проводного радио, оттачивая мастерство оратора и острого полемиста. Ещё не отдавая себе отчёта, он готовил себя к новому поприщу агитатора за бессмертие идеалов коммунизма, и те немногие зрители, что его видели и слышали, были от него в восхищении и подталкивали новоявленного Сталина к появлению на публике.

Дебют в качестве вождя советского народа состоялся в День Победы в клубе ветеранов, куда его привёл сосед по лестничной площадке, бывший фронтовой разведчик, чтобы почтить заслуги и память Верховного Главнокомандующего, которого демократическая власть всячески третировала и унижала. Конечно, подставной Сталин сильно волновался, но его встретили с таким восторгом и обожанием, что он сумел без запинки и вполне в сталинской манере произнести поздравление Сталина советскому народу по случаю победы в Великой Отечественной войне. Успех был оглушительный. Ветераны растрогались до слёз, обступили своего обожаемого вождя, каждый стремился до него дотронуться, его задарили цветами, конфетами и отправили домой на такси.

Однако первый успех не вскружил ему голову. У него насчёт своего будущего были вполне серьёзные планы: в пику врагам Сталина являть его таким, каким он остался в памяти народа – мудрым, добрым и непримиримым ко всякой лжи и несправедливости, которые отравляли настоящее, прошлое и будущее великой страны. Он стал непременным участником собраний, где была хоть малейшая возможность взойти на трибуну и воплотиться в вождя. Скоро на нового Сталина возник большой спрос в самых разных аудиториях. И даже оголтелые враги после его выступлений были вынуждены сквозь зубы признаваться, что с ним трудно, а порой и невозможно спорить, поскольку железная логика классика марксизма-ленинизма сочеталась в его выступлениях с сокрушительными фактами.

И вскоре бывший инженер водоканала стал в определённых кругах знаковой политической фигурой, и слава о нём докатилась до провинции, его стали приглашать то в один город, то в другой. Совсем недавно он посетил Самару, где его подхватил вездесущий Синюгин и заманил в наш город из чистого бахвальства как редкий политический персонаж, чтобы оживить тусклую действительность родины вождя мирового пролетариата, оказавшейся в стороне от финансовых потоков нефтедолларов.

Чистяков, которого обывательская молва считала пустым и безалаберным человеком, на самом деле всегда держал данное слово и, не заходя в ларёк, перебежал по мосту через Свягу к дому, где жила Соня, чтобы рассчитаться за охрану доверенного ему авто. Он и не предполагал, что его с нетерпением выглядывает с балкона Митя, который, завидев поэта, замахал руками и заулюлюкал, чтобы привлечь к себе внимание, затем бросился по лестнице вниз и, выбежав из подъезда, бросился Чистякову на шею.

– Поздравь меня! Я принял самое важное в жизни решение.

– Что ты надумал? Хотя стой, молчи! Ты решил жениться на Соне?

– Ты угадал, – зарделся Митя. – И хочу сделать это немедленно.

– Зачем прерывать свидание на такое скучное мероприятие, как женитьба? – хмыкнув, сказал Чистяков. – Разве нельзя отложить это дело хотя бы на завтра? Да и с родителями умно было бы посоветоваться.

Митя насупился и, глянув вверх, на балкон, где стояла Соня, нетерпеливо сказал:

– Ты отказываешься мне помочь?

– В чём? В женитьбе? Но у тебя всё на мази. Садись в авто с суженой и мчись в загс. Хотя они уже закрыты. Но за бабки можно зарегистрироваться в любое время суток.

– Нам загс не нужен, – заявил Митя. – Помнится, ты меня хотел познакомить со священником. Пусть он нас обвенчает.

– Откуда такая прыть? – покачал головой Чистяков. – У тебя же с ней всё тип-топ. От добра добра не ищут.

Митя смутился и потупился. Он не мог объяснить ни себе, ни случайному приятелю всего, что с ним произошло за последние несколько часов. Отношения между мужчиной

и женщиной представлялись ему совсем другими, чем оказались на самом деле. Митя даже в самом страшном сне не мог представить, что вид обнажённой и желанной женщины мгновенно лишит его сдержанности и благовоспитанности, и он превратится в пылающего похотью и не знающего удержу ненасытного самца, в своего обезьяноподобного первобытного предка. И прекрасная боготворимая им Соня стала для него не предметом обожания, а самкой, которую он, постанывая, мял и тискал и трижды опалил её лоно безудержным истечением огня, пока окончательно не обессилил и упал лицом вниз на измятую подушку.

Человеческое сознание вернулось к нему с чувством стыда, которое было столь сильным и острым, что Митя всхлипнул, и Соня приникла к нему всем телом и принялась утешать жаркими поцелуями.

– Этот вопрос не обсуждается, – твёрдо сказал Митя. – Мы едем к священнику.

Он подошёл к машине, открыл дверцу и, подняв голову, крикнул:

– Соня, поторопись!

– А кто будет со мной за охрану машины рассчитывать? – послышалось из распахнутого окна квартиры возле мусоропровода. – Я все глазоньки проглядела, пока ты у Соньки котовал, а теперь слинять хочешь? Не на ту напал, милый!

Митя растерялся, но Чистяков его не оставил в беде:

– Заказ на охрану отменяется. Мы уезжаем.

– Это как отменяется! – завопила старуха. – Плати за шесть часов, что я отсторижила. А то не с вас, так с Соньки слуплю в тройном размере. Нашлись мне, шустрые. Ужо сейчас позвоню внуку, он вас, шоблоту, на счётчик поставит! Слыхали про такое?

– Да уймись ты! – рассердился Чистяков. – Вот тебе за восемь часов сто рублей и замолчи, ради бога.

Старуха резво схватила деньги и выпучила глаза на крыльцо, где в ослепительно белом платье, белых туфлях и воздушной фате стояла Соня.

– Да у вас никак свадьба?

– Красиво жить не запретишь, – растерянно вымолвил оторопевший от неожиданности Чистяков, затем отпрыгнул к машине и открыл дверцу.

– Надо купить кольца, – сказала Соня. – И цветы.

– Я не знаю, какие при венчании порядки, но надо прихватить с собой ещё одного свидетеля, – озабоченно произнёс Чистяков. – И он нас ждёт.

– Где ждёт твой свидетель? – сказал Митя, когда вырулили на дорогу.

– У меня дома. Это ещё тот свидетель. Ни у кого он на свадьбе не был, а вам одним достался. Только одно условие: ничему не удивляться и не спрашивать.

Они переехали через Свягу по мосту и остановились возле чистяковского домовладения. Хозяин быстро вошёл в дом и через несколько минут появился на крыльце с человеком, поразительно похожим на Сталина.

– Кто это такой? – взволнованно прошептала Соня.

– Выглядит как Сталин, скоро узнаем, – пожал плечами Митя.

– И это наш свидетель?

– А чем он плох?

Чистяков открыл переднюю дверцу машины и усадил вождя рядом с женихом.

– Радуйтесь, друзья! Иосиф Виссарионович согласился быть на вашей свадьбе свидетелем.

– Не свидетелем, – строго сказал Сталин, – а дружкой. Кажется, здесь все православные, поэтому будем блюсти не заёмные, а свои исконно русские обычаи.

– Выезжай на Московское шоссе, – сказал Чистяков.

– Через два светофора будет торговый центр, где есть ювелирный магазин. А я заскочу в продуктовый. Вы своим скоропалительным венчанием перебили застолье, которое я вознамерился устроить в своём доме в честь вождя советского народа. А пока нам не худо было бы перекусить. Вы согласны, Иосиф Виссарионович?

Они благополучно миновали оба светофора и въехали на площадку перед стеклянным караван-сараям, припарковались и влились в поток покупателей весьма колоритной и привлекающей внимание группой. Впереди шли, взявшись за руки, Соня в подвенечном платье и Митя в джинсах и мятой рубашке. За ними следовали Сталин и Чистяков. Перед входом в ювелирный магазин их остановил охранник, внимательно обшарил каждого пустым взглядом и разрешающе кивнул бритой наголо головой.

Покупка колец не заняла много времени, но Чистяков

успел разглядеть и обойти все витрины с драгоценностями, но задержался у одной, где были выставлены миниатюры, выполненные в палехской манере, на народные исторические и религиозные темы. Одна из них ему показалась весьма любопытной, и он подозвал Сталина.

– Я уже видел икону с Матроной и с вами, Иосиф Виссарионович, в церкви. Миниатюру с этим сюжетом вижу впервые.

– Что вас заинтересовало? – сказал продавец. – Миниатюра со Сталиным? Она у нас пользуется спросом. Осталось два экземпляра.

– Покажите оба, – сказал Митя.

– Стоит ли тратить деньги на жалкий примитив? – усмехнулся Чистяков. – Или их у нас как грязи?

Митя пропустил насмешку лирического охламона мимо ушей, отдал деньги и протянул одну миниатюру Сталину.

– Это вам на память о сегодняшнем счастливом для меня дне.

Сталин вынул из нагрудного кармана кителя очки, внимательно рассмотрел изображение и сказал:

– Достоверно известно, что он в середине октября сорок первого года пришёл к Святой Матроне, и она ему объявила, чтобы он не уезжал из Москвы. Так Сталин и поступил: не уехал в Куйбышев и отстоял столицу.

Тем временем Чистяков успел набить сумку едой и питьём и, запыхавшись, догнал своих спутников, когда они устраивались на сиденьях машины.

– Куда ехать? – сказал Митя. – Это где-то за городом?

– На околице нашей большой деревни, – небрежно уточнил Чистяков. – Иногда мне приходится бывать в тамошнем храме.

– На службах? – поинтересовался Митя.

– Какой из меня верующий? – усмехнулся Чистяков. – Одно знаю, что я не язычник, а до веры в Христа мне ещё далеко-далеко. Отец Антоний одобряет некоторые мои писания, а я этим пользуюсь: когда на мели, то он даёт мне взамен тыщу-другую, естественно, без отдачи.

– Как-то нехорошо получается, – обеспокоенно сказала Соня. – Едем, не предупредив, а может, он занят чем-то другим. Надо было с батюшкой хотя бы созвониться.

– Это не проблема, – вынимая сотовый телефон, сказал

Чистяков. – Кто будет говорить?

– Ты и говори, – глянул на него Митя. – Намекни, что потраченное им время будет оплачено.

– С попами надо на эту тему говорить прямо, – усмехнулся

Чистяков. – Пятьдесят тысяч тебя не разорят?

На телефонный вызов ответила церковная прислужница.

– Отец Антоний занят с прихожанами, – отключив телефон, сказал Чистяков. – Но ты, Митя, не сомневайся, он вас обвенчает с большим удовольствием.

– Откуда такая уверенность? – капризно надула губки Соня.

– За вас самым убедительным образом походатайствует Митина фамилия, Козырев. А козырные люди в нашем городе могут почти всё. А Митя – в их колоде самый заглавный козырь.

– Я к этим фигурам не принадлежу и уповаю на ходатайство Иосифа Виссарионовича, – недовольно сказал Митя. – Думаю, отец Антоний не решится противоречить товарищу Сталину.

– Буду рад вам помочь, если смогу, – сказал Сталин, обнюхивая тёплый пирожок с капустой, которым угостил его Чистяков. – А что, с яблоком пирожков не было?

– Я торопился и не шибко разглядывал то, что покупаю. Может, заменить пирожок на беляш?

Они ехали по шоссе в сторону заходящего солнца, которое уже коснулось огненным краем линии горизонта и протекло багрово-сизыми языками протуберанцев на старые тополиные посадки, куда они повернули на разбитую, когда-то покрытую асфальтом дорогу к посёлку, на краю которого стоял невеликий православный храм. Никто из них не перекрестился, не от безверия, а от того, что не был научен этому с детства, но каждый почувствовал даже от простого лицемерия храмового благолепия, как помягчело у него на сердце.

– А вот и сам отец Антоний, – сказал Чистяков. – Остановись здесь. Он не любит, когда подъезжают к самой паперти. Не торопясь, выходите, а я пойду на разведку.

Священник, прощаясь, благословлял своих духовных чад, и приедем пришлось подождать, пока Антоний обратит на них внимание. Наконец старушки направились в сторону посёлка, и священник подошёл к Чистякову.

– Что у тебя за попутчики, с чем пожаловали? Хотя вижу, что ты привёз ко мне не гостей, а хлопоты. Кто это, не разберу

в сумерках, вроде военный?

– Это, батюшка, самый нужный тебе человек.

– Да ну. Хотя стой. Ты что, Сталина мне привёз?

– Не совсем его самого, но близко к нему, на этот счёт у него и документы имеются.

Беседуя, они подошли к машине. Соня догадалась сделать то, что другим не пришло в голову:

– Благословите, батюшка.

– Бог благословит, – благожелательно вымолвил отец Антоний и с видимым удовольствием позволил девице поцеловать свою руку.

Митя, покраснев до корней волос, тоже подошёл под благословение, но руку не поцеловал, на что отец Антоний нахмурился, и Чистяков поспешил сказать:

– Это Дмитрий Андреевич Козырев, коего ты, батюшка, желал увидеть сегодня.

– Как же, как же... – священник снова стал доброжелательным. – Я прочёл статью о душе, которую ты разместил в Интернете, и был поражён. Нет, это просто невероятно! Молодой человек и я, седой дурень, обратились к президенту страны с одним и тем же вопросом: «Кто в России отвечает за душу человека?»

– Но я в ЖЖ не писал, что обратился к президенту, – сказал Митя. – Откуда вы узнали?

– В Сети не пропадёт ни одно слово. Я набрал название статьи, твоё имя и вышел на обмен твоими комментариями с пользователем из Белоруссии. Ты сообщил ему о своём обращении к главе государства. Как видишь – всё просто. Так я прав или нет?

– Вы правы. А я понял одно, что душа сейчас не в почёте ни у мирских властей, ни у духовных, коль этим вопросом озаботился столь почтенный священнослужитель, как вы.

– А ты острый молодой человек, – снисходительно молвил отец Антоний. – Весь в своего отца, каким он был в молодые годы. Одно слово – умник, другое – правдолюб. Крепко я перед Андреем виноват, что своим примером сбил его с пути, а теперь этого не поправишь.

– Он доволен и собой, и своей жизнью, – сказал Митя.

– Хорошо, я с ним, даст Бог, ещё свижусь. А ты что от меня хочешь?

– Мы с Соней хотим обвенчаться.

– Прямо сейчас? – всплеснул руками отец Антоний. – Ты

что взял эту красавицу от родителей убегом?

– Скорее, это я его увожу от родителей, – тихо сказала Соня и взяла Митю за руку.

Отец Антоний задумался и молвил:

– Думаю, мои увещания вас не остановят. Остаётся уповать на волю божью. А я вижу, что вы оба не лишены искорок веры. Обвенчать – дело нехитрое, но за развенчанием ко мне не приходите, не приму. А сейчас ступайте на лавку и ждите, вас позовут.

Священник подозвал к себе прислужницу и велел приготовить всё для совершения обряда венчания. Затем он обратился к Чистякову.

– Скажи, как обращаться к твоему спутнику.

– Называй его товарищ Сталин.

– Не слишком ли высоко будет – товарищ Сталин? – усомнился отец Антоний. – Каждый человек должен жить под своим настоящим именем.

– Не сомневайся, батюшка, у этого гражданина паспорт выписан на имя Сталина Иосифа Виссарионовича.

Священник недоверчиво покачал головой.

– Разве такое возможно?

Сталин вынул из нагрудного кармана мундира паспорт и протянул отцу Антонию.

– Всё правильно: доверяй, но и проверяй. Вот ещё нотариально заверенный документ о моём появлении на свет.

Прочитав по два раза казённые бумаги, отец Антоний заметно разволновался.

– Вы явились как раз ко времени, а это ещё одно несомненное проявление чуда Блаженной Матроны. Завтра во её имя мы совершаем крестный ход и молебен на кладбище, где покоятся умершие от ран в военных госпиталях во время Отечественной войны и в послевоенное время. Приглашаю вас, товарищ Сталин, принять участие в богоугодном деле. При храме есть небольшая гостиница, можете в ней поселиться на сколько угодно времени.

– Перво-наперво надо обвенчать наших Ромео и Джульетту, – напомнил Чистяков. – Если нужны свидетели, то я и товарищ Сталин готовы поучаствовать в венчальном обряде.

– Я это сделаю с большой охотой, – сказал Сталин. – Только подскажите, что я должен делать.

– За этим дело не станет. Я пойду в храм, мне нужно

переодеться. А вы ступайте к жениху и невесте.

Новобрачные сидели на врытой в землю лавке и молчали, охваченные самыми противоречивыми чувствами. Митя после согласия священника совершить обряд венчания почувствовал сначала облегчение, а затем прилив радостной уверенности в своих силах, которые он подтвердил в этот день уже не один раз наедине с Соней. До неё он никогда не испытывал чувства победителя, и не будь на его пути Сони, скорее всего остался бы надолго, а, может быть, и навсегда жалким пробирочником. Но теперь, когда он перешагнул через свои комплексы рукотворного существа, ему стали доступны все ощущения, все краски, все нюансы человеческой жизни. И не будет преувеличением сказать, что Соня помогла Мите родиться во второй раз, уже настоящим земным человеком, в котором, к огорчению патриарха, плоть гораздо сильнее души, и бывший пробирочник не был в этом смысле исключением из правила.

Если Митя ожидал венчания как достойного окончания, пожалуй, самого важного в своей жизни дня, то Соня пребывала в растерянности. Она вовсе не горела желанием сочетаться браком с милым и наивным парнем, который ей понравился, но не более того. Слишком много ей пришлось испытать житейских тягот, унижений и соблазнов, чтобы сохранить свою душу в первозданной чистоте. Она уже давно не верила никому и ничему. В день, когда встретила Митю на волжском пляже, чуть не пустилась по уговору подруги во все тяжкие, но что-то её удержало, а затем толкнуло бежать сломя голову из гостиничного номера, чтобы встретить в потёмках Митю. И только сейчас, глядя на вызолоченный закатом купол церкви, она догадалась, что всё это произошло не случайно, а по воле каких-то недоступных её пониманию сил.

– Нам пора, – произнёс Митя подрагивающим голосом. – Отец Антоний зажжёт в храме полный свет.

Они поднялись с лавки и пошли к храму по влажной от росы траве, и за ними оставался похожий на давно проторенную тропу ясно видимый след, освещённый едва видимым светом загоревшейся на небе вечерней звезды.

Глава четвёртая.

- 1 -

Ужин при свечах удался на славу, особенно его интимное продолжение, после чего я в самом безмятежном состоянии духа отошёл ко сну и почивал, аки младенец, но утром проснулся с посасывающим душу беспокойством, будто мы с Любой в квартире не одни, кто-то затаился в ней ещё, и нам грозит близкая опасность. Страх смыл остатки сна. Я встал с кровати и, прихватив в качестве оружия мраморную пепельницу, обошёл, крадучись, все комнаты. Затем заглянул на кухню, в ванную и туалет, включил свет в кладовке и тёмном коридорчике возле входной двери и удостоверился, что никто нам не угрожает, а все мои страхи имеют совсем другую причину, скорее всего – Митю, который оставшись у Сони, вполне мог вляпаться в какую-нибудь историю.

На несколько настойчивых телефонных вызовов он не ответил, и это укрепило меня в догадке, что пробирочник выкинул какой-нибудь фортель и мне достанется на орехи от Андрея Ильича за небрежение к своим служебным обязанностям. Надо было этого избежать, поэтому я быстро оделся, на ходу подкрепился чашечкой кофе и поспешил в офис концерна. И сделал это очень вовремя: возле моего кабинета нетерпеливо перетапывался Маркин. От него я мог всегда получить информацию, по достоверности не уступающую той, за которой охотилась розыскная команда начальника службы безопасности Ершова.

Маркиная держалнакороткомповодке, чтобы он не заносился и знал своё место. Поэтому осадил его пренебрежительным возгласом:

– Что с текстом гимна? Или твоя милость опять об этом забыла?

– Чистяков вырвал из меня за дюжину строчек полтора куска, но не в этом цимус ситуации.

– Что ещё за цимус?

– Сокровенная суть или соль момента, – поучающе заметил Маркин.

– Не тяни kota за хвост. Все выплаты будут произведены по итогам юбилея в одном конверте, так что подачки от меня не жди.

– Мои сведения столь важны, что нуждаются в предоплате.

– Ты не цыганка, чтобы золотить тебе ручку.

– Повторяю: я претендую на предоплату.

Я приоткрыл ящик стола и углядел между папками пару тысячерублёвых бумажек.

– Ну и что ты откопал?

– Это продаётся с раннего утра в киосках, на автобусных остановках и в трамваях! – зловещим тоном произнёс Маркин и подал мне синюгинскую газетёнку «Стресс». – Весь разворот отдан сыну президента «Народной Инициативы». Обратите внимание на заголовок. Это надо же такое наворотить: «Наследник из английской пробирки».

Я развернул газету и увидел себя рядом с Митей. И где только успели щёлкнуть да ещё в таком виде: у меня открыт рот, а у Мити закрыты глаза. Это что, фотонамёк?

– Поражаюсь, что Синюгин осмелился ударить под дых самого Козырева, – осторожно произнёс Маркин. – Кажется, его кто-то как шавку на кабана натравил на Андрея Ильича.

– Выкладывай всё, что знаешь! – стукнул я по столу кулаком.

– Не всё так просто, Игорь Алексеевич, – вздохнул Маркин. – Многое наложилось одно на другое, сразу и не понять. С одной стороны, бузят «зелёные» по поводу экологии Бесстыжего острова, с другой – заметен явный интерес группы московских и немецких бизнесменов к активам вашего концерна. Губернатор ради забугорных инвестиций готов заложить всю Волгу вместе с Андреем Ильичом. Но самое, на мой взгляд, опасное для Козырева заключается в том, что люди устали от «Народной Инициативы», человеку и шагу невозможно ступить, чтобы не споткнуться о рекламу, магазины, здания и прочее, прочее, принадлежащее концерну. Многим кажется, что они уже принадлежат не себе, а достойному во всех отношениях олигарху Козыреву.

– Этот бред ты подчерпнул отсюда? – я положил ладонь на синюгинский подрывной листок.

– Что вы? – заметно побледнел Маркин. – Я изложил то, о чём говорят люди. За последние полгода после выборов президента они стали заметно другими.

Этот демократический выпад меня позабавил. Это надо же, за полгода люди стали другими, а считаешь Библию – и поймёшь, что человек за тысячи лет практически не изменился, всё так же лжив, труслив и жаден от времен Адама до президента Путина.

– А по моим сведениям, Синюгин сколачивает шайку из

блатного отребья, а вот зачем ему это понадобилось, ты уж мне доложи.

– Что за шайка? Кто в ней верховодит? – насторожился Маркин.

– Некто Чугун. Знающие люди считают его способным на всякие подлости.

– Слышал о нём в связи с поджогом кондитерской фабрики. Говорят, это его рук дело.

– И кто от пожара выиграл?

– Кто-то из самарских бизнесменов строит на этом месте дом на четыреста квартир повышенной комфортности. Могу уточнить.

– Ты уж постарайся, и родина тебя не забудет. Есть ещё что-нибудь вкусненькое? Ты ведь всегда приберегаешь самое интересное на десерт.

– В городе появился Сталин, – выдохнул Маркин.

– Тоже мне – новость. Я вчера его видел на улице, кстати, с Синюгиным. Это он его приволок в наш город?

– Похоже, что он. Вчера устроил ему встречу с журналистами в спор-клубе. И Сталин оказался далеко не прост. Во-первых, он умён, во-вторых, обезопасил себя железными доказательствами, что имеет право говорить от имени вождя советского народа.

– Наверно, у него справка от Ленина, – усмехнулся я.

– Нет, справка от вполне компетентных органов, что его нескольких часов от роду обнаружили почти сразу же после перезахоронения Сталина за Мавзолеем, на могиле вождя. У него и все личные документы на имя Иосифа Виссарионовича Сталина. При мне полиция проверила его и отпустила.

– Что ж, подобьём итог, – после некоторого молчания заметил я. – Вокруг Синюгина хороводятся весьма одиозные фигуры. Чего стоят только бандит Чугун и залётный Сталин. Надо с этим конкретно разобраться и понять, с какой стороны ждать подвоха. Такова вкратце суть задания на ближайшие сутки. Времени у нас нет. Послезавтра юбилей Козырева. По его итогам и будет определён гонорар всем участникам юбилейного торжества. Что касается тебя, то подготовь проект договора с концерном на оказание информационно-консультативных услуг.

– Какую поставить сумму, – шевельнул кадыком, сглатывая слюну, Маркин.

– Добавь к прошлогодней инфляцию и плюс пять процентов за оперативность.

И тут Маркин меня удивил, заявив, что он предпочитает получить расчёт немедленно по выполнении задания. Я презрительно на него глянул, но он не дрогнул.

– Андрей Ильич вот-вот перевалит на восьмой десяток. Я ему желаю всяческих благ, но мы предполагаем, а бог располагает. Вдруг у него лопнет мозговой сосудик. И кто мне оплатит мой труд?

Я счёл неразумным комментировать наглое заявление журналиста. Просто указал на дверь и рыкнул вслед, чтобы он не заносился в своих предсказаниях. Но после его ухода подумал, что Маркин сказал правду, и мне самому следует подумать, как не пойти на дно, если, не дай бог, с моим благодетелем произойдёт непоправимое.

Прежде чем идти к боссу, следовало сориентироваться в обстановке и позвонить Ершову. Начальник безопасности сообщил в своей обычной манере профессионального лгуна и негодяя, что «на Шипке всё спокойно» и ни о какой пасквильной статье он не ведаёт.

– У меня нет сотрудника, который отслеживал бы прессу. Но кто сейчас относится серьёзно к тому, что пишут в газетах?

– Даже если это прямой выпад против президента концерна?

– Хорошо. Я освобожусь и загляну в твою избу-читальню.

Я положил трубку и задумался. Нет, меня не насторожило поведение чекиста из бесславной когорты предателей советской власти, но после коротенького диалога с ним я почувствовал, как во мне тренькнул звоночек, предупреждающий об опасности, но размышлять на эту тему было некогда. Меня ждал Козырев, и я быстро пробежал взглядом статью, задерживаясь на абзацах, которые были выделены жирным шрифтом. Ничего нового для меня в ней не было, но все факты были расположены так, чтобы подчеркнуть основную мысль автора, неизвестного мне независимого политолога Капустина. Андрей Ильич Козырев был интересен ему тем, что в России наследственный капитализм невозможен, что всякий более или менее крупный собственник нелегитимен, что все они, как и воры в законе, генетически ущербны и в состоянии воспроизвести только ущербное потомство.

В качестве доказательной базы Капустин исследовал

появление на свет Мити Козырева и тут же назвал имена ещё нескольких известных олигархов, чьи дети якобы имели наследственные дефекты здоровья. «В романах пролетарского Гомера – Максима Горького, – заключил свою статью махровый политолог, – купеческие династии вымирают в третьем поколении. А ведь тогда были для капитализма благословенные времена, чего нельзя сказать о днях сегодняшних. Сегодня богатство создаётся на протяжении жизни финансово-промышленного гения, и по его кончине расходуется по рукам. И этого господину Козыреву избежать не удастся, сколько бы он ни вывел в пробирке наследников».

Ершов задерживался, я закрыл кабинет и, дойдя до приёмной, столкнулся с ним в дверях.

– Ты решил показать статью Андрею Ильичу? – сухо осведомился Ершов.

– В мои обязанности не входит быть вестником, приносящим султану дурные новости. Это, Евгений Кузьмич, прерогатива службы безопасности.

– Я не собираюсь Андрея Ильича беспокоить по столь ничтожному поводу, – завизировал полковник. – Если вы промолчите, то я спишу эту статейку в архив.

– Вы меня знаете, – осторожно произнёс я. – Лезть по своей инициативе на рожон – не в моих правилах.

– Вот и договорились, – осклабился полковник. – Ступайте к нему, но знайте, что я ему только что доложил о женитьбе Дмитрия Андреевича.

– Чуть подробнее, – взмолился я. – Как это воспринял Андрей Ильич?

– Митя обвенчался со своей пассией вчера вечером. И дружкой у него был сам Сталин.

– И что на это сказал Козырев?

– Сказал, что завидует молодым и рад за сына. Дословно: пусть натрахаётся до блевка, а дальше видно будет.

Ершов не обманул: Андрей Ильич встретил меня ласковой улыбкой.

– Обвёл нас Митя вокруг пальца. Признайся, ты ожидал, что он так вот с бухты-барухты напаялит на себя семейный хомут?.. И я не ожидал. А он, шельмец, взял да и обвенчался с этой, как её?

– Соней?

– Да, с Соней, Софьей, Софьюшкой! Теперь запоминать

надо, как её зовут, но это ненадолго, хотя чёрт её знает, что у неё за приманка, может, таким мёдом намазана, что Митя от неё никогда не отлипнет. Что скажешь?

– А если это любовь?

– А как же иначе? – хихикнул Козырев. – Мы, русские, никак без любви не можем, нам обязательно подавай разные там страсти-мордасти. Пусть их играют. Но ты позвони сейчас от меня, поздравь молодых и разведай, что они на сегодня наметили делать и каким образом с ума сходить будут?

Набрав номер, я установил громкую связь, чтобы Андрей Ильич слышал все слова сына.

Он откликнулся без промедления:

– Игорь Алексеевич?

– Есть слух, что вы с Соней обвенчались. Это так?

– Не отрицаю, но вы мне нужны, – торопливо сказал Митя.

– Через час можете подъехать?

– Не проблема. Но в какое место?

– На краю города справа, если ехать из центра по Московскому шоссе, стоит посёлок. Подъезжайте к церкви, спросите отца Антония. Он скажет, где я нахожусь.

Положив трубку, я взглянул на Козырева.

– Контакт установлен. Какие будут распоряжения?

– Продолжай за ним присматривать, – Козырев достал из ящика стола пачку тысячерублёвок и положил на стол. – У него, определённо, нет наличности. Если она ему понадобится, снабди его под расписку, чтобы чувствовал ответственность. Сейчас ему захочется отблагодарить свою суженую подарком. Больше тебе нечего мне сообщить?

Я сделал глубокий вздох и мужественно соврал, что ничего важного у меня нет.

Андрей Ильич глянул мимо меня, пожевал губами и буркнул:

– Так и запишем, что ничего не знаешь.

Выйдя из офиса, я спросил себя самого, а не сваял ли ты, Игорёк, дурака, промолчав о синюгинской статье? Доверие босса потерять можно в два счёта, а вот вернуть его скорее всего не удастся никогда. И я торопливо вырвал из кармана сотовый телефон. Козырев моему звонку не удивился и в ответ на мой жалкий лепет сухо проговорил:

– Я рад, Игорь, что ты видишь свои ошибки и не боишься в них признаться. Это меня в тебе обнадеживает.

Захлопнув за собой дверцу машины, я смежил веки и несколько минут провёл в молчании, чтобы успокоиться и прийти в состояние, адекватное дисциплинированному участнику дорожного движения. Я этого достигал очень просто: начинал думать о Любе, старался услышать её голос, представить с собой рядом и даже возобновить с ней прерванный вечером разговор о каких-нибудь домашних делах. Эту психотерапевтическую практику я открыл для себя случайно и прибегал к ней, когда попадал в пиковые ситуации с несомненной для себя пользой. Выручила она меня и сегодня, я подобрел настолько, что угостил сигаретой сунувшегося ко мне бомжа и чиркнул перед его опухшей рожей зажигалкой.

– Ну ты, брат, – настоящий полковник! – выдохнул бомж. – Пожалуй два червонца на «перчик».

Я с лёгкостью расстался с полусоткой, осторожно выпятился на проезжую часть и пристроился за жёлтой маршруткой.

День для меня начался не так уж и плохо, даже прекрасно. Главное, мне удалось очиститься в глазах босса от подозрений в нелояльности, которые явно его посетили в связи с тем, что я утаил факт появления статьи в синюгинской газетенке. Но ведь сделал это из самых гуманных побуждений, чтобы не травмировать Козырева пасквильными измышлениями. Принял удар на себя, поручил Маркину разузнать, кто является действительным автором и статьи, и затеянной вокруг президента «Народной Инициативы» возни, которая вполне могла перерасти в «оранжевую» революцию регионального масштаба.

Люди так уж устроены, что время от времени они начинают добиваться перемен в своей жизни, несколько не задумываясь над тем, что эти перемены в большинстве случаев не улучшат их благосостояния, не дадут свободы и честности гражданскому обществу, не обеспечат их личную безопасность. Но, как говорится, охота пуще неволи: разрушили социализм, соорудили на его развалинах толкучий рынок, теперь и этим крепко недовольны.

За три года почти всё, что продаётся в магазинах «Народной Инициативы», подорожало в полтора-два раза и дешевле не будет, даже если место Козырева займёт Билл Гейтс. Но кто об этом думает? Синюгин и его шайка организовали через СМИ и сплетни общественное мнение, и теперь оно денно и ночью подтачивает моего благодетеля и родственно близкого

человека. И нужно честно признаться, что первый тайм мы Синюгину вдребезги проиграли, только как и кто сообщит об этом самому Козыреву?

...Дорогу к церкви на западной окраине города я нашёл без затруднений и уже издали заметил, что вокруг храма многолюдно. На обочине стояли десятка полтора иномарок, среди которых я опознал роскошный лимузин оппозиционного редактора, а чуть в стороне и самого Синюгина, который суетился возле Сталина, явно уговаривая его сесть в свой «Мерседес» и продолжить разговор в салоне.

Синюгин был так увлечён, что на меня не обратил внимания, и, подъехав почти вплотную, я сумел подслушать конец их разговора.

– Мои планы переменялись, – твёрдо произнёс вождь. – Аванс я вам возвращу сейчас же, и наши отношения на этом можно считать исчерпанными.

– Вы переметнулись на сторону олигарха, – укоризненно сказал Синюгин. – Это не красит вас как вождя мирового пролетариата.

В ответ Сталин протянул серый конверт, явно с деньгами.

– Пересчитайте и напишите расписку в получении.

– Обойдётся без расписки, но деньги я пересчитаю: Сталин был известный жулик, и ты тоже такой.

Я подъехал поближе к церкви, припарковался под берёзой и, выйдя из машины, огляделся по сторонам. Здесь явно намечалось какое-то религиозное мероприятие с участием прихожан, скорее всего крестный ход, о чём можно было догадаться по большому кресту, двум хоругвям и иконам, которые на моих глазах вынесли из церкви, и верующие, оставив разговоры, потянулись к святыням, осеняя себя крестными знаменами. Большинство из них были людьми зрелого и преклонного возраста, обретшие в православной вере спасительное убежище от страха перед неизбежной смертью. Обособленно кучковались казаки и с десятков молодых людей спортивного вида в косоворотках, а рядом с папертью стояли несколько стариков с медалями на мятых пиджаках.

Из храма показался в торжественном облачении священник, благословил всех и встал позади креста. Раздались звоны церковного колокола, и процессия начала движение, но не в сторону города, а на полевою дорогу, которая вела к берёзовой роще. Я выглядывал Митю, но он подошёл ко мне сам откуда-то

из-за толпы вместе с Соней. По их сияющим глазам нетрудно было догадаться, что они счастливы.

– Поздравляю с законным браком!

– Спасибо, – Митя глянул на Соню. – Но мы намерены зарегистрироваться во Дворце бракосочетания.

– Правильно! – воскликнул я. – Куй железо, пока горячо. Андрей Ильич в восторге от вашего венчания.

– А мне кажется, что ему моё венчание представляется забавным курьёзом, – тихо сказал Митя. – Но я на него не в обиде.

– Как можно на такого отца обижаться? Вот и сегодня он благословил вас пачечкой тысячерублёвых на карманные расходы, – я протянул Мите деньги. – Не считал и не знаю, сколько здесь, но, думаю, на эту сумму можно бракосочетаться без всяких хлопот.

Митя взял деньги, на мгновение задумался и бережно, похозяйски, положил их в карман, не забыв застегнуть его на пуговицу, чему я мысленно поаплодировал: мой пробирочник, к счастью, ещё способен мыслить рассудительно и оставил деньги при себе, хотя бы на время, а не отдал молодой жене.

– Мне можно поучаствовать в крестном ходе? – поинтересовался я.

– Думаю, что можно, – сказал Митя. – Мы идём на кладбище. Там много могил умерших в госпиталях от ран в годы Великой Отечественной войны. После мы совместно решим одно дельце.

– Если не секрет, то, какое?

– Пока секрет, – улыбнулся Митя. – Поэтому я и нуждаюсь в твоей помощи.

Крестный ход уже пересёк пустырь, заросший лопухами и коноплей, и ступил на грунтовую дорогу-временку, которая была проложена по пшеничному полю к берёзовому острову, где находилось посёлковое кладбище. Я решил не притворяться верующим христианином и медленно шёл чуть позади процессии, прислушиваясь и приглядываясь ко всему, что было вокруг. И первым моим ощущением было, что я из своего времени совершенно неожиданно переместился в начало двадцатого века. Вокруг меня не было ни намёка на современность, разве что сотовый телефон в кармане. Остальное – поле начавшей созревать озимой пшеницы, просёлок с засохшими на нём комьями грязи, вереница верующих людей, тихое и нестройное

звучание молитвенных песнопений, покачивающиеся на древках хоругви и крест; всё это было похоже на ручеёк, который проторил себе дорогу через революционное, военное и застойное лихолетье в наше бессердечное и лютое время как последнее напоминание людям о Спасителе. И к моему стыду, я, как ни прислушивался к себе, не почувствовал ни одного отклика в своей закопчённой грехами душе на молитвенные призывы крестного хода. И единственным моим оправданием было лишь то, что я понимал, кто я есть на самом деле, а очень многие были не способны даже на это.

Дорога спустилась в низину, затем стала медленно подниматься на возвышенность, и движение замедлилось. Пожилым людям было трудно идти в гору, песнопения смолкли, и стала слышна спокойная тишина позднего утра: тихое шуршание стеблей пшеницы, поскрипывание, посвистывание бесчисленных летающих и ползающих насекомых, порхание бабочек и стрекоз и струящиеся из земли зримые потоки тепла. Я свернул с дороги к обочине и с трудом сорвал с колючего и крепкого стебля бутон татарника. Поднёс красную бархатистую подушечку к лицу и окунулся в медовый прилипчивый аромат полевого цветка, который был свеж и неподделен и явился мне не от Диора, а от земли, от её животворящих соков, которые питали это цветущее колючее растение.

Выйдя на возвышенность, я увидел, что до берёзового острова осталось всего несколько сот метров. Вскоре дорога покинула поле пшеницы, начался заросший крупной травой и кустарником пустырь. Я счёл нужным укрупнить шаг и вскоре догнал Митю и Соню, которая прикрыла свои волосы косынкой и выглядела очень мило. Чуть с боку и впереди нас шёл Сталин и нёс перед собой на руках икону.

– Обрати внимание на образ, – перехватив мой взгляд, сказал Митя. – Это Блаженная Матрона, к которой в октябре сорок первого года приходил Иосиф Виссарионович Сталин.

– А этот артист какое отношение к этому факту имеет?

– Самое прямое. Но об этом потом. Посмотри вперёд. Кажется, нас встречает журналистский десант.

Кроме просёлочной дороги, по которой двигался крестный ход, к кладбищу имелась ещё одна дорога, асфальтированная, от международного шоссе, и по нему мчалась кавалькада машин, разрисованных крупными надписями с названиями телерадиокомпаний, окормляющих жителей региона, а при

удаче и всей страны жареными новостями.

«Это они на Сталина открыли охоту, – догадался я. – Наверно, с подачи Синюгина. А тот его появление как-то свяжет с юбилеем Козырева, чтобы ему навредить».

Крестный ход остановился на поляне, священник принялся читать что-то из Евангелия, ему звонкими голосами поддакивали и подпевали двое служек, а я подошёл к первому ряду могил, отделённых друг от друга невысокими, ниже колен, железными оградками. Кто-то недавно обновил пирамидки памятников с небольшими восьмиконечными крестами краской-серебрянкой, подправил чёрной краской надписи, освежил дёрном сами могилы. Один ряд, второй, третий... Я насчитал шестнадцать рядов и в каждом – не менее тридцати-сорока захоронений. Все умершие родились в начале двадцатых и скончались в начале сороковых годов прошлого века от ранений, полученных на фронте, в госпиталях города. Более пятисот молодых парней. За что? Да, отстояли Отечество, да положили свои жизни в борьбе за свободу и независимость. Всё так. Но почему тогда вместо благодарности и восхищения перед их подвигом сердце посасывает и знобит обида, наверно, такая же, которую испытывает человек, когда полный радостных предчувствий спешит домой и на его пороге видит, что дом ограблен, двери сорваны с петель, окна выбиты и по комнатам гуляет сквонзьяк.

Молебен закончился, и люди разбрелись по кладбищу. У многих здесь были похоронены близкие родственники, и они, пользуясь случаем, посетили родные могилы. Но немалая толпа осталась и на месте, где произошли основные события крестного хода. А таковым было явление живой копии Сталина, которого многие верующие восприняли всерьёз и смотрели на него если не с благоговением, то с очевидным почтением. Всем было интересно узнать, как соотносятся между собой настоящий Сталин и приезжий, которому такая ситуация была привычной, и он, дабы не говорить самому, достал из кармана листовку и предложил огласить её кому-нибудь из любопытствующих людей. Охотник отыскался сразу же: старый казак в форме и хромовых сапогах. Он влез на бугорок, оглядел братию и медленно, с толком и расстановкой, прочитал что-то вроде жития приезжего Сталина, затем огласил и показал всем его паспорт.

– Всё настоящее и подлинное – бумага, печати, водяные

знаки, – подытожил старый казак. – Я в органах четверть века отслужил. Это действительно Иосиф Виссарионович Сталин, обретенный на могиле вождя в день его перезахоронения из Мавзолея в тысяча девятьсот шестьдесят первом году. Точнее – он заглянул в листовку, – в ночь с тридцать первого октября на первое ноября.

– Как же он не замёрз? – раздался чей-то сомневающийся тенорок. – Ноябрь в России бывает морозным.

– Как спасся? – старый казак повернулся в сторону вопрошавшего. – Известно как: господь помог, послал добрых людей из кремлёвской охраны, они младенца подобрали. Чудо в другом: младенец оказался как две капли воды схож с покойным вождём. Но как это чудо понимать?

Разговор принял опасное направление и мог перейти в спор, но этого не допустил отец Антоний:

– Рассуждать о чуде не нашего ума дело. Для этого при Священном синоде есть особая комиссия, в которой заседают митрополиты и виднейшие богословы. Что касается моей оценки, то я считаю, что младенец на могиле Сталина обретен как напоминание о великом и справедливом вожде православному народу. Только и всего.

Корреспонденты, которые тщательно записывали всё происходящее на видеоаппаратуру, решили, что настал их черед действовать, и, тесня верующих, приступили к священнику и приезжему Сталину с вопросами:

– Товарищ Сталин, почему вы приехали к нам, с какой целью?

– Время от времени я совершаю поездки по стране, как и всякий другой.

– Вы не всякий другой: вчера ОМОН всех задержал, а вас отпустил. Что за документ вы показали?

– Паспорт и патенты на индивидуальную деятельность.

– Стало быть, вы торгуете тем, что похожи на Сталина?

– Торгуют враньём, ложью о великом вожде, а я говорю о нём правду, доношу сталинскую правду до всякого, кто хочет её знать.

Вопрошатель притих, но всего на мгновенье:

– Где вы нашли эту правду, которую якобы раздаёте людям?

– В его книгах. Я знаю наизусть более десяти тысяч страниц написанного им текста, а кто из вас знает хотя бы одну строчку

Сталина?

– Хватит политики! – оттеснила в сторону своего коллегу востроглазая журналистка. – Ясное дело, что вы появились здесь с какой-то целью. Вас пригласил сюда наш олигарх Козырев на свой день рождения?

Сталин растерянно глянул на отца Антония и пожал плечами:

– Не имею чести знать Козырева.

– Тогда его Синюгин нанял, чтобы он в его газетёнке проклял «Народную Инициативу», – язвительно выкрикнули из толпы.

– Граждане корреспонденты! – выступил вперёд священник. – Иосиф Виссарионович – мой гость. Он один из лучших специалистов по Сталину и приглашён мною в связи с явно возросшим интересом православных людей к личности и деяниям одного из величайших руководителей нашей страны. Этот феномен нуждается в изучении и разумном объяснении. Здесь крестный ход, и эту пресс-конференцию я закрываю. Благодарю за внимание.

Твёрдая речь отца Антония произвела нужное впечатление, и журналисты отступили, тем более что главную часть своей работы они выполнили: засняли приезжего вождя, прихожан, кладбище, а на видовой ряд можно положить любой текст и выдать в эфир очередную сенсацию регионального масштаба, на которую вполне мог аукнуться и какой-нибудь из центральных каналов телевидения.

Мне показалось, что все они насытились информацией и вот-вот сгинут с глаз долой. Однако я ошибся и, каюсь, прошляпил и выпустил из виду Митю и Соню, на которых коршуном насел газетчик из синюгинской газетёнки. Он сумел сфотографировать их не менее десятка раз, пока я не вырвал у него фотокамеру и не зашвырнул её на сиреневый куст, где она, повиснув на ветке, продолжала, раскачиваясь из стороны в сторону, пощёлкивать «затвором» и подглядывать за всем, что происходило вокруг.

– Ты умеешь пользоваться этой штуковиной? – сказал я Мите, показывая на фотоаппарат?

– У меня точно такая же камера.

– Сними её и засвети всё, что нащёлкал этот жулик.

– Сам ты жулик, – буркнул газетчик. – Вся ваша «Народная Инициатива» – сплошное жульё.

– Что он такое говорит? – Митя вернул камеру владельцу.

– А то, господин Козырев, что о вашем папаше крупными слезами тюрьма плачет. Кстати, вы прочли нашу сегодняшнюю газету, там вашему олигархическому клану посвящён целый разворот? И в нём вы можете почерпнуть...

У меня не было другого способа заставить заткнуться ретивого журналюгу, как прыгнуть в его сторону, схватить за горло и припечатать к могильной ограде. Я это проделал с излишним пылом, да и сам мужичок оказался квелым и, шмякнувшись о ржавые железные прутья, обмяк и стал закатывать глаза. Пара несильных пощёчин привела его в чувство, а может быть, и шум, который послышался с другого края кладбища и, нарастая, двигался в нашу сторону.

– Что это такое? – испуганно воскликнула Соня.

– Это «Наши» подъехали, антифашисты. Сейчас вашему Сталину и вам достанется по полной программе!

Я вознамерился наградить газетчика пенделем, но он отпрыгнул за берёзу и, пригнув голову, кинулся бежать между могил.

– Митя, забирай Соню и дуй без оглядки по той дороге, по которой пришли, к церкви.

– Я не пойду, от кого мы должны убежать? – заартачился Митя.

– Поймёшь, когда начнут бить палками! Спасай Соню!

Митя понял, что им угрожает настоящая опасность, схватил Соню за руку, и они быстрым шагом, а затем бегом направились в сторону просёлочной дороги. Конечно, я переборщил в оценке «Наших», это была зелёная вполне обеспеченная молодёжь, вообразившая себя защитниками демократии и проводившая временами шумные акции протеста против всего, на что ей укажут поставленные властью руководители. Они много кричали, могли изрисовать асфальт, забор или стену какими-нибудь надписями, но мордобития за ними не числились. Поэтому, отправив молодых, я остался на месте, пока не вспомнил, что в крестном ходе участвовали казаки и парни в косоворотках, и они могли вполне напастылять противникам Сталина, если те начнут обгавкивать вождя и сравнивать его с Гитлером.

Сделав несколько шагов, я почувствовал, что мочевого пузыря полон и требует немедленного облегчения. И тут меня постигло ещё одно несчастье – заело брючный замок, я едва

успел с ним справиться и, поскрипывая зубами от нетерпения, достиг желаемого облегчения. Затем скорым шагом направился на близкий шум и крики, в которых, к счастью, не было озлобленности и они походили на торопливый лай молодых дворняжек, загнавших на деревянный столб взъерошенную кошку.

На узкой поляне между березняком и кладбищем тесной толпой стояли около трёх десятков юнцов и выкрикивали по команде своего руководителя:

– Фашизм не пройдёт! Сталин и Гитлер – близнецы-братья!

Отец Антоний с храмовыми служками, казаки и парни в косоворотках недоуменно поглядывали на крикунов и колебались, не зная, как поступить – намылить хулиганам шеи или не связываться с явно ненормальной молодёжью, облаканной властью и чувствующей свою безнаказанность.

«Где же Сталин?» – встревожился я и тут же его увидел. Вождь был спокоен, он приблизился к «Нашим» на несколько шагов, сокрушённо показал головой и, подойдя к казакам, громко произнёс:

– На глупых не обижаются. Но и волю давать им нельзя. Надо их проводить отсюда, а тем, кто заартачится, помочь. Командуйте, есаул!

– Слушаюсь, товарищ Сталин!

Старый казак вышел и повернулся лицом к строю.

– Хворые и слабые – в сторону! Остальные – вперёд! За Родину! За Сталина!

Схватка длилась недолго. Парни в косоворотках, бывалые кулачные бойцы, с криком: «Русь! Русь!» плотной стеной двинулись на «Наших», и те сначала попятнулись, а затем дружно побежали. Вдогонку за ними кинулись несколько казаков, но старый казак, которого Сталин произвёл в есаулы, их остановил.

– Пусть драпают небитыми, это позорнее, чем бежать в синяках и ссадинах.

Настроение у всех было победным, но отец Антоний охладил своё войско напоминанием, что каждый из них должен благодарить господина за то, что тот не дал совершиться кровопролитию.

Священник пристально оглядел внимавших ему людей.

– Теперь и мы точно знаем, что у нас есть ненавистники. Не эти юнцы-недоумки, а те, кто ненавидит Сталина, стало быть, и

Россию. За что же враги Отечества воздвигли такие гонения на Сталина? Ответ на этот вопрос должен знать каждый. Сегодня в России либералы и прочие обиралы народа каждодневно заняты истреблением справедливости, но до конца им её не уничтожить, поскольку защитником справедливости во мнении народном всегда был и навсегда остался Сталин, вечная ему слава и вечная память!..

К священнику, чтобы лучше его слышать, стали подходить люди, и я понял, что это закончится молитвами и, как посторонний человек, отошёл в сторону. Я вполне могу отнести себя к сочувствующим христианству, но не в силах представить себя молящимся в толпе прихожан, с благоговением внимающим проповеди поселкового батюшки. Упаси бог, я тоже обеими руками за справедливость, но, по правде говоря, она меня не колышет, поскольку в моём житейском рассуждении для меня справедливо то, что угождает моему желанию. И так думают все люди, за исключением ничтожного числа идеалистов, но никто не афиширует своего понимания добра и зла, все предпочитают выглядеть добродетельными людьми, и только единицы, вроде Козырева, с капиталом до полумиллиарда зелёных могут, если только захотят, сказать правду о земной справедливости. Но и они предпочитают помалкивать, чтобы не лишать человечества права сходить с ума от веры в земную, а тем паче в небесную справедливость.

Весёлое и шумное плескание берёзовых ветвей и листьев заслонили от моих ушей слова нравоучительной проповеди отца Антония, и я подумал, что язык природы до сих пор звучит для человека гораздо убедительнее и проникновеннее самого гениального поэтического слова. Вот и эта берёзка мне нашептывает:

«Я молода, шалун-ветер щекочет мою клейкую листву. Я смеюсь, радуясь погожим дням, солнечному свету и летнему теплу. Я чувствую, как живые соки земли омыают мои корни, поднимаются по ним к стволу и растекаются по всем веткам и веточкам к листьям. И я безмерно счастливее тебя, человек, потому что не ведаю ужаса смерти, который присущ тебе во все дни твоей жизни, и ты, чтобы спастись от него, выдумал себе бога с его избирательной справедливостью – туда ли ты идёшь, слепец? Стань, как я, деревом, стань травой, стань мхом, и будешь счастлив, потому что избавишься от желаний, надежд, от всех страстей и будешь знать свой конец: пасть

с ветки и покатиться, полететь, гонимый ветром и наконец дожждаться снега и уснуть навсегда под пышным покровом русской зимы».

Я давно не был в лесу, и листвяной шум, запахи земли, травы и цветов на могилах вызвали у меня лёгкое головокружение, и, чтобы освежиться, я вышел на продуваемую тугим и тёплым ветром опушку, присел на берёзовый пенёк и закрыл глаза. Странное дело, но ещё далеко не старый мужик, на одном дыхании взбегающий с пляжа на волжскую гору, я, побыв пару часов сначала в пшеничном поле и затем в берёзовом лесу, устал и разомлел, как после дня тяжёлой физической работы. Меня неудержимо повлекло лечь на густую траву, сорвать с земляничного кустика несколько спелых ягод, положить в рот и, медленно пожёвывая сладкую мякоть, погрузиться в окутывающую меня со всех сторон дрему, а затем провалиться в глубокий, как обморок, сон. Но лишь только, поддавшись лени, я сполз с пенёка на траву, сорвал горстку земляники, как невдалеке услышал знакомые голоса.

– Пойдём в посёлок, когда солнце спрячется в тучах, – карпизно сказала Соня. – Сейчас ещё очень жарко. Но вроде ветерок поднимается.

– Игорь Алексеевич меня почти напугал, – рассмеялся Митя. – Я поверил ему, но это были совсем молодые ребята, почти школьники.

Скрываться в траве дольше было нельзя. Я поднялся на ноги и шагнул за дерево, где убрал с одежды травинки и следы пыли.

– Для кого церковный праздник, а для меня вышло нечто вроде пикника, – беззаботно произнёс я, подходя к молодым. – Вам повезло: увидели настоящий провинциальный молебен, да ещё с кем – с самим генералиссимусом Сталиным. После отцовских именин поедете в свадебное путешествие в Париж, Рим, Лондон. Будет что порассказать европейцам о загадочной русской душе, уверовавшей в святость одного из самых великих громил прошлого века.

– Сталин вас тоже чем-то обидел? – удивился Митя.

– Меня, лично – нет. Но, согласись, что репутация у него ужасная.

– Однако в народе он знаменит. Его, кажется, даже, чуть было, не выбрали в символы России. Вот и сегодня не менее ста человек прошли по жаре крестным ходом с иконой, где

запечатлен вождь советского народа. Никто из правителей России в прошлом и нынешнем веке не удостоивался такой чести.

– Мысли более чем странные, – строго заметил я. – Не оглашай их, Митя, при гостях на именинах Андрея Ильича. Может выйти скандалчик. Наш губернатор вообразил себя борцом за дело генералов-предателей Краснова и Власова и может закатить истерику даже при одном упоминании имени вождя.

– Даже так! – радостно воскликнул Митя. – Тогда от моего подарка имениннику губера вполне может хватить кондрашка. Что, Сонечка, откроем Игорю Алексеичу секрет нашего сюрприза?

– Обязательно надо с ним посоветоваться. Твой подарок может быть неприятен не только губернатору, но и твоему отцу.

– Скорее всего, ты права, – согласился Митя. – А моя идея проста: подарить отцу приезжего Сталина.

– Как это подарить? Это ведь не вещь, а человек. Он что, при Козыреве будет исполнять роль шута?

– Зачем шута, – обидчиво возразил Митя. – Кем захочет, тем и будет. Я ведь не навсегда его найму, а на один день. Дальше видно будет. Может, они сойдутся с отцом характерами и взглядами и станут закадычными друзьями.

– Ты с ним уже говорил?

– С кем, со Сталиным?

– Нет, с Андреем Ильичом.

– Мы хотели сделать ему сюрприз, – сказал Митя. – Я и отец Антоний вчера провели с вождём в беседе почти всю ночь. Так вот он мне показался проницательным человеком. К тому же знает о своём однофамильце почти всё и способен цитировать его работы наизусть часами. Отцу с ним будет о чём потолковать.

– Ну и о чём же будут толковать лжевождь и олигарх?

– О преимуществах социализма над капитализмом, – усмехнулся Митя. – Одно замечание: ты назвал живого Сталина лжевождём. Но и отца тоже можно назвать лжеолигархом, потому что богатство ему досталось случайно, и если власть в России перейдёт к человеку с ружьём, то президент «Народной Инициативы» будет этому рад больше Зюганова.

– Такого от него никогда не слышал, – сказала я. – С богатством

не расстаются по своей воле. А мой босс далеко не дурак. Но ты меня убедил в том, в чём и хотел убедить. Я не против твоего подарка, но Сталин может заломить несусветный гонорар.

– Я знаю, что ему надо. Он хочет издать свои размышления о Сталине, что-то вроде святого жития, страниц на сто. Отец Антоний благословил меня помочь ему в богоугодном деянии. Так что вопрос оплаты решён.

Разговаривая с Митей, я, нет-нет, да и поглядывал в сторону Сони. Мне было любопытно знать, как она себя чувствует, став женой единственного наследника мультимиллионера долларового розлива, но по её отрешённому виду трудно было составить хоть какое-нибудь представление о том, как она переживает случившееся с ней за последние сутки. Зато Митя был явно на седьмом небе от радости и безоглядно верил, что обрёл в Соне разом всё счастье, которое ему было отпущено на всю его жизнь.

Внезапно лицо Сони оживилось испугом.

– Вот и досиделись! – зло сказала она. – Менты явились.

По просёлочной дороге прямо на нас выехал автобус, из него высыпали полицейские и, выстроившись в цепь, пошли прямо на нас.

– Надо бежать!

– Поздно, Митя, – сказал я. – Надо сдаваться. Это не омовцы, но хрен редьки не слаще. Ничего не говорите. Я возьму всё на себя.

Но с нами никто не собирался беседовать. Молча, схватили за руки и потащили к автобусу.

– По какому праву вы нас задерживаете? – вякнул я.

И тут же получил конкретный ответ: болезненный тычок резиновой дубинкой в печень, который согнул меня пополам. Последовал и второй удар дубинкой – по спине, который заставил меня выпрямиться и сообразить, что трепыхаться и вступать в дискуссию о правах человека не имеет ни малейшего смысла.

На помощь нашему конвоиру поспешил водитель автобуса. Он распахнул дверцу и облапил Соню, заталкивая её в салон. Она взбрыкнула и угодила ему каблуком в голень. Водитель взвизгнул, выматерился и, схватив её за волосы, бросил на железный пол. И тут на него ястребом налетел Митя и так шибанул, что водитель кубарем полетел вглубь автобуса. В отместку наш конвоир треснул его со всего размаха дубинкой

по голове, и Митя кулем свалился наземь.

– Ты его зашиб насмерть! – сдавленным голосом прошептал я. – Ты хоть знаешь, кого ты убил, сержант? Это сын самого Козырева, дубина ты, нет – чурка с гляделками! Теперь тебе или минимум пятнадцать лет впаяют, или будут убивать так долго и мучительно, что ты, прежде чем сдохнуть, не раз пожалеешь, что родился на свет.

Мент побледнел и наклонился над своей жертвой.

– Живой, – радостно объявил он, дотронувшись до головы Мити дубинкой. – Глазами лупает. Ну что разлѣгся, вставай. Сейчас остальных приведут, уберись с дороги!

Я помог Мите подняться, усадил его на жѣсткое сиденье и сам притулился рядом.

– Где Сонечка? – еле шевеля языком, спросил Митя.

– Сидит впереди тебя. Ты как себя чувствуешь?

– Нормально. Только в голове мутно. За что они нас так били?

– Это, Митя, есть великая тайна России. Здесь всегда били, бьют и будут бить тех, кто, образно говоря, ниже или выше ростом. И помолчи. Ты, я чувствую, хочешь сказать, что этого не должно быть в демократической стране, но это есть. И брызгать против ветра не стоит.

Группа захвата достигла поляны, где предавались молитвам участники крестного хода, и до нас донеслись протестующие крики, вопли, угрозы и мольбы о помощи.

– Никогда бы не подумал, что в современной России возможно гонение на верующих, – сказал Митя. – Но у бога всего много, особенно в России. Мне кажется, что менты и нацистская шпана появились здесь с одной целью – помешать прославлению иконы блаженной Матроны. И вызвал ментов и нацистов скорее всего кто-то из ближайшего окружения архиепископа Прова.

Шум и крики стали слышнее, и среди берѣз появилась толпа человек в двадцать, которую кольцом окружали полицейские с дубинками в руках. Довольно скоро все задержанные оказались возле автобуса, где их выстроили друг за другом и стали по одному заталкивать в салон. Рукопашной схватки избежать не удалось, казаки и молодые ребята упирались изо всех сил, но появились наручники – и наиболее строптивые и удалые были ими усмирены и затолканы через заднюю дверь в салон, где их сложили друг на друга, как дрова, и утихомирили дубинками.

Митя наблюдал за всем, что происходило, во все глаза. Ему, жителю демократического королевства, видеть такое было поучительно и полезно, если он думал оставаться в России. Эта мысль побудила меня спросить:

– Митя, а ты, случаем, не подданный королевы Елизаветы?

– Да, но я и российский гражданин. Однако документов при мне нет.

– Жаль, – печально пробормотал я и потупился, мысленно прокручивая варианты, как выбраться самому и вытащить Митю и Соню из лап полиции.

– Что тебе жаль? – донѣся до меня настойчивый шѣпот Мити. – Зачем ты спросил про моѣ гражданство?

– Было бы неплохо, если бы ты мог предъявить паспорт со львом на обложке этим болванам.

– Предъяви им стодолларовый документ, – помолчав, предложил Митя. – За каждого из нас по сотне баксов. Или мало?

Я с интересом глянул на идеалиста. Пробирочник, а оказался способным учеником, не прошло и недели, как постиг главное: всех нас можно купить за баксы. Или почти всех. Теперь я мог быть за своего подопечного спокойным, теперь он и без моей помощи может справиться с возникшими трудностями. Но сегодня я был ему ещѣ нужен.

Спогрузкой задержанных опять вышла заминка: кто-то снова заупрямился, и его, раскачав, забросили в салон. Я приподнялся, чтобы разглядеть упряма, и увидел поднимающегося с четверенек Сталина. Выглядел он неважнецки, белый китель был помят и испачкан, один погон генералиссимуса сорван, и вождь держал его в руке.

– Нет, я этого так не оставлю, – громко объявил Сталин. – У меня имеется весь пакет документов на занятие индивидуальным предпринимательством. Я буду жаловаться президенту. Он меня знает лично.

– Присаживайтесь и посапывайте в две дырочки, Иосиф Виссарионович, – громко прошептал я, подталкивая вождя к креслу. – У нас ещѣ будет время обсудить, что произошло. Возможно, в стране переворот и ваш друг президент, как и вы, арестован. Помолчите, пока вас не опоясали резиновой дубинкой. Поверьте, это очень больно, если по почкам или по печени.

Единственный, к кому полиция отнеслась сдержанно, то

есть без рукоприкладства, был поп Антоний. Может, уважение к священству ещё не покинуло этих извергов или они получили на счёт священника особые указания, но его пригласили присоединиться к своей пастве, и он без сопротивления это сделал, сев на переднее сиденье рядом с главарём группы захвата, костистым старлеем в пятнистом комуфляже.

Я оценивающе глянул в его сторону и отвернулся. Разговаривать с ним, чтобы нас отпустили, было бесполезно. Это был старый полицейский служака, выбившийся в командиры после двух десятков лет службы, и для него три звёздочки на мятых пагонах были важнее, чем золотые маршальские звёзды Сталина. Он плюнет и на тысячу долларов да ещё может дать кованым сапогом такого пенделя, что будешь помнить до гробовой доски. Оставалось ждать, когда нас привезут или в опорный пункт, или в райотдел полиции, и уж там найти делового и умного полицейского офицера и решить с ним накоротке все вопросы.

– Ты куда это собрался звонить? – полицейай вырвал телефон из рук казака. – Разбаловали вас, ряженных!

Автобус перестало болтать и подбрасывать на просёлочной дороге, мы выехали на шоссе и через полчаса оказались в огороженном высоким и глухим забором дворе райотдела полиции. Нас вывели из автобуса и затолкали в пустое полуподвальное помещение, где возле стен стояли замызганные деревянные скамейки, в углу за фанерной перегородкой пофыркивала проточная вода в гальюне, за большим столом сидел и курил сигарету полицейский майор. Я сразу же двинулся к нему и сунул свою визитную карточку. Полицейай взял её двумя пальцами, плюнул на мою фотографию и брезгливо отшвырнул в сторону.

– Кто из вас Козырев Дмитрий Андреевич?.. Подойди к столу! Вываливай всё, что у тебя есть в карманах.

На стол легли ключи, сигареты, зажигалка, пачка денег и флешка от компьютера.

– Что и требовалось доказать, – довольно произнёс майор. – Флешку я изымаю, а это барахло можешь забрать.

Он ловко сунул флешку во включенный ноутбук, поиграл компьютерной мышкой и углубился в чтение найденного текста.

Тем временем полицейские переписали участников несанкционированного собрания, и тех, у кого были с собой

документы, отпустили восвояси, но кое-кому выписали повестки. Наконец дошла очередь и до меня. Я за это время сумел изловчиться и положить стодолларовую бумажку в водительское удостоверение. Но взятка не потребовалась. Вошёл полковник полиции и громко сказал:

– Кто здесь из «Народной Инициативы?»

Я сразу же откликнулся на зов, но тот сначала подошёл к майору.

– Ну и что тут у тебя?

– Эксперты разберутся, но, на мой взгляд, выходит чистая двести восемьдесят вторая статья, разжигание межнациональной вражды.

– А ты не сгущаешь краски? – скривился полковник.

– Их нечего и сгущать, они и так настолько густые, что глаза режут. Так и назвал статейку: «О русском бунте».

– Ладно, – решил полковник. – Оформи изъятие улики, распечатай и мне один экземпляр на стол.

Затем он повернулся ко мне.

– Мне звонил Ершов. За вами вот-вот приедут его люди. С вами всё ясно. А вот с этим молодым человеком пока одни неясности. Очень для него опасные неясности.

– Да он в нашем городе всего три дня. Что, и уже стал главарём националистического подполья?

– Следствие разберётся, – сказал полковник. – Но этот гражданин успел сделать три провокационных выпада в Интернете. И каждый из них тянет на уголовную статью.

– Скажите, полковник, откуда вам стало известно об этих статейках и крестном ходе?

– Как это – откуда? От добропорядочных граждан, – хитро ослабившись, сказал полковник. – Статью сейчас распечатают, и я вам её отдам, так сказать, для ознакомления с составом преступления. Ершов знает, как действовать дальше. А дальше наклеивается очень непростое уголовное дело.

– Говорите, говорите. Я доложу о вашем участии в судьбе сына самому Козыреву.

– Этого делать не надо. В своё время Андрей Ильич меня крепко поддержал. Передайте ему, что всё идёт от Синюгина. И пусть он отправит сына на полгода куда-нибудь подальше от нашего города.

Благожелательная беседа с полковником имела для меня пользу: никто не счёл нужным составлять протокол о моём

задержании за участие в массовом несанкционированном мероприятии, потому что я приобрел статус приятеля главного полицейского района. Это позволило мне подойти к майору, который вяло отбивался от рассерженного отца Антония.

– Административное нарушение налицо, гражданин священник. Моё дело оформить задержание, предоставить улики, а суд решит, кто прав, а кто – нет. Скорее всего, дело ограничится небольшим денежным штрафом.

– Сколько? – отец Антоний погрузил свою ладонь в складки священнического облачения. – Зачем суд? Я заплачу, только не изымайте икону.

– Вот вы говорите, что это икона, а другие, и заметьте, высокообразованные и авторитетные господа, утверждают, что это – злобная митинговая наглядная агитация.

– Что за вздор! – всплеснул руками отец Антоний. – Вы знаете, что ради неё люди приезжают в храм за многие тысячи вёрст? Вы знаете, что она была обретена чудесным образом? Конечно, не знаете. Поселковый рыбак вытащил её на уд, и, хотя она была насквозь пропитана влагой, образ не покособился, не облез и после сушки обрёл первозданный вид.

– Всё это очень интересно, но на иконе написан Сталин, – устало произнёс майор. – Но вам мало показалось одного вождя, вы пригрили в храме его двойника. Спрашивается, зачем?

– Врата храма открыты для всех. Даже убийце путь в него не заказан.

Майор помрачнел, взял какой-то бланк, быстро его заполнил и протянул священнику.

– Вот вам документы на изъятие иконы для проведения соответствующих, если на это будет указание, экспертиз.

Отец Антоний шумно задышал, но у меня в кармане зазвонил мобильник, и майор в ответ на мой вопросительный взгляд поторопился ответить:

– Покалякай, только недолго. А вы, ваше преподобие, свободны. Пока свободны.

Я поднёс трубку к уху.

– Как вы там? – весело произнёс Ершов.

– У вас хороший друг.

– Да. И притом давний, со школы. К вам я направил микроавтобус. В нём есть одно лежачее место. Оно, я думаю, вам не потребует.

– Я жив-здоров. А вот у Мити проблемы. Кажется, небольшое

сотрясение.

– Я послал пару ребят, они вам помогут, если что пойдёт наперекосяк.

Пока я разговаривал, майор удалился, и в полуподвале нас осталось пятеро: я, священник, Митя, Соня и Сталин.

– Скоро за нами подойдёт машина, – сказал я. – А пока проведём блиц-опрос: кому помешал мирный молебен, чтобы на него обрушились такие репрессии. Начнём с тебя, Соня.

– Я не знаю, – промямлила она. – Скорее всего, плохое случается от зависти.

– Во всём, что произошло, виноват я, – сказал Митя.

Я повернулся к отцу Антонию.

– Дела мирские мне неведомы, посему я промолчу.

Сталин был человеком военным, в фуражке у него всегда имелась иголка с ниткой, он только что закончил подшивать оборванный погон на кителе и, застегивая пуговицу, отчеканил:

– Россия искала счастья, а нашла произвол. То ли ещё будет!

У меня тоже были кое-какие соображения о том, кто навёл полицию на крестный ход и крепко подставил Митю под удар карательной машины демократии, но я предпочёл их не оглашать в помещении райотдела полиции.

– Что ж, пора на выход, – бодро сказал я. – Хватит томиться в полицейском застенке.

На улице было ослепительно светло от яркого послеполуденного солнца, двор был пуст, ворота распахнуты настежь, и все мы направились к проезжей дороге. Но полковник не забыл своего обещания, на выходе меня догнал молоденький полицейский и вручил конверт с распечанными крамольными размышлениями Мити, которые вполне могли ему стоить нескольких лет свободы.

Сунув конверт в карман, я посмотрел в сторону доставившего мне за последние дни много неприятностей пробирочника и поразился тому, как он выглядит. Его лицо покрывала мертвенная бледность, вдруг он запошатывался. Соня не смогла его удержать, и Митя непременно бы громыхнул на асфальт, но его подхватил Сталин и прислонил спиной к стволу придорожного тополя.

– Что с ним? Но это не эпилепсия, я эпилептиков знаю, – беспокоенно сказал он. – Надо вызвать скорую помощь.

– Его ударил полицай дубинкой по голове, – я легонько коснулся ладонью щеки Мити. – Потерпи чуток, сейчас подъедет микроавтобус.

– Мне уже почти хорошо. Только чуть подташнивает.

– Я вызову скорую помощь.

– Не надо. Сначала поедем ко мне, а там будет видно.

Ершовские ребята подъехали буквально через минуту, они подхватили Митю на руки, погрузили в микроавтобус, где уложили на мягкую с подголовным валиком подвесную кровать.

Тем временем отец Антоний тормознул попутку для себя и вождя народов. Митя увидел, что его подарок на именины отца уезжает и слабо воскликнул:

– Игорь Алексеевич! Не упустите Сталина, он мне нужен.

– Никуда он не денется, – сказал я. – Наши ребята пригонят твою и мою машины от поселкового храма, где мы их оставили. Заодно и привезут твой подарок.

«Народная Инициатива» владела половиной долей одной из крупнейших городских клиник, и по моему звонку возле дома нас встретила бригада медиков. Митю на носилках занесли в квартиру, и врач принялся его расспрашивать и осматривать. Вскоре подъехал и узкий специалист. Его решение было безапелляционным:

– Вам жизненно необходимо немедленно лечь в больницу, чтобы обследоваться на компьютерном томографе.

Митя жалко скривился на Соню, и глаза его заметно налились слезами.

– Раз врач советует обследоваться, то надо его слушаться, – рассудила Соня. – Я поеду с тобой и останусь сиделкой, пока ты не выздоровеешь.

Я проводил Митю до «санитарки», взял у него ключи от квартиры, позвонил Любе, что скоро приеду домой, вернулся в бывшие обкомовские апартаменты, открыл холодильник, взял бутылку минералки и, вынув из кармана полученный от полковника конверт, сел в кресло.

Опус номер три, который Митя так неосторожно хранил на флешке, в распечатке занимал ровно десять страниц. Я взглянул на заголовок и удрученно покачал головой: с каждым разом молодой Козырев задирает планку своих историко-философских изысканий выше и выше. Начал с исследования российского вранья, затем пустился в поиски национальной

идеи, а сейчас, страшно подумать, сотворил эссе: «О русском бунте как земном воплощении Геенны Огненной».

Я перечитал несколько раз заголовки и понял, почему полицейский майор с такой жадностью ухватился за Митину писанину, словно нашёл в своём столе долгожданные погоны с заверенным подписью министра внутренних дел приказом о досрочном присвоении ему звания подполковника за раскрытие особо опасного антигосударственного преступления. Не читая статьи, я уже мог с уверенностью сказать, что Митя написал в ней приговор самому себе, и теперь у него только один выход – бежать сломя голову в сторону туманного Альбиона и звонить оттуда, подобно Герцену и Огарёву, в свой «Колокол» и звать Русь к топору и бунту. Уповать на всемогущего владельца «Народной Инициативы» было бы неразумным. Богатство Козырева в случае возбуждения уголовного дела по политической статье не выручило бы Митю, и даже могло сильно ухудшить его шансы на благоприятный исход судебного процесса. Слишком много алчных взоров было устремлено со всех сторон на процветающий концерн, принадлежащий, по сути дела, одному владельцу. И попади Митя в жернова судебной машины, он неизбежно станет предметом торга и неизбежных уступок со стороны Андрея Ильича, чтобы только выручить из беды единственного сына.

Нужно было немедленно довести до сведения Козырева содержание Митиной писанины, но самому мне показываться на глаза босса не хотелось. И он, будто догадавшись о моих колебаниях, позвонил сам. Выслушав моё сообщение, буркнул:

– Ну, а теперь излагай главное. Но не подробно, а в общих чертах.

– В полиции знают содержание новой статейки Мити и очень этому рады.

– Это почему же так? Чем он им угодил?

– Я не вникал в содержание, но сам заголовок тянет на двести восемьдесят вторую статью: «О русском бунте как земном воплощении Геенны Огненной».

Голос Козырева исчез, и вместо него озабоченно заговорил Ершов:

– Ты где находишься?

– В квартире Мити.

– Отдашь улику моему заму. Он будет у тебя через

полчаса.

– Как насчёт юбилея? – поинтересовался я. – Мне работать по плану или в него внесены изменения?

Ершов ответил после продолжительного молчания: видимо, советовался с боссом.

– Все мероприятия идут по составленному графику. Что касается Бесстыжего острова, то на нём объявлен карантин. И доступ на него ограничен.

– Но моя Люба всегда поздравляет Андрея Ильича лично, – заволновался я.

– Родни босса карантинные ограничения не касаются, – сухо объявил Ершов. – Отменяются всякие языческие игрища. Всё должно быть тихо и благопристойно.

Значит, действительно случилось нечто из ряда вон выходящее, если Андрей Ильич ввёл в своей резиденции особый режим охраны и отменил традиционные забавы. Скорее всего, теми, кто вознамерился захватить «Народную Инициативу» или оттяпать от неё порядочный кус, начаты боевые действия, но мой статус советника по общим вопросам не давал мне возможностей видеть всё, чем был занят сейчас Козырев, в натуральную величину.

Для войны у босса были другие люди, но что-то мог сделать и я в порядке инициативы. Например, обшарить кабинет Мити, чтобы в нём не осталось ни одной компрометирующей его бумажки. Вывернуть карманы его одежды, заглянуть во все укромные уголки квартиры и изъять всё, что могло бы повредить пробирочнику, к которому я успел крепко привязаться и даже полюбил за бесконечную доброту и отзывчивость, какие стали встречаться в русских людях всё реже и реже.

Митя ещё не успел обжиться в квартире, и одна комната была совсем нежилой, в другой стояла кровать со смятой постелью. Возле неё я нашёл женскую заколку для волос, но не стал её поднимать и прошёл в кабинет, где обнаружил в письменном столе толстую тетрадь в кожаном переплёте, с десяток новых и использованных дисков для компьютера, пару флешек и блокнот с записями адресов на английском языке. Всё это надо было немедленно спрятать в надёжном месте, чтобы улики не попали в руки следствия, которое, несмотря на все связи Ершова, можно было замять, но до конца загасить невозможно. Так уж устроена наша правоохранительная система, что улики в ней сохраняются вечно, и стоит только

пошевелить прокуратуру газетной статейкой, взяткой или властным окриком, как она воспрянет от летаргического сна и начнет рассматривать заросшее архивной паутиной дело.

В кладовке я обнаружил большой целлофановый пакет и сложил в него свои находки. Последней я положил тетрадь, но из-за любопытства снова взял её в руки, начал листать записи. Их было довольно много на английском языке, но в конце они были на русском. Митя записывал в тетради некоторые свои мысли, и они были о русском бунте.

– Пушкин почти во всех своих суждениях бесспорен, – каллиграфически безупречно начертил Митя. – Русский бунт действительно беспощаден, но так ли уж он бессмыслен? В мире нет ничего такого, что не имело бы смысла, который подчас распознать трудно, а иногда и невозможно, но это не означает, что его нет вовсе. Пушкинское определение, скорее, нужно понимать как утверждение того факта, что любой бунт, любое возмущение народа подавляется властью, и, говоря о бессмысленности бунта, поэт поделился с нами житейской мудростью, которая в его время была бесспорна. Но русский бунт тысяча девятьсот семнадцатого года одержал победу, и уже на следующий день стали ясны его смыслы: мир – народам, земля – крестьянам, власть – Советам...

«Лучше бы он писал стихи, как Чистяков, – подумал я. – А он, кажется, уже и в пробирке народился подпольщиком-революционером. Зачем ему это – иметь реальные шансы получить сотню миллионов долларов чистыми в наследство и размышлять о русском бунте. И без него на всех каналах и частотах то и дело кукарекают о новых потрясениях. Стоит ли звать на свою голову лихо?»

Едва я упаковал улики, как явились ершовские ребята, которые пригнали мою и Митину машины, оставленные нами перед крестным ходом у церкви, и привезли Сталина.

– Кому я должен отдать письмо для Ершова.

– Мне, – протянул руку плечистый парень. – Товарищ полковник приказал нам зачистить квартиру.

– Я уже это сделал. Компьютер и прочее в пакете.

– А тетрадь?

– Это мои записи, – не моргнув, солгал я. – Моя рабочая тетрадь. Пройдитесь по квартире, вы же спецы. Да, кухню я не осмотрел. И в холодильник загляните, там, кажется, есть пиво.

Воспользовавшись тем, что мы остались одни, Сталин поинтересовался:

– А где хозяин квартиры?

– Он, к сожалению, находится в больнице. Но вы располагаетесь, где пожелаете. В любом случае желание Мити представить вас своему отцу будет выполнено. Разумеется, ваше время будет оплачено – сразу же, как закончится день рождения.

– Если бы вы знали, – поморщился Сталин, – как мне неприятно говорить о деньгах, но приходится. А что с Митей?

– Ему сейчас просвечивают голову. Но, думаю, всё обойдётся, и завтра он отвезёт вас на Бесстыжий остров.

– Тогда мне надо позаботиться о подарке, – Сталин расстегнул свою дорожную сумку и вынул книгу. – Пока это самоделка, выполненная на компьютере и переплетённая вручную, но я надеюсь её издать большим тиражом.

– И в этой книге всё о нём, о вожде?

– Конечно, о нём, – подтвердил Сталин. – У меня есть сто тысяч рублей, а на издание нужно ещё столько же. Вот вам и ответ, почему я оказался в ваших краях.

– Думаю, юбиляр поможет решить эту проблему. Только будьте самим собой, не юлите, говорите всё напрямик.

– Разве я похож на артиста? – обиделся Сталин. – Артистов на руках носят, а меня уже не один раз били за то, что я – Сталин.

Ершовские ребята ничего не нашли и, подхватив пакет с компьютером, удалились. Пора было идти домой и мне. Перед уходом я дважды звонил по мобильному Мите, но его телефон был выключен.

– Телевизор работает. В холодильнике есть еда, вино и коньяк, если только ершовские хлопцы всё не повыжрали и не повыпили. Из квартиры нишагу. Примите ванну, причипуритесь и будьте готовы к встрече с господином Козыревым, которого вы ненавидите...

– Почему я должен его ненавидеть, – слабо запротестовал гость.

Я наклонился к его уху и прошептал:

– А разве его надо любить за то, что он предатель дела Ленина-Сталина?

Как это ни прискорбно, но за последнее время, не только я, но и многие люди заметно очерствели душой. И теперь редко кто откликается на чужое горе, большинство из нас даже не слышат, не видят его, а если что-то попадёт на глаза, то поспешат отвернуться и порадоваться, что плохое случилось не с ним. В этом смысле я – не исключение, и несчастье, случившееся с Митей, воспринял с тайной радостью, что и тебя, везунчика, богача и умника, может осадить дубинкой первый встречный полицейай, а ты ещё окажешься в дураках и виноватых. К тому же знакомство с «демократизатором» должно пойти Мите на пользу. Я мог бы ещё долго рассказывать пробирочнику о российском произволе власть предержащих, а он продолжал бы смотреть вокруг восхищённым взором и цитировать мне панегирики русскому народу от славянофилов и почвенников. Мне этот тупоголовый полицейай был послан его величеством случаем, чтобы просветить Дмитрия Андреевича в основаниях русской жизни, только зачем для этого бить человека по голове? Есть и другая, более мягкая часть тела, через которую учителя вколачивали ум в голову ученика, и о ней знали ещё в древности. Человека бить по голове нельзя, а тут ещё Люба вдобавок напомнила, о чём мне надо думать в первую очередь:

– Не дай бог, если Мите сильно повредили голову, и он не сможет стать президентом концерна. Аля говорит, что Андрей Ильич стал побаливать. Что будет тогда с нами?

– Думаю, что у Мити всё обойдётся.

– А ты не думай, а поезжай в больницу, навести его, посочувствуй беде. Это его поддержит, да и тебе самому не во вред будет.

Люба, как всегда, была права, надо было, не откладывая, навестить пострадавшего и поговорить с лечащим врачом. Я оделся в соответствии с предстоящими праздничными мероприятиями в строгий костюм, ослепительно белую рубашу, повязал с помощью Любы на шею шёлковый галстук, обулся в дорожные итальянские полуботинки, а в кейс бросил Митину тетрадь, чтобы вернуть владельцу.

– Встретимся на Бесстыжем?

– Я обещалась помочь Але в подготовке праздника, – сказала жена. – Слава богу, что не будет на этот раз уймы гостей, но без

меня ей не обойтись.

Официальному лицу концерна «Народная Инициатива», а таковым на сегодня в числе ещё нескольких ответработников, был назначен я, полагалось персональное авто, и у подъезда меня встретил одетый с иголочки водитель и распахнул дверцу «Мерседеса». Я упокоил своё тело на заднем сиденьи и велел ехать в частную клинику, где находился мой подопечный. Вход в стационар был свободным, но на втором этаже возле дверей палаты, где находился Митя, стоял один из бойцов Ершова, который меня узнал и поприветствовал лёгким кивком коротко остриженной головы.

Палата была пуста, и я обнаружил молодых на широкой и просторной лоджии с роскошным видом на Волгу, из-за которой уже приподнялось солнце. Они, сидя в плетёных из лозы креслах, предавались утреннему чаепитию.

– Игорь Алексеевич! – обрадовался Митя. – Тревога была напрасной. Томограф не выявил в моей голове ничего такого, что могло бы угрожать моему здоровью.

– Но доктор рекомендовал остаться в больнице ещё на несколько дней, – сказала Соня. – И затем сделать ещё один снимок.

– Для этого необязательно сидеть в четырёх стенах. К тому же завтра день рождения отца, – спохватился Митя. – Как там мой подарок?

– Находится в твоей квартире. Кстати, люди Ершова изъяли твой компьютер и диски, говорят, что из соображений безопасности.

– Я об этом уже знаю. Вчера здесь был этот Ершов и поставил возле палаты охранника. Напугал Соню. Разве за несколько дней я нажил себе таких опасных врагов, что они вознамерились меня убить?

– Конечно, нет. Просто начальник службы безопасности на всякий случай перестраховался. Но кое-что изменилось. Кажется, большие торжества на Бесстыжем острове отменены, в том числе и с вашим участием.

– Вот и прекрасно! – обрадовалась Соня. – Я сегодня же верну полученные деньги.

– Возвращать полученные деньги неразумно, – сказал я. – Но почему вы не посоветуетесь с мужем?

– Я против возвращения денег, – заявил Митя. – Что с возу упало, то пропало. И я уже тебе говорил, Соня, чтобы ты забыла

о деньгах вообще. Они у тебя будут всегда.

Разговор приобрёл сугубо семейное направление и меня не касался, поэтому я покинул молодых и поспешил на мясокомбинат, с которого начинались праздничные мероприятия во всех подразделениях и службах «Народной Инициативы» под брендом ежегодного корпоративного праздника, но все знали, что он посвящён очередной годовщине президента концерна.

Андрей Ильич и в будни был не скуп на милости своим добропорядочным сотрудникам, а в свой день рождения устраивал для всех пир горой, с приглашением артистов, циркачей и даже приезжих знаменитостей. Началу корпоративного гульбища по обычаю, оставшемуся с советских времен, предшествовало торжественное заседание, на котором чествовали передовиков и ударников капиталистического труда, вручали им почётные грамоты, благодарственные письма, оглашали списки лучших по профессии – и всё это можно было принять за отрывку социализма, если бы не позвякивание сотовых телефонов в карманах трудящихся передового во всех отношениях концерна, извещавших эсэмэской о зачислении на их счета премиальной, лично от Козырева, тысячи рублей. В честь семидесятилетия босса премиальный фонд был увеличен вдвое, но концерн ничего не терял от проявленной им щедрости: выданные людям деньги уже на другой день возвращались через продуктовые и вино-водочные отделы четырёх громадных торговых центров, принадлежащих «Народной Инициативе», на счета банка, также принадлежащего Козыреву.

Моя роль во всём этом праздничном бедламе была одновременно и простой, и многозначительной. Я должен был присутствовать в качестве официального представителя концерна на трёх торжественных собраниях, которые были спланированы таким образом, что я, отметившись на одном мероприятии, отправлялся на другое, затем на третье и после каждого отзванивался в центральный офис концерна, где находился штаб по проведению юбилея.

Дворец культуры мясокомбината к юбилею босса освежили побелкой и покраской оконных рам. Меня встретил председатель профсоюзного комитета. Мы прошли в зал, где я занял место в президиуме, рядом с руководящей головкой предприятия, и приготовился к тому, что все выступающие

будут делать в мою сторону реверансы как представителю концерна и великого юбиляра господина Козырева, который в своё время, не поперхнувшись, приобрёл предприятие за десять процентов его реальной стоимости.

Я достойно исполнял свою роль праздничного истукана, то есть терпеливо выслушивал оголтело-хвалебную чушь, которую несли с трибуны представители рабочей аристократии и производственной элиты крупнейшего в Поволжье производителя колбас, сосисок и прочей мясосодержащей дребедени, которую я никогда не брал в рот после того, как увидел, из чего это всё делается. Но мне приходилось видеть и не такое. Я научился помалкивать и посапывать в тряпочку, не строил из себя умника, сидел-посиживал в президиуме с подобающим крупному руководителю выражением лица, вяло похлопывал в ладоши и тупо, борясь с одолевающей зевотой, смотрел в зал. И не видел ни одного лица – одно сплошное поголовье, поблескивающее глазами от предвкушения бесплатной кормёжки, выпивки и танцев до упаду под выкрики и хрипы какого-нибудь обкурившегося дурью диджея.

Мероприятие благополучно завершилось, я отзвонился в офис и сообщил о проделанной работе. Затем бережно поддерживаемый под локоток председателем профкома, погрузился в «Мерседес» и отбыл на ликёро-водочный завод, где повторилось точно такое же представление, как и на мясокомбинате, с той лишь разницей, что происходило оно под мелодичный звон стеклотары цеха розлива, который работал на благо концерна круглосуточно и без остановок. Я был здесь впервые, и директор, приняв меня за важную шишку, предложил мне выступить, что я с большим удовольствием и сделал, провозгласив в конце своего выступления здравицу в честь концерна и её президента, которая была рьяно поддержана президиумом, а затем и всеми участниками торжественного собрания.

– Удобно тут у вас проводить праздничные мероприятия, – сказал я директору на прощанье. – Водка своя, прямо с конвейера.

– У нас работают только трезвенники, – заявил он. – Сегодня наш коллектив идёт в драмтеатр на премьеру трагедии «Царь Фёдор Иоанович».

– Обязательно доложу об этом Андрею Ильичу. Не ожидал, право, не ожидал, найти здесь такой очаг культуры,

– я вполне искренне пожал руку директору. – Ваш опыт надо распространить на все предприятия «Народной Инициативы».

«Нет, надо следить за своим враньём, – подумал я, сев в машину. – Ведь никто не требует от меня, чтобы я нёс подобную чушь. Взял и наговорил чёрт знает что! А зачем? Надо хоть в доме для престарелых не разевать свою варежку».

Андрей Ильич шефствовал над заведением для пенсионеров, оказавшихся в конце своей жизни в одиночестве, и не менее двух раз в год, на Рождество и Троицу, посещал его лично, но в свой день рождения доверял выполнить свою миссию другим. На этот раз такой чести удостоился я и, признаюсь, был не в восторге от этого поощрительного знака внимания президента концерна к моей особе.

Однако я зря беспокоился. Старички и старушки заинтересованно выслушали мой доклад об Андрее Ильиче, дружно похлопали в ладоши и преподнесли свои подарки имениннику регионального значения – вышитый гладью портрет юбиляра в дубовой раме и приветственный адрес, под которым подписались все обитатели богоугодного заведения. Не скажу, что это тронуло меня до слёз, но ответное слово я произнёс в некотором волнении. Я вдруг понял, что никто из живущих молодых и здоровых людей, не может быть уверен, что не попадёт сюда на дожитие и не закончит свою жизнь столь прискорбным образом.

«Сегодня я – успешный человек, дом у меня – полная чаша, все близкие живы и здоровы, но вот, не дай бог, наедет на мой представительский «Мерседес» груженная фура, и постоянная инвалидность мне, как минимум, будет обеспечена. Буду ли я нужен жене, не сбегит ли она меня в дом престарелых? На этот вопрос честно ответить не сможет ни она, ни я. И я ничем не отличаюсь от простых смертных, живу, как все, радуюсь тому же, чему радуются нормальные люди, в том же богоугодном заведении. Юбиляр их сегодня осчастливил каждого продуктовым набором в прочном бумажном пакете, на котором красовалась радостная физиономия Андрея Ильича. Но и обо мне он не забыл: на мобильнике нарисовалось сообщение, что мой банковский счёт пополнился суммой, которая была столь большой и потому, что включала в себя и мои премиальные, и расходы на стимулирование друзей «Народной Инициативы».

И первый, о ком я подумал, был Маркин. Этот пожилой сорванец обещал накопать мне компру на Синюгина и сегодня

должен был отчитаться о проделанной работе. Его молчание меня встревожило: могло случиться, что продувной, всегда державший нос по ветру журналюга переметнулся на сторону врагов концерна и слил за бабки всё, что ему ведомо дурного о Козыреве, в том числе и то, что нарыл по моему заданию, и подставил меня под удар, объявив своим тайным агентом. В драке важно не растеряться и ударить первым, и законы подлости были известны Маркину гораздо лучше, чем мне.

На мой телефонный звонок он отреагировал не сразу.

– Ты что, ещё не проснулся?

– Вроде этого.

– Надеюсь, ты не забыл моё задание?

– Только этим и занимаюсь.

– И что?

– Когда вы сможете быть под часами?

– Через полчаса.

– Там и поговорим.

У меня отлегло от сердца, кажется, Маркин не сделал заячью скидку, не перевернулся на вражескую сторону, и мы с ним идём по одной тропе.

Все последние пять лет обитатели нашего региона стали усиленно обзаводиться своими автомобилями. Уж не знаю, как это им удавалось сделать, поскольку все до одного, по уверению каждого, они были честными людьми, живущими на одну зарплату, но улицы города превратились в чадающие траншеи. И когда водитель представительского «Мерседеса» пробился по ним к месту встречи с Маркиным, то журналист был уже там, возле дома, на котором находилась башенка со старинными часами, через каждую четверть часа напоминавшая всем горожанам, что срок их жизни укоротился на пятнадцать минут.

Завидев меня, Маркин поспешил к «Мерседесу».

– Ты, Маркин, меня сегодня удивил: не пришёл с утра за деньгами. Разве с тобой такое бывает?

– Случай из ряда вон выходящий, – согласился журналист.

– Но я был занят. Вы даже догадаться не сможете, откуда я сейчас.

– Ну и откуда?

– Из морга, – тихо произнёс Маркин. – Что за унылое место. Люди свалены как дрова. Извините, покойники.

– Ты что статью из морга для кого-то собрался написать?

– А там уже была статья до меня написана. Уголовная. Вижу, вы ничего не знаете, но редактор Синюгин погиб в автоаварии. На него налетела груженная фура. И его лимузин – всмятку.

Известие было столь неожиданным, что я, дабы сосредоточиться, потряс головой.

«Нет, – подумала я. – Или чёрт, или бог, но кто-то играет нами, как пешками. Синюгин рвался в ферзи, а случай, да – случай, подставил его под двадцатитонный грузовик, нагруженный какой-нибудь китайской дребеденью».

– Не повезло мужику, – потупившись, промямлил я. – С каким воодушевлением он копался в нашей грязи, и теперь его будет очень не хватать тем, кто любит почесать языки в спорклубе.

– То, что я вам сообщил, относится к бесплатной информации, – деловито произнёс Маркин. – Остальное – за плату.

– Сегодня у меня приступ щедрости, – не стал спорить я. – Вон, возле магазина, банкомат. Получишь наградные от Козырева и все другие выплаты, не отходя от кассы.

– Самое интересное в этой автоаварии, что за рулём фуры был человек полковника Ершова. Объясняю. Неделю назад на ликёро-водочный завод водителем был принят некто, кто в своё время был у Ершова в подчинении, когда тот служил в госбезопасности. Этот некто год назад освобожден из мест лишения свободы, где отбывал срок за какую-то бытовуху, и нигде не работал, но как-то жил.

– Откуда такие подробные сведения, – засомневался я. – Ты, часом, не сочиняешь?

– Моя информация точная, сказала бы щелка замочная.

– Тогда забудь всё до гробовой доски! – мрачно произнёс я. – И я ничего не слышал.

– Молчу, молчу. И буду молчать.

– Тогда пойдём к денежному ящику.

Пройдя несколько шагов, я остановился и, резко обернувшись, наставил на журналюгу, как пистолет, указательный палец.

– А ты, когда произошла авария, разве не сидел в кустах на обочине рядом с Ершовым?

Маркин оторопел и, чуть запинаясь, пробормотал:

– Скажете тоже. Я дверного скрипу пугаюсь, а вы меня в сообщники к полковнику записали. Может, в этом случае он не при деле. Да я всё уже, как вы видели, давно забыл.

Получив деньги, я рассчитался с Маркиным.

– Ладно, топай! Гуляй, рванина, от рубля и выше.

– Может, и вы, Игорь Алексеевич, ко мне присоединитесь? Я знаю тут неподалёку интересный адресок. Не профессионалки – любительницы, но какие!

– Ты что, и на меня получил заказ? От кого?

Я крепко ухватил Маркина за руку.

– От Ершова? Решили меня заснять голышом?

– Успокойтесь, Игорь Алексеевич! – вскрикнул Маркин. – Я знаю, что я негодяй, но я не сума переметная. Знаю, что за это спрашивают по полной.

Он преданно смотрел на меня слезящимися глазами, и я понял, что этот человек не предатель, просто уродился таким, какой он есть, а горбатого, как говорится, исправит только могила.

– Чтобы вы во мне не сомневались, Игорь Алексеевич, – вякнул Маркин, – могу довести до вашего сведения информашечку, которую, правда, ещё не проверил: противники «Народной Инициативы» намерены провести ряд выступлений с использованием технологий «оранжевой революции». Я не стал об этом докладывать, потому что всё это выглядит как страшилка для провинциалов, однако чем чёрт не шутит, когда бог спит. Имейте моё предупреждение в виду.

– Опять ты всё вокруг да около, – недовольно пробурчал я. – Говори разом всё, что вычитал в Интернете.

Маркин, приподняв голову, глянул в сторону башни с часами, которые пробили очередные четверть часа.

– Через полчаса на Венце, откуда такой богатый вид на Бесстыжий остров, общественность собиралась митинговать, а вот что это – сетевой треп или серьёзное дело – я не знаю.

– Добро, сказал я. – Ступай домой, отдай деньги жене и распей с ней бутылочку шампанского.

Через мгновение от Маркина и след простыл, а я поспешил к «Мерседесу». Моё представительское пижонство во славу концерна подошло к концу. Лимузин был выделен всего на несколько часов, и теперь я мог подъехать к своему дому или расстаться с ним прямо сейчас. Поколебавшись, я выбрал последнее. Сообщение Маркина о возможной бузе против Козырева нуждалось в достоверной и предметной проверке. Но у меня было ещё минут десять свободного времени, и я воспользовался им и, зайдя в бар, заказал бокал пива.

Мне было над чем поразмыслить, хотя, говоря честно,

совсем не по душе это занятие – ломать голову над проблемами, которые никогда не будут решены человечеством. Возможно, век-полтора назад перед людьми и брезжило нечто, дававшее им надежду на то, что в мире воцарится справедливость, и всё, до последней слезинки ребёнка, получит справедливое воздаяние в зависимости от тяжести причинённого душе человека вреда. В наши дни об этом ещё любят поговорить и постонать, но даже в самую возможность установления божеской справедливости на земле мало кто верит, тем более в России.

Я запил жёсткий комок в горле большим глотком баварского пива и, поколебавшись, решил, что доложу Козыреву о гибели оппонента, чтобы посмотреть на его реакцию, поскольку был почти уверен в его причастности к ликвидации Синюгина, хотя бы косвенным образом. Спросите, как? Да подмигнул своему Малюте Скуратову, то бишь Ершову, а у того в подчинении есть такие псы, что загрызут любого, только спусти их с поводка. Вспомнив о них, я зябко поёжился: не приведи, господи, попасть им в руки, они даже на меня, приближенного к президенту и почти его родственника, иногда взглядывают так, что становилось холодно и жутко.

Трусоватую зябкость можно было прогнать только чем-нибудь крепким, что выше сорока градусов, и стопарик «Посольской» вдохнул в меня жизнь и трезвое решение: забыть о Синюгине навсегда и никому, даже Любе, не говорить о своих подозрениях относительно его скоростной кончины.

Судя по времени, митинг должен был уже начаться, но я не очень-то на него спешил, поскольку не верил в дисциплинированность народных сборищ, особенно в городе Обломова, где поднять на какое-нибудь важное и общественно значимое мероприятие хотя бы два десятка граждан всегда становится неразрешимой задачей. У нас даже советская власть была установлена позже всех губерний в России. И что тогда ждать в наши дни, когда бесплатные концерты мировых знаменитостей классического искусства у нас проходят в полупустых залах и наш сверхкреативный губернатор вынужден заполнять их работниками бюджетных организаций, чтобы поддержать реноме города как культурной столицы Европы в глазах международных бездельников от современной культуры и московского начальства.

Пройдя мимо монумента Ленину, я обнаружил за плотными посадками карпатских елей несколько десятков крепких

парней, которые толпились на Венце – довольно широком, обращённом в сторону Волги бульваре, проложенном по самой кромке береговой горы. Некоторые молодые люди держали в руках красные флаги и транспаранты с надписями, которые явно обнаруживали цель этого сборища: «Сарынь на кичку!», «Козырева и его банду – в тюрьму!», «Бесстыжий остров – честным людям!»

Митинг готов был начаться, но все явно кого-то ждали. Перетаптывались, курили, швыряли окурки в подстриженные кусты. А народ подходил: явились во главе со своим депутатом госдумы «зелёные», какая-то нужда пригнала на митинг кучку стариков и старух, которые обозначили себя как «Дети войны», явились представители движений «За честную жизнь!», «Патриоты России», и сборище заметно увеличилось в числе.

Но как я ни старался остаться незамеченным, меня углядел Чистяков, и, подойдя сзади, громко прошептал на ухо:

– Козыревский шпион вышел на холод?

«Экий невежа», – подумал я, но не возмутился бесцеремонностью.

– А ты сам, что здесь делаешь? Или тебе Маркин не заплатил за гимн, и ты решил досадить за это Козыреву?

– Маркин со мной рассчитался, но я здесь по другой причине. Хочу поглядеть, как наш народ бунтует в начале двадцать первого века.

– Тогда не пора ли начинать представление? – сказал я. – Кстати, ты не можешь объяснить, что это за парни. Им-то что за нужда бузить против «Народной Инициативы»?

– Держись от них подальше, – тихо произнёс Чистяков. – Вот, кстати, их пахан сюда топает, по прозвищу Чугун.

Это имя мне было уже известно от Маркина, который называл его в числе имён других организаторов бунта против «Народной Инициативы», намеченного на юбилей президента концерна. Я, чтобы не привлекать к себе внимания, мельком глянул на Чугуна и сразу понял, что этот субъект весьма опасен, хотя выглядел совсем безобидно – в мятых штанах, кроссовках, безрукавке и бейсболке, но взгляд у него был мутный и липкий. Он тоже мельком глянул на меня, но так глянул, будто мазнул по мне чем-то грязным и липким, от чего уже никогда не отмыться.

«Это – мокрушник! – похолодев, догадался я. – А парни – его банда, которую кто-то нанял, чтобы напугать Андрея

Ильича, нагнать на него страху и продиктовать свои условия по продаже части активов, а то и всего концерна какой-то финансовой группе, скорее всего самарцам».

– Кажется, меня, братан, кинули, – сказал Чугун. – Этот хренов журналиг не едет и не звонит. А у меня всё на мази: я ему ребят подогнал.

– Он тебя на деньги кинул? – нахмурился Чистяков.

– Бабло я взял – не глупый, – хохотнул Чугун. – Но как устраивать эту менструацию-демонстрацию, я не знаю и знать не хочу. Надо с ним созвониться и перетереть по-умному. Если он не явится через полчаса, я его предъявы не приму.

Чистяков достал телефон и стал звонить по разным номерам. Наконец ему ответили, и он поманил Чугуна, чтобы тот подставил ухо к трубке.

– Вот это, бля, дела! – отшатнулся тот, услышав сообщение. – Его мочканули. Свят, свят! Как говорится, был человек да весь вышел.

Заметив мой удивлённый взгляд, Чистяков сказал:

– На Синюгина совершено покушение. Он убит.

– Откуда такие новости?

– Из его газеты. Вот ведь беда: я ему стольник должен.

– Вот видишь, – глубокомысленно изрёк Чугун. – Тебе от его смерти прямая выгода. Но кому-то убыток.

– Ты это про себя говоришь? – рассмеялся Чистяков. – Митинг отменяется?

– Я сделаю всё, за что получил деньги. И митинг, и так далее. Надеюсь, твой приятель не журналист, чтобы растрекать всё, что услышал в газетах? Ты его сюда приволок, так что за него в ответе.

Чугун мазнул по моему лицу липким запоминающим взглядом и отправился к своей коdle.

«Кажется, пришла пора покупать ствол, – мелькнуло у меня в голове. – С этим бандюганом можно общаться только тогда, когда он у тебя на мушке».

– Не кати на меня, Чугун, – сказал Чистяков. – И не забывай, что мы живём в демократической стране и у нас свобода слова.

– И то правда, – ухмыльнулся Чугун. – Пора начинать митинг. Тема: «Долой олигарха Козырева».

Он быстро дошёл до бульварной скамейки, запрыгнул на неё и, взяв мегафон, объявил о начале митинга. И сразу уступил своё

место штатному говоруну всех митинговых сборищ, которого все знали и нанимали, как тамаду на свадьбу, на протестные мероприятия чем-то недовольные граждане: обманутые дольщики, разорённые вкладчики банков, участники рухнувших финансовых пирамид, защитники животных и прочие протестанты нашего регионального околотка России.

Сей господин знал своё дело и оповестил телеканалы и газеты о начале охоты на самого крупного бизнесмена города, в которой митинговой общественности была отведена роль загонщика. Однако вся эта суета выглядела уродливым поминальным обрядом по тому, кто задумал и проплатил это шоу, а сам удалился в мир иной и сейчас наблюдает за ним с галерки вселенского театра.

– На Синюгина никто не покушался, – сказал я. – На него наехала фура, обычная автоавария. А тебе в редакции наврала.

– Ну да, наврала, – согласился Чистяков. – Для них смерть редактора – повод для пиара. Газета достанется заместителю, а тому нужен тираж. Обычная суета. Но есть один любопытный нюансик: смерть Синюгина случилась очень вовремя для твоего босса.

– Много ты понимаешь, – процедил я. – Если редактор убит, то тебе надо помалкивать.

– Это почему? – вспыхнул Чистяков.

– Первого заподозрят Чугуна, а на тебя как на его кореша, менты навалятся, чтобы выжать всё, что ты о нём знаешь.

– Он меня в свои дела не посвящает, у нас с ним дружба на почве стихов и кира.

– А завтра эта банда не намерена устроить бузу с чтением стихов возле

Бесстыжего острова? – насмешливо осведомился я. – Чугун по-своему честный человек и намерен отработать полученные им от Синюгина деньги.

– Этого я не знаю, – пробурчал Чистяков. – Но красного петуха на Бесстыжий подпустить не мешало бы. Ты уходи отсюда, но послушай моё стихотворение, меня уже Чугун на трибуну зовёт.

Чистяков вскочил на скамейку, бодро прошёлся по ней и чистым и звонким голосом возгласил:

– Я прочитаю вам своё стихотворение. Называется оно: «Ветер бунта». В нём вековечная русская тоска по воле.

*В поле мечутся белые крылья.
Это ветер запряг лебедей,
И, плескаясь морозною пылью,
Гонит их, как ямщик лошадей.*

*От Москвы и до волжского устья
Ветер бунта – хозяин всему.
И в симбирском моём захолустье
Есть простор разгуляться ему.*

*Этот ветер Поволжью не в новость.
Здесь у люда ретивая кровь.
Живы русская правда и совесть.
Жив в бурной степи Пугачёв.*

*Ветер бунта колотится в двери.
Хватит дрыхнуть, мужик, поднимись!
Пугачёвский тулупчик примеряй,
За дубину покрепче возьмись!*

*Русь привычна к бунтарским пожарам.
Вновь припёрла нужда, как и встарь,
Втолковать холуям и боярам,
Кто на русской земле бог и царь.*

*Хватит дрыхнуть, мужик, на лежанке.
Слышишь топот и свист у дверей?
Все закончились сроки и жданки,
Ветер бунта запряг лебедей!*

*Он сегодня в России хозяин,
Здесь ему всюду воля и путь.
От Москвы до камчатских окраин
Он готов всю державу встряхнуть.*

Последние строчки стихотворения я дослушал, уже уходя от митингового сборища, потому что не хотел больше общаться с поэтом. Авторы виршей тем и несносны, что требуют похвал своей зачастую лишь кое-как рифмованной лабуде, и Чистяков не был исключением. Он, как и все рифмоплёты, жаждал аплодисментов, и поэтому я удалился по-английски, не прощаясь.

По пути на трамвайную остановку я после некоторых колебаний позвонил Козыреву и доложил об успешном проведении юбилейных мероприятий на мясокомбинате, «ликёрке» и в доме для престарелых.

– Стало быть, любит меня рабочий класс, – хмыкнул Андрей Ильич. – И за что мне такое пылкое чувство?

– За стабильность! – брякнул я первое, что вспыхнуло в моём повреждённом телекомментаторами мозгу.

– Будет врать! – мрачно сказал Андрей Ильич. – Похвалы ты не от народа услышал, а от управленческой челяди. Это для меня давно не новость. Где ещё сорока летала, что увидала?

– Только сейчас с митинга, – доложил я.

– В честь чего такое событие?

– В вашу, Андрей Ильич, и «Народной Инициативы».

– Что требуют, какие лозунги выдвигают? Конкретно, в двух-трёх словах.

– Лозунг у них смешной и даже дурацкий: «Бесстыжий остров – честным людям!»

Козырев запосапывал, что у него было признаком раздражения. Я подумал, что он сейчас начнёт ругаться и на всякий случай отстранил трубку от уха. Но услышал лишь частые гудки.

Хотя Андрей Ильич не дал мне никаких поручений, я не забывал о своих обязанностях и, дождавись трамвая, доехал до «часов» и направился к бывшему обкомовскому дому, чтобы навестить Сталина, предполагая, что он после вчерашней беготни и нервоотрепки с полицией ещё не встал с дивана. Но Иосиф Виссарионович был уже на ногах, открыл мне дверь, пригласил на кухню и налил чашку чая.

– Вы, кажется, в работе? – сказал я, увидев на столе раскрытую толстую, страниц на двести, тетрадь. – Фиксируете для потомков события вчерашнего дня?

– Для меня это не в новинку, – пренебрежительно произнёс Иосиф Виссарионович. – Пользуясь случаем, просматриваю рукопись книги. И опять нашёл две грамматические ошибки.

– Вы облегчаете жизнь корректорам, – сказал я. – И эта книга, стало быть, вся о нём? Можно взглянуть?

– Выйдет в свет, тогда и читайте, на здоровье, – закрыл тетрадь Сталин. – А вот этот листок посмотреть можно. Я выписал на нём примерные названия разделов и глав книги.

Листок был исписан бисерным, но разборчивым почерком.

Судя по всему, автор был действительно творческой личностью, поскольку назвал свою будущую книгу довольно неожиданно: «Разговор с вождём».

– Очень любопытно, – не скрывая иронии, заметил я. – Значит, эту книгу наговорил сам Сталин?

– Зря сомневаетесь: уже лет десять я время от времени задаю ему вопросы, и он, если сочтёт нужным, на них отвечает.

– И каким же образом вы с ним разговариваете – по телефону или лично?

– Слышу его голос. Это может случиться среди ночи и днём, поэтому я всегда держу при себе японский диктофон и наговариваю на него то, что услышу.

– Что и сейчас с вами такое происходит?

– Я уже года два его ни о чём не спрашиваю.

– Почему так? – оживился я. – Вы повздорили? Наверно, спросили про что-нибудь такое, что ему пришлось не по вкусу?

– Я спрашивал вождя только о том, что имеет государственное значение.

– Можно ли через вас задать ему вопрос?

Иосиф Виссарионович закрыл тетрадь и, освежив огоньком табак в трубке, выпыхнул витиеватое облачко дыма. Он явно считал нашу беседу законченной, но я думал по-другому.

– Не посчитайте меня назойливым, но то, что вы мне рассказали, несомненное чудо. Вчера вы произвели большое впечатление на верующих. Кто-нибудь из них знает об этих ваших разговорах с вождём?

– Я об этом, кроме вас, ни с кем не говорил.

– Даже с отцом Антонием?

– Нет, не говорил. Сейчас жалею, что расчувствовался над рукописью и проболтался. Прошу вас забудьте обо всём, что я здесь наболтал.

– Да нет, ваше откровение было оправданным. Я уже сегодня испрошу у президента «Народной Инициативы» грант на издание книги. Вас это устраивает?

– Пока не знаю...

В дверь позвонили. Я решил, что вернулись Митя и Соня, но на лестничной площадке стоял старый казак, которого я видел на крестном ходе. Он приложил ладонь к козырьку форменной фуражки и доложил:

– Приходское общество снарядило меня просить товарища

Сталина прибыть к храму.

– Проходите, – уступил я дорогу служивому. – Идите прямо, он там, на кухне.

Постукивая по дубовому паркету каблуками начищенных до блеска сапог, он вошёл в кухню и, отдав честь, произнёс то же самое, что и мне.

– Спасибо за приглашение, – улыбаясь, сказал Сталин. – Но вряд ли это возможно сегодня. Передайте отцу Антонию, что у меня возникли некоторые обязательства перед людьми, в чьей поддержке я сильно нуждаюсь. Не знаю точно, когда освобожусь.

– Вы будете нужны до вечера завтрашнего дня, – сказал я.

– Вот видите, – Сталин развёл в стороны руки. – Через сутки я смогу побывать у вас в гостях.

Старый казак был тёртым переговорщиком и решил взять паузу.

– В ногах правды нет. Может, того, присядем, – он пооглядывался и значительно произнёс: – Добротные хоромы. Сейчас таких не строят. Панельным домишкам всего полвека срок гарантии. А у меня рубленая изба уже больше ста лет стоит, ещё прадед строил.

– Раньше надежнее строили, – согласился Сталин. – В этом вы правы.

– А ведь там вас не только наши ждут, – кашлянув, просительно вымолвил старый казак. – Приехали на пяти машинах паломники, желают с вами встретиться, спросить...

– О чём меня спрашивать? Я знаю ровно столько, сколько они, а может быть, и меньше.

– Но вы – Сталин.

– Да, я – Сталин, но не такой, какой им нужен. У меня нет ни маршалов, ни десятиmillionной армии...

– Нет, – возразил старый казак, – вы как раз такой Сталин, какой им нужен сейчас – не небесный заступник, а земной, который бы убедил их в непоколебимости правды. Каким был Степан Тимофеевич Разин, которому депутаты нашей городской думы ни в какую не хотят присваивать звание почётного гражданина города. А ведь он три с половиной века назад осаждал наш город; был дважды ранен, и только это помешало ему добраться до московских бояр и прочей царской челяди.

– Какой из меня народный заступник? – встревоженно

глянул на старого казака Иосиф Виссарионович. – Прямо-таки и не знаю, чем вам помочь.

– Вам пора пристать к какому-нибудь берегу, – неодобрительно глянул на вождя старый казак. – Народ смущён вашим приездом, и вы перед ним ответственны.

Сталин жалобно глянул в мою сторону и занялся раскуриванием трубки. Он попал в непростое положение и срочно нуждался в поддержке.

– У меня есть полномочия, и я могу разрешить товарищу Сталину увольнение до одиннадцати часов утра завтрашнего дня.

– Это я вам гарантирую! – радостно вскричал старый казак. – Куда его доставить?

– На волжскую пристань. Там будет дежурить наш катер.

– Ступайте вниз. Иосиф Виссарионович возьмёт вещи и присоединится к вам.

Отпустив к отцу Антонию странного, но, судя по всему, незлого человека, вынужденного по стечению обстоятельств влачить на себе личину Сталина, я решил дожидаться звонка от Ершова или одного из его подчинённых, потому что квартира Мити со вчерашнего дня находилась под наблюдением службы безопасности концерна. И повсюду на всех предприятиях и финансовых учреждениях, во всех службах обеспечения введён красный уровень опасности, о чём я был извещён эсэмэской ещё вчера вечером. Квартира Мити в первую очередь вместе с резиденцией президента попадала под действие защиты и, вполне возможно, прослушивалась, поэтому причастные к безопасности люди были извещены о моём местонахождении и при нужде могли со мной связаться немедленно.

Человек так устроен, что его голова постоянно хоть чем-то да занята, как правило, всякой ерундой и бессмыслицей. Но мне было о чём подумать, конечно, в первую очередь о себе, и оценить все риски и угрозы своему благополучию, которое было напрямую связано с «Народной Инициативой».

Я понимал, что моё значение мельче самой малой финансовой песчинки, что я – не что иное, как шестёрка, тем и жив по милости Андрея Ильича и должен сдувать с него пылинки, тем более, защищать его благополучие, как своё личное. Но как это было сделать, когда угрозу для Козырева представлял, не кто иной, как его сын, которого он зачал в пробирке, воспитал в Англии, и тот оттуда приехал с идеями

добра и справедливости, о коих в наши дни можно услышать только от клиентов психиатрической клиники.

Явившись в наш город, Митя своим выступлением в спор-клубе сразу заявил о том, что отныне у Козырева открылось слабое место, и удар в него может обрушить экономического тяжеловеса на колени, и тогда ему можно будет продиктовать условия капитуляции, то бишь отнять за бесценок активы самых доходных предприятий. Против Козырева играли крупные и опытные шулера, но и сам Андрей Ильич был далеко не последним бойцом в боях без правил на поляне беспредела. И то, что на Бесстыжем был объявлен карантин, говорило о его готовности сражаться до конца, а мне сам бог велел быть на его стороне, но не забывать и про свою выгоду.

Ребята Ершова про меня не забыли, и скоро один из них заехал на квартиру Мити, обошёл её с каким-то прибором, затем проверил все запоры на окнах, закрыл все краны и шутейно провозгласил:

– Карета подана! Велено доставить вашу милость на остров.

– Где молодые? – поинтересовался я, усаживаясь в машину.

– Не могу знать! – весело произнёс водитель. – Меньше знаешь – лучше спишь.

Мне любопытно было присутствовать на представлении снохи могущественному тестю и присмотреться, как глянет Козырев на Соню, о которой я не мог подумать, не почувствовав, как во мне просыпается затмевающая разум и совесть дикая и слепая страсть к размножению человеческого рода. Но я допускал, что Андрей Ильич уже далёк в силу своего возраста от подобного рода поползновений и проявит к снохе лишь вежливый интерес, без всяких намёков на родственные отношения. Он ведь, если говорить правду, купил её для сына как лекарство от дури, которая, как заразная болезнь, овладела Митей. И при встрече с молодыми Козырев сможет оценить: прошёл ли острый период заболевания у ненаглядного пробирочника или болезнь приобрела хронический характер, и Андрею Ильичу придётся смириться с неравным браком и ждать появления внука.

На Бесстыжем ничто не напоминало о завтрашнем семидесятилетнем юбилее обладателя столь завидных угодий. Карантин на острове был объявлен самый настоящий. Это чувствовалось по тому, что на пристани сидел вооружённый

помповым ружьём охранник, обычно многочисленные гости отсутствовали, стрельчатые окна нового терема для приёмов гостей и проведения празднеств были занавешаны, да и сама погода начала портиться. Дул холодный порывистый ветер, Волга раскачалась, расходилась, тёмно-зелёные волны украсили белые пенные барашки, лодки рыбаков сдуло непогодой, и всхолмленная водная гладь была пуста. И лишь возле острова покачивался на якорной стоянке большой чёлн. Присмотревшись, я увидел на нём фигуру человека в дождевике с ружьём на плече и узнал шкипера Алексея Ивановича. Он тоже глянул в сторону острова и помахал мне рукой.

– Долго задерживаться на причале нельзя, – строго сказал охранник пристани. – А махать руками вообще запрещено.

– Сын Козырева здесь?

Охранник не откликнулся на мой вопрос, и я отправился к той части хозяйского терема, где обычно останавливалась Люба, когда приезжала навестить свою сестру. Ветер усиливался, над островом быстро сгущались сумерки, из лесной его части, поросшей частым и крупным сосняком, раздался протяжный и заунывный вой. Я зябко вздрогнул и огляделся по сторонам, чувствуя, как на меня кто-то глядит, хотя никого вокруг не было. Невольно ускорив шаги, я с облегчением открыл дверь веранды и, пройдя через неё, поднялся на третий этаж терема в просторный холл и через него прошёл на обращённую в сторону Волги веранду. Здесь было гораздо ветренее, чем на земле. Просторное и обычно гладкое зеркало водохранилища, вдребезги разбитое штормовой погодой на бесчисленные груды волн, превратилось в способную вырваться на волю и смести всё, что есть на пути, стихию. И я невольно представил себе, как выше нас уже рухнула плотина и огромный многокилометровый вал воды мчится вниз по волжскому руслу на Бесстыжий остров, как океанское цунами, и скоро от всего его великолепия останутся жалкие обломки сосен и строений.

Я почувствовал на плече чью-то руку и обернулся. Это был Митя.

– Как погода? – оскалась, он весело хохотнул. – Мне она по нраву. Сколько себя помню, непогода, даже ураган, приводили меня всегда в восторженное состояние. Другие стремятся укрыться, заслониться от ветра и дождя, а меня подмывает броситься им навстречу. И мне по сердцу призыв буревестника революции – пусть сильнее грянет буря!

Я вопросительно глянул на развеселившегося пробирочника: уж не разыгрывает ли он меня? Но Митя, кажется, был по-настоящему весел, чуть ли не хмельн от переполнявшего радостного возбуждения и был готов на крайнюю откровенность.

– Не думал, Митя, что тебе по нраву слоган великого пролетарского писателя, господина Горького. «Пусть сильнее грянет буря!» – со слезами восторга орала русская интеллигенция. И накликала на свою голову, и на всю, до последнего человека, Россию бунт. Тот самый бессмысленный и беспощадный, о котором так верно сказал Пушкин.

– Уточните, что вы имеете в виду? – насмешливо сказал Митя.

– Только то, что и сказал поэт, назвав русский бунт бессмысленным и беспощадным. Разве у тебя есть против этого возражение?

– Я хочу сказать, что Пушкин прав, назвав русский бунт беспощадным. Но русский и всякий другой бунт, тот же французский, нельзя назвать бессмысленным...

Последние слова Мити потонули в раскатистом грохоте грома, ослепительно ярко вспыхнули десятки молний и осветили мятущуюся под натиском бури Волгу. Я потянул Митю за рукав к двери в холл, но он словно прирос к полу, пока шквал дождевых брызг не привёл его в чувство.

– Как прекрасно бунтует Волга! – громко воскликнул он. – И что, её бунт тоже бессмысленный?

– Пушкин назвал бессмысленным народный бунт.

– А что такое народ, как не стихия? – возбуждённо спросил Митя. – Хотя против этого есть возражение: стихии Богом были созданы сразу и целиком – свет, твердь, воды, земли – всё это возникло не по крупинке, не по молекуле, но сразу и целиком. А вот народы пошли от двух крупинок, вернее, от одной – от Адама. Почему? Потому что в каждом человеке есть божественная искра, по-другому – душа. Народ – это люди, объединённые общим для всех пониманием Бога.

– Или чёрта, – язвительно заметил я.

– Бывало и такое в человеческой истории, – согласился Митя. – Но мы не ответили на вопрос: когда народ становится стихией?

– Откуда мне знать?

– А я тоже ничего точно не знаю, и никто не знает. Я могу

только предположить, что народ становится стихией, когда рушатся удерживающие его божественные скрепы. В 1917-м так и случилось: царь отрёкся от народа, народ понял, что раз нет царя, то нет и Бога, и вспыхнул бунт беспощадный, но не бессмысленный.

– Для большевиков смысл в бунте был – они захватили власть на семьдесят с лишком лет, и своим правлением довели Россию до ручки, – сказал я с намерением ещё больше раздражить пробирочника и наконец-то понять его самую подноготную суть. А понятным человек становится только тогда, когда его можно определить одним словом. В моём понимании Митя был умником. И я хотел выяснить, до каких пределов в своём умничаньи он может пойти, если, едва начав толковать о бунте, посмел покуситься на непререкаемый авторитет Пушкина.

– Для большевиков смысл в бунте был, но не такой, о чём врут на каждом углу в наши дни. Революция не была воровским переделом собственности, она стала гигантской плавильней, в которой переплавилось всё, что было в России, и большевики в первую очередь. Но смысл бунта был гораздо глубже любой идеологии. Смысл бунта заключался в самом бунте.

– Ты меня, Митя, озадачил, – сказал я. – Не хочешь ли ты как-нибудь извернуться, чтобы уйти от ответа на прямой вопрос?.. Кажется, здесь слишком шумно, мокро и простудно для серьёзного разговора. Честно говоря, я замёрз и не против согреться. Да и ты дрожишь, так недолго и простудиться.

Митя дал себя уговорить, мы вошли в холл, я включил полный свет, пошарил за стойкой бара и, отыскав бутылку водки, наполнил стаканы и вернулся с ними к Мите. Он к водке не притронулся, а я счёл за необходимость ополовинить посудину и, пожевав конфетку, расположился на диване рядом с пробирочником.

– И какой же смысл в бунте? – с ехидцей осведомился я.

Митя на мгновение задумался, затем, сверкнув глазами, заговорил:

– Высший! Нет, высочайший! И не убоюсь этого слова – божественный! Именно этот смысл, а вовсе не партии революционеров, смог раскатать, а точнее, разогреть Россию до критической точки бунта. И когда она вся целиком, от «гордого внука славян» до «друга степей» и «приятелей чукотской тундры», ухнула в кроваво-огненную пучину бунта, как нераскаявшийся грешник в Геенну Огненную, кто

это мог совершить, если не сам Бог? Ни Ленин, ни большевики, ни революционный пролетариат не являются причиной и организаторами бунта, который был по воле Господа переходом России из одного агрегатного состояния в другое, подобно тому, как это происходит при превращении льда в воду, а графита – в алмаз.

В бунте рухнули все структурные связи государства, от самодержавия и церкви до семьи, и всё-всё Личное, Общественное и Духовное в человеке подверглось коренной перестройке и ломке. Такое случалось в Англии, во Франции, но русский бунт с ними несопоставим и уникален тем, что он уничтожил частную собственность, безграмотность, экономическую отсталость и превратил Россию в глазах угнетённых народов всего мира в идеал вселенской справедливости, который до сих пор остаётся маяком для будущего всего человечества.

– Всё это любопытно, но не более того, – сказал я. – Вот и гроза откатила за Волгу, и сейчас над островом, того гляди, проглянет солнышко. Так и с бунтом в России. Он благополучно завершился нэпом, золотым червонцем и номенклатурными привилегиями для избранных. Я с тобой не спорю. Ты верно говоришь, что в России был невиданный в истории человечества бунт, был, но весь вышел. Я видел сегодня митинг. Собрались меньше ста человек, и половина из них пришли за деньги.

– Это для меня не новость, – пренебрежительно произнёс Митя. – Есть примеры упадка русского духа ещё более поразительные. Всё так, да не так: Бог не отвернулся от России, и, видя её упадок, пылает к ней любовью, как отец к своему неразумному чаду, и непременно явит к ней своё спасительное благоволение.

– Оставь поповский нравоучительный тон, Митя. Ты в своих статьях и устно много сказал о том, что Россия изолгалась до крайней степени, что душа народа очерствела, а сейчас толкуешь о каком-то благоволении. Я скажу так: Россия в 1917 году переступила через край дозволенного и этим обрекла себя на распыл. И он, этот распыл, уже четверть века происходит на наших глазах. Русский народ отверг частную собственность, чем так провинился перед капиталистами всего мира, что снисхождения ему не заслужить никогда. Я даже слышал от одного заезжего либерала, что русским уготована судьба индейцев, и единственное спасение – объявить Россию общей собственностью Запада во имя спасения хотя бы той части

населения страны, которая проживает в Московском регионе.

– В чём-то ты прав, – сказал Митя. – Такие угрозы существуют, но Россию спасёт новый бунт. Во Франции революция продолжалась почти сто лет, а у нас она может затянуться и на два века. Сейчас Россия находится на том историческом рубеже, на котором была Франция после битвы при Ватерлоо. Но через пятнадцать лет Париж покрылся баррикадами, затем последовал бунт 1848 года, а за ним, после «эпохи застоя» Наполеона Третьего, была Парижская Коммуна. И России не избежать нового бунта, потому что причины, вызвавшие разрушение СССР, не только не исчезли, а даже многократно обострились. И революция 1917 года не выполнила свою главную задачу – создание русского национального государства. В своём теперешнем виде Россия нежизнеспособна. Но у неё есть гигантский ресурс, полностью растроченный государствами Запада, – национальная почва, изрядно загаженная коммунистическими и либеральными экспериментами, на которой способна возникнуть православно-русская цивилизация...

– Послушай Митя, – перебил я путаную речь пробирочника. – А нельзя ли создать эту самую цивилизацию без всякого бунта?

Он сверкнул глазами и пробормотал:

– Русский бунт неизбежен. И всякий честный человек должен быть крещён им по доброй воле.

– Но ведь многие не захотят принимать это крещение. Как с ними? Крестить насильно?

– Конечно, – убеждённо произнёс Митя. – Для их же блага. Тебя это смущает?

– Только в той степени, в какой являюсь участником преступного умысла, который ты сейчас обнаружил.

– Что же преступного в моих словах? – удивился Митя.

– Спроси полковника Ершова. Он статью о разжигании межклассовой розни знает наизусть.

Митя вскочил и торопливо выбежал на веранду. Мои слова, видимо, его уязвили, и он решил успокоиться на волжском ветру, который заметно усилился и распахнул форточку. Помотавшись из стороны в сторону, она осыпалась разбитым вдребезги стеклом. По холлу пронёсся вихрь, который опрокинул вазу с розами, с треском захлопнул дверь в коридор, ведущий во внутрь хозяйского терема.

«Нет, он точно не от мира сего, – подумал я, глядя на мечущегося из стороны в сторону по веранде обиженного Митю. – Дался ему этот бунт, которого сейчас в России не может быть ни под каким видом. Наверно, пробирка, в которой он зачат как человек, была заткнута газетным обрывком от «Советской России» с речью Зюганова по случаю годовщины Октябрьской революции. Иначе откуда он набрался таких идей в Англии, где уже четыре века не было никаких общественных потрясений? Где царствует королева, либерализм и его величество избиратель?»

Конечно, я не мог не чувствовать правду многих его слов, но никак не мог понять, как проповедником русского бунта может стать человек, который неизбежно унаследует гигантский капитал, но говорить об этом его папаше не собирался. Я был уже достаточно догадлив, чтобы не вмешиваться во взаимоотношения отца и сына, явных умников и сумасбродов, дабы ненароком не пострадать, когда они начнут колотить друг перед другом семейные горшки. Последние годы мне неплохо жилось, и я был непрочь побыть на подхвате у Козырева как можно дольше, а после его ухода остаться в той же должности и при его сыне, который, несмотря на своё умничание, был добрым малым, без отцовских вулканчиков и придирок.

Вспомнив о Мите, я глянул в окно и увидел его с Соней, которая что-то ему говорила. Затем они вошли в холл, Митя, не глянув в мою сторону, удалился, а Соня села неподалеку от меня в кресло.

Выдержав небольшую паузу, она тихо сказала:

– Мне нужно с вами поговорить.

– Всегда готов, – дрогнувшим голосом произнёс я. – Но я предпочитаю, чтобы мы говорили на ты. Это обращение сокращает дистанцию между собеседниками. Но сначала один вопрос: ты уже встречалась с Андреем Ильичом?

Она испытующе на меня глянула, достала из сумочки пачку сигарет, закурила и, выпустив в мою сторону клуб дыма, усмехнулась.

– Я только что от него.

– Как он тебе показался, твой тесть?

– Нормальный дядька, – пыхнула сигаретой Соня. – Общительный и простой.

– Любопытно узнать, что он тебе сказал конкретно?

– А что можно сказать хорошенькой молодой женщине, кроме

комплиментов? Но Андрей Ильич сделал мне комплимент особого рода.

– Какой же? – сказал я, чувствуя, что от Сони у меня начинает кружиться голова, а по телу пробегают то огненные, то ледяные мурашки.

– Он спровадил Митю и свою жену, а когда мы остались одни, напрямик спросил, справляется ли его сын со своими мужскими обязанностями. Мой ответ его очень обрадовал, и Андрей Ильич сказал, что заключённый со мной контракт будет оплачен по первому моему требованию с добавочными двадцатью процентами премиальных.

– Мне остаётся только присоединиться к поздравлениям босса, – довольно кисло промямлил я. – Но зачем обо всём этом мне знать? Забудь о шутейном контракте. Ты – жена единственного наследника самого крупного состояния во всей области. Митя от тебя без ума. Ты сейчас не понимаешь от радости, что находишься там, где всё доступно твоим желаниям. Богатство, красивый и влюблённый муж, молодость, здоровье – всё это у тебя есть и пребудет с тобой долгие годы.

Произнося эти слова, я не отводил взгляда от Сониных глаз, и мне почудилось, что она глядит на меня с большей заинтересованностью, чем во время прежних встреч, и поспешил истолковать это как некий призывной жест и так обрадовался своему открытию, что осип от волнения и покраснел до корней волос.

– Митя – прекрасный человек, но слишком для меня чистенький и правильный. А я – далеко не Зоя Космодемьянская, я – кошка, которая бродит сама по себе, и могу выкинуть такое, что меня самую ставит в тупик. Поэтому гарантировать Мите идеальную супружескую жизнь я не могу. В загсе мы с ним не были, а бог, надеюсь, простит грешников, хотя бы потому, что Митя при мне пожертвовал храму отца Антония значительную сумму денег на строительство гостиницы для паломников к иконе Святой Матроны со Сталиным.

– Ты думаешь только о себе, – строго произнёс я, стряхнув с себя чары обольстительной Сони. – Но для Мити разрыв с тобой будет потрясением. Он ведь влюблён в тебя по уши, и это случилось с ним в первый раз в жизни.

– Он, конечно, вполне Ромео, – усмехнулась Соня. – Но я до Джульетты определённо недотягиваю. Сегодня утром мы пришли к соглашению не спешить с загсом и побыть

приходящими друг к другу в гости мужем и женой.

– Охотно верю, что ты сможешь охмурить кого угодно, но принять это за правду я не могу.

– Ах, да! – весело воскликнула она. – Я и запомнила, что без документального подтверждения ты не поверишь и честному слову президента России.

– Не поверю даже ему. Уж такое я дерьмо.

Соня раскрыла свою сумочку, вынула свёрнутый вдвое лист бумаги и протянула мне. Я быстро прочитал текст соглашения, заверенного двумя подписями, и холодно произнёс:

– Что ж, поздравляю с удачной сделкой.

– С чем?

– С официальным приобретением богатого и щедрого любовника.

Моя бесцеремонность пришлась Соне не по вкусу, она вспыхнула, но быстро справилась с волнением и вынула ещё один лист стандартной бумаги. Я сразу догадался, что это за документ, но сумел это скрыть и равнодушно сказал:

– Это я тоже должен прочитать?

– Конечно, можешь, чтобы припомнить условия сделки, которые были не исполнены, но не по моей вине, как только что признал Андрей Ильич.

Она проникновенно глянула на меня и заманчиво провела кончиком языка по верхней губе.

– Надеюсь, что и ты, Игорь, не видишь причин, мешающих... полюбовному исполнению контракта? Конечно, с прибавлением тех процентов, которые мне пожаловал Андрей Ильич. Кстати, он уверил меня, что финансовое обеспечение нашего, то есть моего и твоего, соглашения входит в круг твоих обязанностей.

Расставаться с кругленькой суммой никак не входило в мои намерения. После отмены праздника с участием «княжны» я вполне мог их потратить в своих интересах, потому что они уже были списаны сразу, как только были перечислены на мой личный счёт. Но Соня, кажется, это просекла и взяла меня в клещи: с одной стороны, пригрозила Козыревым, с другой – так ловко и совершенно незаметно расстегнула две верхние пуговицы блузки, что я едва совладал с собой и не запустил пятерню, чтобы пошарить у неё за пазухой.

– Этот вопрос надо обсудить в более спокойной обстановке, – прохрипел я осевшим от возбуждения голосом. – Например, в известной мне пятиэтажке возле моста через Свягу.

Соня так бесподобно правдиво изобразила внезапно охватившее смущение, что я, грешный, почувствовал, как в моей черепушке начинают плавиться на раскалённых угольях похоти мозговые извилины, и, всхрипнув, как конь, попытался дотянуться рукой до её обнажённого колена, но она игриво отстранилась и, приложив пальчик к губам, игриво прошептала:

– Тихо-тихо. Сюда топают мент.

Я успел отпрянуть от искусительницы и принять скучающий вид, когда в холл вошёл полковник Ершов и озабоченно направился к Соне.

– Ветер утих, вертолёт готов к вылету и через десять минут вы будете у своего дома.

– К чему такая срочность? Я не попрощалась с Митей.

– Успеется, – небрежно произнёс Ершов. – Или вам не терпится поплакать? Письма, Интернет, телефон – не дадут вам с Митей скучать даже на расстоянии.

Я поднялся с кресла, чтобы проводить Соню к вертолёту, но чертов гэбист встал у меня на пути.

– Тебя, Игорь Алексеевич, ждёт президент.

И так важно насупился, такую морду лопатой сделал, будто он не полковник, а конвоир «вагона-столыпина». Ладно, решил я, отсажу-ка тебя, милок, от титьки, больше ты не получишь от меня ни словечка информации о Козыреве, к которому я был ближе как свояк, чем этот отопок продажной советской гэбни.

Выйдя на балкон, я смотрел вслед Соне, которая шла за Ершовым, и ждал, что она оглянется и поглядит на меня. И это станет для меня подтверждением, что она не против в следующий раз, когда я заявлюсь к ней домой, расстегнуть для меня не только пуговички на кофте, но и кое-что ещё. Однако Соня не оглянулась, что меня задело, и я решил, что с полным закрытием контракта спешить не буду и заставлю её отработать каждое слово в трудовом соглашении по полной программе. Моё трепетное восхищение Соней как-то сразу потухло и сменилось обидой, когда она догнала сутулого полковника и, поигрывая бёдрами, пошла с ним рядом.

Чтобы не впасть в ярость, я стал смотреть на Волгу. К вечеру распогодилось, дул прохладный ветерок, небо очистилось от туч, и лишь над Заволжьем поднималось огромное сине-серое ночное облако, которое к полуночи распадётся на множество мелких тучек, и в промежутках между ними вспыхнут яркие

звёзды. Волга была пуста, недавняя буря разогнала рыбацкие лодки, которые обычно болтались на водной зыби возле моста. И эта пустынность Волги, огромное, почти бескрайнее водохранилище, поблескивающее то нержавеющей сталью, то медью солнечных бликов, помогло мне взглянуть на себя со стороны и увидеть никчемную двуногую мелочь, которую по какому-то недоразумению называется человеком.

Андрей Ильич был в кабинете один. Он стоял возле большого, почти в полстены, окна и, не оборачиваясь, поманил меня к себе. Я подошёл к нему и встал рядом. Из окна были хорошо видны бетонная посадочная площадка, вертолёт, полковник Ершов и стоявшие друг против друга Митя и Соня. О чём они говорили, какие обещания и клятвы в верности давали, можно было только догадываться. Но вот, выцеловав всю от кончиков пальцев до макушки свою ненаглядную суженую, Митя достал из кармана какую-то книжицу, что-то в ней написал, вырвал листок и протянул Соне. Она спрятала руки за спину, видимо, не хотела принимать бумажку, но он засунул её в карман блузки, и они слились в прощальном поцелуе.

– Нет, он действительно от неё без ума! – покачал головой Андрей Ильич. – Разве можно давать женщине так, за здорово живёшь, деньги? Женщины любят нашего брата не за деньги, а за более существенное, что даёт ему не монетный двор, а природа.

– Значит, он сейчас выписал ей чек? – догадался я. – Но у меня лежат деньги, которые я должен выплатить ей по трудовому соглашению.

– Можешь не сомневаться, она за ними явится уже завтра, – сказал Козырев. – Хорошо, что я открыл счёт Мите в рублях, а не в долларах.

Наконец влюблённые расцепили объятия и, дождавшись подходящего случая, ушлый Ершов подхватил Соню под руку и помог ей забраться в вертолёт, который тотчас же начал раскручивать винты. Митя бросился к нему, но полковник был начеку и вцепился в парня изо всех сил, и могучий воздушный поток от винтокрылой машины чуть не сбил их с ног. Вертолёт взревел и стал отрываться от земли, Митя упал на колени и, протягивая к нему руки, что-то кричал, но всё его горе и отчаянье утонули в рёве мощного двигателя.

– Слава тебе, господи! – совершенно серьёзно произнёс Козырев и перекрестился. – Одну ногу он вырвал из нашей

грязи. Теперь надо освободить ему и другую ступню. Я так понимаю, что Митя тебе смертельно надоел и тебе хочется поскорее от него освободиться?

– Напротив! – совершенно искренне запротестовал я. – Он меня очень заинтересовал своей непохожестью на аборигенов нашего города. За несколько дней успел перебаламутить своими заявлениями и поступками наше интеллектуальное болото до такой степени, что вождь этой дряни Синюгин бросился на своём авто под груженую фуру и бесславно покончил жизнь самоубийством.

– Иногда удивляюсь, Игорь, твоей догадливости, – сверкнул глазами Андрей Ильич. – Однако не вздумай пугать Митю этой страшилкой. Твоя задача – помочь мне подвести сына к единственному разумному решению: вернуться в Англию и постараться забыть обо всём, что он увидел и узнал в России. Все торжества я отменил, обойдётся небольшим мальчишником.

Из кабинета мы прошли в просторную комнату отдыха, тайное обиталище босса, где я был впервые, и не увидел ничего необычного. Небольшой письменный стол, два дивана, стулья, довольно большой стол, сервированный на четыре персоны, на стене карта Среднего Поволжья, на небольшом столике несколько телефонных аппаратов. Андрей Ильич взял одну из трубок, и до меня донёсся слегка усиленный голос Ершова:

– Он в десяти шагах от меня. Идём по направлению к вам.

– Вот и ладошки! – обрадовано воскликнул Козырев. – Игорь, открой бутылку водки. Поухаживай за стариком, ведь мне сегодня, как-никак, семь десятков стукнуло. Думал, закачу пир на весь мир, да не вышло. Вместо него мне проверку на прочность устроили. И знаешь кто?

– Нет.

– И не надо тебе этого знать ни под каким видом. А за что я тебя, бездельник, содержу, про это скажу – из каприза, нрав у меня такой, что мне нужно иногда выговориться, облегчить душу, а это перед первым встречным не сделаешь, да и среди близко знакомых у меня таких людей нет. Жена после моих двух-трёх слов начинает зевать. Ершов?.. Так он – деревяшка с клыками. А с тобой мне уютно и покойно. Вот проводим Митю и пройдем по Волге вверх до Ярославля, а то и до Валаама.

Пришли Митя и Ершов. Полковник не стал заходить в комнату отдыха, да и Козырев его не пригласил, а к сыну поспешил, и, встретив на пороге, взял под руку, и, подведя к

столу, усадил напротив себя, затем уселся сам и требовательно щёлкнул пальцами.

Я наполнил стаканчики, открыл бутылки с водой и соком, поправил на столе тарелки с салатами и мясным ассорти.

– Ты у меня, Митя, на именинах в первый раз. Не обессудь, что карнавала и водной феерии не вышло, но, может быть, это и к лучшему? Но у тебя, поди, не это в голове сейчас. Ты, наверное, обижаешься на свою Соню, но она поступила очень порядочно: дала тебе возможность проверить свои чувства в разлуке, а ведь могла и не выпускать такого завидного мужа из коготков. Что ж, давай выпьем за мои семьдесят. И ты, Игорь, не отставай.

Ершов был при исполнении, и его Козырев юбилейным стопариком не угостил. А я с удовольствием опорожнил стаканчик, чтобы устранить сухоту в горле, которая у меня возникла при лицезрении волнительных прелестей Сони.

– Я не смог тебе сделать подарок, – смущенно сказал Митя. – Но он готов предстать перед тобой завтра.

– Предстать? – удивился Козырев. – Значит, это что-то живое. Надеюсь это не слон, а то он вытопчет весь остров. Кто это? Может, Игорь, это известно тебе?

Я глянул на Митю и возражения в его глазах не увидел.

– Так кто это?

– Сталин, вернее, его двойник, – сказал я. – Его перехватили прихожане отца Антония.

Козырев ухмыльнулся и добродушно погрозил сыну пальцем.

– А ведь я знаю, зачем ты хотел свести меня с этим Сталиным. Ты хотел, чтобы он сказал мне то, чего не решаешься сказать сам. Ведь так? А что мне твой подарок мог сказать? В чём упрекнуть или обвинить? Я о себе всё знаю сам. Знаю, что я предатель идеалов коммунизма, вор, отнявший собственность у трудового народа. Я уже более двух десятков лет эксплуатирую работяг и требую, чтобы они меня любили, как отца родного. Я понимаю, что я выродок, но именно поэтому считаю себя честным человеком.

– Странная и совершенно необъяснимая логика, – изумлённо воззрился на отца Митя.

– Знал бы ты других героев нашего времени, – насмешливо сказал Андрей Ильич. – И я, не хвалясь, могу сказать, что я лучше их всех в одном смысле, но зато в каком! Объявляю

это без всякой гордыни, потому что и хвалиться в общем-то нечем, но что имеем, то имеем. Я, мой сын, отличаюсь от всех мерзавцев нашего времени тем, что понимаю, до конца осознаю, что я – негодяй, предатель, отступник. А попробуй, спроси кого другого, того же Горбачёва, осознает ли он свою вину перед Россией? И он скажет: «Если я в чём и виноват, так только в том, что доверился своему окружению, а в нём оказались нечестные люди». Ему и всем коммунистам цекашного разбора, к которым отношусь пусть в самой малой степени и я, нужно собраться на Красной площади, встать на колени и просить у всех народов СССР прощения за своё предательство и отступничество от справедливости. Вот эту картину, Дмитрий Андреевич, тебе нужно было нарисовать самыми крупными и яркими мазками, а ты что-то там набормотал о вранье, о душе, а суть случившегося в России называется просто – предательство, похлеще власовского. Власов сдался один, а тут державу сдали, да ещё с десятков стран к ней в придачу.

– Тогда в спор-клубе я страшно нервничал, – виновато сказал Митя. – Говорил об очевидных вещах, о житейском вранье. И то это вызвало большой шум. Но в следующий раз обязательно скажу об измене, предательстве и отступничестве. По Данте, совершившие их грешники погружены на самое дно преисподней. И Христос, когда спускался в ад, прошёл мимо них.

– Я не настолько учён, чтобы судить о таких вещах, – сказал Козырев. – Может, ты, Игорь, что-нибудь об этом знаешь?

– Откуда, – запротестовал я. – Вот налить по рюмочке я ещё могу, не пролив ни капли.

Козырев в застольях больше одной стопки водки никогда не выпивал и, отмахнувшись от моего предложения, продолжил гнуть неведомую мне линию в разговоре с Митей, и я должен был быть настороже, чтобы в нужный момент поддержать босса.

– Ты, Митя, ошибаешься и крепко ошибаешься, когда считаешь, что наши образованные туземцы – это и есть та благодарная аудитория, которая только и ждёт, чтобы услышать твои откровения на тему предательства. Пусть они сами ничего не украли, но предатели почище меня. И ты знаешь, что они предали? Отчего отреклись, когда либеральная бражка стала переманивать их на свою сторону?

– Одно какое-то предательство трудно выделить. Предавали

ведь всё: и Отечество, и его историю и свой народ...

– Будет перечислять, – остановил его Андрей Ильич. – Всё довольно просто: те, кто сейчас власть: государственная, финансово-экономическая и обслуга режима – все они предали правду. Сказать проще: они не только согласны жить не по справедливости, но даже рвутся жить именно таким способом. Смеху подобно, что ты надеешься найти себе слушателей в спор-клубе. Да тебе не найти во всей России ни одного человека, который бы признался, что он живёт не по справедливости, кроме твоего отца. А как её вернуть – справедливость – всему народу и каждому человеку, она ведь не корова, которая потерялась в лесу и по брэнчанию ботала её не отыщешь? Да ты, Митя, никак кривишься? Тебе смешно?..

– Если бы тебе, или кому другому, или всей власти нужна была справедливость, то её бы мигом отыскали, – посмеиваясь, сказал Митя. – Но справедливость никому не нужна, да и кому она может понадобиться, если у всех эффективных собственников и обслуживающей этих крокодилов властной братвы нет стыда. Вот ты, отец, прости за прямоту, умом понимаешь, что ты живёшь не по совести, а сердцем этого не чувствуешь.

Но Андрея Ильича смутить было невозможно. Он съел, не торопясь, ломтик ветчины, запил водичкой и подмигнул мне, мол, не дремли, сейчас начнётся самое интересное.

– Шустряк. Полюбуйся на своего подопечного, Игорь. Кажется, когда он приехал, такой прыти у него не было. Или я ошибаюсь?.. Скорее всего, я не прав, он таким и уродился, как я в своё время, умником. Но ничего, эта блажь ненадолго. Жизнь соскребёт с него все эти благоглупости. Или не так?

– Может быть, я изменюсь, – твёрдо вымолвил Митя. – Но правду изменить невозможно. Никто не спорит – правда незыблема, её нельзя изменить или уничтожить, но можно от неё отвернуться и сделать вид, что её нет и никогда не было на белом свете. Так было во все времена. Но наше время хитрее. Сейчас каждый живёт по той правде, которая его устраивает, которая ему выгодна и, заметь, даже не отдаёт себе отчёта, что живёт по лжи. Беда России не в убыли населения, не в дураках и дорогах, а в том, что государство построено на лжи, и из-под его основания струится кровавая грязь. И все мы, кто меньше, кто больше, в ней перемазаны.

– погоди, Митя, – сказал Козырев. – С тобой всё ясно.

Честно говоря, я жалею, что не поговорил о русском бунте с тобой раньше. Но ты меня порадовал. Ты не глуп, далеко не глуп. Но сейчас сложились такие обстоятельства, что надо не говорить, а действовать. Ершов!

Полковник вошёл с чёрной папкой в руке и положил её на стол перед Козыревым.

– Всё собрал?

– Так точно, два раза проверил, – доложил Ершов. – Билет до Лондона. Пересадка в Берлине.

– Я что, должен уехать в Лондон? – по-детски шмыгнув носом, сказал Митя и жалобно посмотрел на меня. В его глазах стояли слёзы.

– Не ехать, а бежать! – строго сказал Козырев. – И как можно быстрее!

– Но почему? В чём я провинился?

Андрей Ильич тяжело вздохнул.

– Это не ты провинился, а я. Провинился тем, что процветание «Народной Инициативы» кое-кому не даёт спокойно жить. Меня как основного держателя акций концерна постоянно прощупывают, ищут слабые места. На сегодняшний день таким слабым местом оказался ты как самый близкий мне человек.

– В чём моя вина? – слабо вякнул Митя.

– Да нет на тебе никакой вины. Прилетев в Москву, ты сразу попал под колпак этих мерзавцев. Они следили за каждым твоим шагом и очень скоро сообразили, что против тебя очень легко состряпать уголовное дело. Я не упрекаю тебя, что ты говоришь всё, что взбредёт в голову, сам когда-то таким был. Они добрались до твоей статейки о бунте, которую ты тиснул в Интернете, будучи ещё в Англии. И это даёт основание возбудить против тебя, имея на руках улики, дело. На это наши прокуроры, следки и полицаи большие мастаки.

– У них на меня есть улики? – деланно удивился Митя. – И как они выглядят?

– Это неплохо, что ты изволишь шутить, – скривился Козырев. – Ершов, какой срок грозит нашему джентельмену, который сомневается в могуществе путинского правосудия?

– Года два колонии общего режима, если потратиться, – доложил полковник. – Но, скорее всего, деньги не помогут. Даже при самом удачном раскладе ему предстоит изучать лагерную жизнь не меньше двенадцати месяцев.

– Что ему твои слова! – нетерпеливо сказал Козырев. – Покажи ему всё в реале.

– Пожалуйста.

Ершов расстегнул кожаную папку и вывалил на стол десятка три листов бумаги, компьютерные диски, флешку, видеокассеты и фотографии.

– Эта кучка мусора стоила мне кучу денег, – буркнул Козырев. – Продолжай, полковник!

Митя протянул руку и взял фотографию. На ней были запечатлены он и Соня на кровати в её квартире. Коротко взглянул на снимок и, словно обжегшись, швырнул его на пол к ногам отца.

Андрей Ильич не поленился поднять, положить фото на стол и нравоучительно произнёс:

– За всё это большие деньги плачены.

– Мне жаль, что я своим приездом так навредил тебе, – сказал Митя. – И Соне. Мне нужно с ней поговорить по телефону.

– На острове введён режим молчания, – объявил Ершов. – И все телефонные переговоры исключены. Кстати, прошу ваши сотовые сдать.

Я расстался со своим телефоном без колебаний, а Митя сдался только после того, как отец приказал ему подчиниться требованию полковника.

– Доберёшься до Лондона и чирикай оттуда сколько душе будет угодно. А сейчас помолчи. Скажи только одно: ты осознал, что тебе нужно уезжать за бугор?

– Если честно, то нет. Как я могу уехать без Сони, она сейчас находится в большой опасности, почти без денег, ведь то, что я вручил ей у вертолёта, очень мало для того, чтобы жить и ни в чём не нуждаться.

Я почувствовал, что и мне пора немного повякать, чтобы хоть как-то оправдать свою зарплату в «Народной Инициативе».

– Насчёт её денежного обеспечения ты можешь быть спокоен. У меня с нею подписан контракт на участие в празднике. Он не состоялся по независящим от Сони обстоятельствам, но все деньги будут ей выплачены в ближайшие день-два. На них она сможет благоденствовать несколько месяцев, пока не рассосётся твоя проблема.

– Как нелепо всё вышло! – тяжело вздохнул Митя. – Я и не подозревал, что являюсь разжигателем всех видов розни: национальной, социальной и так далее, которые только

перечислены в Уголовном кодексе.

– Под статью о шпионаже, как при Сталине, вас нельзя подогнать, – пустился в объяснения Ершов. – В тридцать седьмом вам за половину вашей статейки о вранье дали бы расстрел. А сейчас у вас есть стопроцентный шанс провести ближайшие пять лет не в тюрьме, а в Лондоне или на Канарах. Демократия. И за что её ругают богатые люди, ума не приложу? Вы, Дмитрий Андреевич, пока не ограничены судом в праве на передвижение. В этом пакете находятся ваш британский паспорт, билеты на самолёт, деньги. Прощайтесь с отцом – и в путь. Счастливой вам дороги!

Митя взял пакет, заглянул в него и, положив на стол, сказал дрогнувшим голосом:

– Это я сам во всём виноват. Приехал насовсем, а за несколько дней наворотил такое, что приходится бежать от правосудия. Прости, папа. Я буду без тебя скучать.

– На этот счёт не беспокойся! – вскричал обрадованный согласием сына на отъезд Андрей Ильич. – В меня вцепились такие крокодилы, что не оставят в покое. Поэтому я скоро вслед за тобой сам явлюсь на туманный Альбион. Вот приведу в порядок дела и приеду к тебе погостить с Алевтиной на полгода или на год. Здоровье поправить, да и на хваленую Европу погляжу, а то все от неё без ума, а за что?

– Вертолёт на подлёте, – озабоченно произнёс Ершов. – Времени, чтобы долететь до «Курумычей», осталось почти впритык.

– Игорь, – повернулся ко мне Козырев. – Вручаю тебе Митю. Проводи его до самолёта и проследи, чтобы всё было нормально.

Он взял телефонную трубку и требовательно произнёс:

– Аля! Мы тебя ждём. Тебе надо проститься с Митей. Да-да, он уезжает. Вопросы потом!

Андрей Ильич поднялся со стула и подошёл к окну. Над Волгой было безоблачно, ветер утих, но волны ещё колготились, били и накатывались друг на друга. Им, чтобы успокоиться, сравняться друг с другом, растечься водным зеркалом от Чебоксар и до Жигулей, понадобится не менее суток, но ветер в этих краях – незванный и частый гость. Налетит неожиданно-негаданно и начнёт тормозить Волгу, раскачивать, понуждать бросаться что есть мочи на берега, обрушивать глиняные склоны и, процедив их, выкатывать на песчаные

откосы «чёртовы пальцы» и панцыри моллюсков, которые обитали здесь за сотни миллионов лет до освоения господином Козыревым Бесстыжего острова.

– Что она там тянется? – недовольно пробурчал Андрей Ильич, и в этот миг задрезжались стёкла окон и послышался отдалённый взрыв.

– Что это? – встrepенулся Митя. – Никак гром? При грозе на вертолёте лететь нельзя.

– Я знаю, что это такое, – хладнокровно произнёс Козырев. – Всем следовать за мной на смотровую площадку, кроме Ершова. Полковник, объявляй боевую тревогу!

В комнату вошла встревоженная Аля. Андрей Ильич без объяснений подхватил её под руку и увлёк за собой на опоясывающую терем крытую веранду, которая имела лестничный выход на крышу, где находилось высокое строение, похожее на капитанский мостик с рулевой рубкой и мачтой.

Внезапно идиллическую тишину речного острова разорвали звуки колоколов громкого боя и дикие вопли ревуна. Шкипер Андрей Иванович, как оказался, недаром получал свои деньги, и все средства оповещения об опасностях, угрожающих обитателям Бесстыжего острова, были в полном порядке и сразу включились на полную мощь. В поисках причины переполоха я посмотрел на Волгу и понял, что Чугун исполнил своё намерение напасть на резиденцию президента «Народной Инициативы», и к острову приближаются с десятков моторных лодок и катеров, ведомых прогулочным «омиком». На нём было не меньше сотни граждан и гражданок, которые размахивали партийными флагами и во всё горло вопили антикозыревские кричалки, и те – волна за волной – накатывались на остров. Вокруг протестной эскадры носился юркий скоростной катерок с кинооператорами и корреспондентами.

– Двадцать секунд прошло! – гневно вскричал Козырев. – И никто не выбежал согласно боевому расчёту.

В ответ раздался пушечный выстрел. Это шкипер перезарядил пушку своего струга и пугнул дымом противников, которые уже заметно приблизились к острову.

– Уволью полковника без выходного пособия! – скрипнул зубами Козырев.

В случае боевой тревоги остров прослушивался насквозь, Ершов услышал своего босса и торопливо доложил:

– Водяные пушки на выходе!

Недалеко от нас находилось пожарное депо, и люди Ершова выкатили из них три на резиновом ходу тележки, которые, и, правда, походили на пушки, потому что были оборудованы крупного размера брандспойтами и брезентовыми шлангами. Охранники быстро потащили тележки к берегу, за ними, облаченный в брезентовую куртку, спешил Ершов, но вдруг остановился и задрал голову вверх.

– Они запускают сигнальные ракеты! – быстрее всех сообразил Митя, увидев яркую вспышку.

– Это уже не смешно, – жестко сказал Козырев. – Они собрались поджечь остров.

– Деревья и трава мокрые насквозь после ливня, – сказал Митя. – Огонь вряд ли разгорится.

Мне захотелось рассмотреть нападавших, и я, взяв в рубке бинокль, направил его на вражескую флотилию. И сразу же увидел на идущем впереди катере Чугуна и майора, который допрашивал Митю после молебна на кладбище. Полицай был в цветной рубашке и панаме, но его присутствие говорило о том, что враги Козырева не угомонились и никого не боялись, если решились произвести покушение на частную собственность одного из самых влиятельных лиц области.

Люди полковника тем временем выкатили тележки на причал, подключили к энергопитанию, сбросили всасывающие патрубки в воду и ударили водяным залпом из всех трёх пушек по вражеской флотилии. Первый залп был мимо, но уже следующий накрыл «омик» сначала с кормы, затем с носа. Зазвенели разбитые стёкла палубного помещения и командирской рубки. Свинцовой тяжести струя ударила в рулевого, он изо всех сил цеплялся за руль, но вынужден был покинуть вахту и спрятаться за рубкой. Судно стало разворачиваться по оси, и под водяный обстрел попала уже вся десантно-митинговая публика.

– Ершов!

– Слушаю, Андрей Ильич!

– Отведи пушки в сторону, ополосни остальных. А этим хватит.

Митя подошёл к отцу с виноватым видом и признался:

– Я думал, что меня запугивали, чтобы я уехал. Но теперь вижу, это серьёзное дело.

– Ты же всюду ищешь и ждёшь бунта, – усмехнулся Козырев. – Вот он перед тобой. С одной стороны, жаждущий

справедливости народ, а с другой – я, вроде как сатрап капитализма, почти «вешатель», как Столыпин. Через час об этом будет знать вся страна, через полтора часа – вся Европа, поэтому не удивляйся, если в Хитроу таможенники на тебя будут смотреть как на сбежавшего из России путчиста.

– Я зову в Россию бунт как божественное откровение, – строго глянул на отца Митя. – А все протесты, даже восстания – всего лишь давно отыгранное шоу, даже так называемые арабские революции.

Между отцом и сыном готова была завязаться дискуссия, но Чугун и его команда не думали отступать. Воспользовавшись тем, что обороняющиеся прекратили обстрел водяными залпами, они перестроились и стали огибать остров восточной протоке, чтобы произвести высадку десанта с незащищённой стороны козыревских владений. Перестроение противника не укрылось от Ершова, и он в ответ на запрос Козырева доложил, что для встречи десанта им приняты упреждающие меры, что враг не пройдёт и победа будет за нами.

– Они так и будут кружить до темноты вокруг острова, – буркнул в переговорное устройство Андрей Ильич. – Может, послать Алексея Ивановича на струге, чтобы он протаранил пару-тройку посудин?

– Не стоит, – поразмыслив, сказал полковник. – Это будет несоразмерным с угрозой действием защиты. Но есть возможность пострадать их вертолётном. Он уже на подлёте к острову.

– Пусть садится на свою площадку и не глушит мотор, – приказал Козырев.

Мы спустились на хозяйский этаж терема, где нас встретила Люба. Митя взял у неё спортивную сумку с туалетными принадлежностями, коротко простился с ней и Алей и повернулся к отцу.

– Я готов.

– погоди, – Андрей Ильич подошёл к столу, взял из ящика конверт и протянул сыну. – Я тебя назначаю своим торговым представителем в Европе. В конверте – финансовое обеспечение проекта и примерный бизнес-план.

Митя явно хотел что-то сказать, скорее всего, возразить отцу, но Козырев уже направился на выход. Люба на мгновение задержала меня, чтобы перекрестить и поцеловать. То же самое благословение она совершила и над Митей, и мы поспешили

к вертолёту, который без обычного барражирования над островом, сразу завис над посадочной площадкой, затем стал, покачиваясь, опускаться в серединку начерченного на асфальте белого круга.

Прощание отца с сыном было безмолвным. Андрей Ильич пожал Мите руку, крепко обнял, подошёл к вертолёту, что-то крикнул лётчику, открыл дверцу кабины и легонько подтолкнул Митю к трапику. Я тоже удостоился дружеского толчка в спину, неуклюже влез в тесную кабину и, упав на сиденье, вцепился в поручень, потому что вертолёт стал набирать высоту. Остров со всем, что на нём находилось, стремительно уменьшался в размерах. Пиратская флотилия Чугуна на огромном зеркале водохранилища выглядела кучкой мусора, на правом и левом берегах открылся полностью, от центра до окраин, знакомый мне город. Вертолёт летел по руслу реки, и вскоре мы достигли Черемшанского залива и взяли направление на окраину Самары, где находился аэропорт «Курумоч».

Митя с отрешённым видом сидел рядом со мной, и я вдруг понял, что мои мытарства с пробирочником подошли к концу. Ещё час-другой, и он исчезнет из моих глаз, возможно, что навсегда, но я так и не понял, с кем имел дело? Мите не нашлось места в моей квалификационной таблице, которую я составил для российских обывателей и продолжал пополнять самыми экзотическими видами как негодяев, так и добродетельных людей. Он не вписывался в мои представления ни происхождением, ни готовностью броситься первому встречному на шею, ни яростным, беспощадным и явно бессмысленным бунтом против российской действительности. Если это так, то Мите уготована жертвенническая участь – гореть муками совести за Россию до своего смертного часа.

И другого пути у него не могло быть.

Электронные публикации автора

<http://ulpressa.ru/post-source/literatyrnii-ulyanovsk/> Журнал
«Литературный Ульяновск».

[?page_id=581](http://ulpressa.ru/post-source/literatyrnii-ulyanovsk/?page_id=581) Авторская страница гл. редактора
«Литературного Ульяновска».

<http://samaralit.ru/> Альманах «Литературная Губерния».

http://www.velykoross.ru/users/all/user_14/ Блог в журнале
«ВЕЛИКОРОСС».

stihi.ru **Николай Полотнянко** Стихи. ру

pervayarosa.com **авторы/полотнянко/** Альманах «Первая
роса».

new_page_512.htm Сайт «Поэзия Сопротивления».

new_page_312.htm Сайт «Стихи о России».

nikpolot.livejournal.com Живой Журнал.

Полотнянко Николай Алексеевич Бесстыжий остров

Редактор *Л.И. Полотнянко*

Дизайн обложки *Л.В. Папета*

Компьютерная вёрстка *Л.И. Полотнянко*

Корректор *И.Н. Сабанова*

Подписано в печать 29.04.2013
Формат 60x90/16. Гарнитура Times New Roman
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 14,1.